

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

Д. В. Наумов

НА ОСТРОВАХ ОКЕАНИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Д. В. Наумов
✿
**НА ОСТРОВАХ
ОКЕАНИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Н. А. СИМОНИЯ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Д. Д. ТУМАРКИН

ФОТО И РИСУНКИ АВТОРА

Наумов Д. В.

Н 34 На островах Океании. М., Главная редакция
восточной литературы издательства «Наука», 1975.

167 с. с ил. («Путешествия по странам Востока»)

Книга Д. В. Наумова — впечатления участника экспедиции к тропическим островам Тихого океана. Автор, заведующий ленинградским Зоологическим музеем АН СССР, побывал на Берегу Маклая, видел народный праздник на Фиджи, посетил места, связанные с жизнью Р. Стивенсона на Самоа. В книге рассказывается о природе и людях Океании, об атоллах и коралловых рифах, акулах, крокодилах, красивых раковинах, хищных «терновых венцах» и о кораллах — строителях многих тысяч островов Океании.

Н $\frac{20901-141}{013(02)-75}$ — 141-75

91 (И9)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

ОТ АВТОРА

Всякое путешествие имеет свою предысторию. Для меня она началась несколько лет назад, когда я вложил в обыкновенную папку «Для бумаг» первый листок и написал на ее обложке два слова: «Большой Барьер». Так сокращенно называют одно из удивительнейших творений природы — Большой барьерный коралловый риф, тянущийся вдоль восточного побережья Австралии на протяжении 2300 км. Первый листок — письмо из Института океанологии им. П. П. Ширшова Академии наук СССР. Мне предлагалось принять участие в экспедиции к коралловым островам Океании.

Каждый зоолог, изучающий морских животных, мечтает поработать на коралловом рифе. Это какое-то чудесное место, где на небольшом пространстве собираются чуть ли не все представители морской тропической фауны. Такого разнообразия, такого обилия крабов, ярких морских звезд, моллюсков с глянцевитыми фарфоровыми раковинами, пестрых рыбок, удивительных морских ежей то с тонкими и длинными, как вязальные спицы, то с короткими сигарообразными иглами не увидишь больше нигде. Не говоря уж о самих кораллах, которых насчитывается несколько тысяч видов.

Коралловые рифы задавали натуралистам не одну загадку. Долгое время никто не мог понять причин их возникновения, а также происхождения расположенных в открытом океане островов, которые состоят из чистейшего кораллового известняка. Глубины вокруг них достигают нескольких километров, в то время как сами кораллы глубже 50 м от поверхности жить не могут. За счет чего же образовалась основа такого острова? Чем объяснить странную кольцеобразную форму большинства островов кораллового происхождения? Какова их дальнейшая судьба? Поднимутся ли они над океаном,

уйдут ли под воду, навечно ли останутся низменными, узкими колечками суши среди бушующих волн?

На эти, так сказать, основные вопросы дал ответ Чарльз Дарвин. Его теория происхождения коралловых островов выдержала испытание временем и сейчас признается большинством исследователей. Поправки и уточнения, внесенные позднее, не затронули существа дарвиновской теории. Однако не все проблемы, связанные с коралловыми рифами, уже разрешены. Так, долгое время была совершенно непонятна, да и сейчас до конца еще не объяснена необычайно высокая продуктивность сообщества растений и животных кораллового рифа.

Биологическая продуктивность моря — очень сложная и многосторонняя научная проблема, над которой работает огромная армия специалистов. Мировой океан, еще совсем недавно казавшийся не только неисчерпаемым, но и неисчерпаемым, стал постепенно оскудевать. Интенсивный механизированный промысел, особенно резко возросший после второй мировой войны, привел к значительному уменьшению численности многих ценных видов промысловых рыб, китообразных и даже беспозвоночных животных.

По данным ФАО*, мировой промысел съедобных ракообразных и моллюсков за период с 1938 по 1964 г. возрос более чем в два раза. Кроме того, огромное их количество добывается населением прибрежных районов, что не поддается учету. Ежедневно во время отлива на берега выходят миллионы людей с лопатами, решетками и корзинами. Они просеивают, промывают грунт, извлекая съедобных червей, моллюсков, рачков, иглокожих, маленьких рыбок. Не удивительно, что в прибрежной полосе стран Юго-Восточной Азии с их очень плотным народонаселением интенсивный ежедневный отлов морских животных привел к крайнему обеднению мелководной фауны. Уменьшились и запасы водорослей. Стало очевидно, что для использования природных возможностей океана необходимо детальнейшим образом изучить биологию морских организмов и установить разумные пределы (и сроки) промысла каждого вида жи-

* ФАО — Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН.

Там, где морских животных добывают бесконтрольно и ежедневно, «урожаи моря» невелики. На дне корзины помещается значительная часть суточного рациона семьи

вотных и растений. Однако этого недостаточно, и в будущем большое значение отводится искусственному разведению и выращиванию наиболее ценных морских организмов в специально оборудованных подводных хозяйствах. Если такое хозяйство опирается на хорошо разработанные научные рекомендации, то рентабельность его гарантирована. Примером может служить всемирно известная японская фирма «Микимото», разводящая жемчужниц. Во многих странах существуют вполне преуспевающие предприятия по разведению съедобных беспозвоночных животных. В результате нескольких лет работы коллектив лаборатории морских исследований Зоологического института АН СССР дал биологические обоснования для организации управляемого подводного хозяйства по выращиванию съедобных моллюсков в Японском море. Такое хозяйство сейчас создается в заливе Посьет.

Изучение коралловых рифов имеет весьма существенное практическое значение. На островах Океании, где диких животных практически нет, а животноводство развито очень слабо, коралловый риф в течение тысячелетий давал человеку необходимые для жизни белки. Известковый скелет, образуемый кораллами, служит источником строительного материала — известняка, разработки которого также ведутся очень широко. Таким образом, исследование коралловых рифов из проблемы чисто зоологической становится все более проблемой социальной.

Подготовка экспедиции в тропики — дело довольно сложное. Прошел целый год, прежде чем я получил из Москвы телеграмму: академик Л. А. Зенкевич собирал у себя группу специалистов по изучению кораллов для обсуждения конкретных задач и выяснения деталей предстоящей работы. В нашей стране моря, увы, лишены коралловых рифов. Их широко исследуют лишь палеонтологи. Впрочем, и для них живой коралловый риф тоже чрезвычайно интересен: ведь и современные и давно уже не существующие коралловые сообщества должны развиваться по одним и тем же законам. (Изучение современных рифов до известной степени может способствовать заполнению пробелов в наших знаниях о рифах минувших эпох.) Поэтому на совещании присутствовали и палеонтологи — из Института океанологии Н. Б. Келлер,

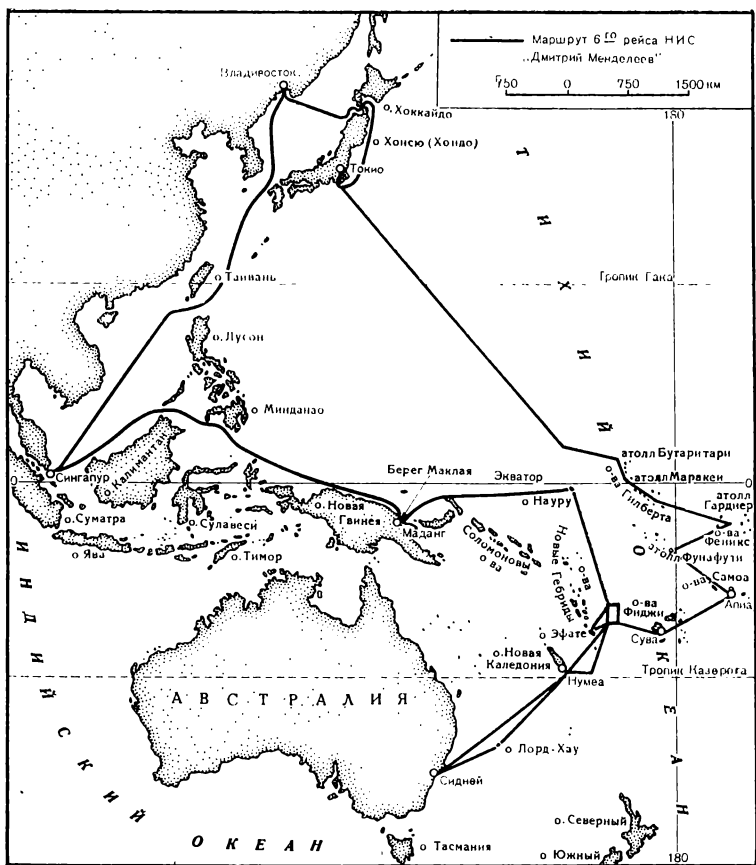
из Института биологии моря (Владивосток) Е. В. Краснов. Специалистов по живым кораллам оказалось также два: Ф. А. Пастернак, сотрудник Института океанологии, и я. Мы собрались в маленьком кабинете Л. А. Зенкевича на биофаке Московского университета и целый вечер обсуждали программу работ. От этой экспедиции ожидали многого. Поэтому намеченная программа все расширялась. На следующий день мы встретились снова и привели наши благие намерения в более или менее стройный порядок, ограничив себя лишь реально выполнимыми заданиями. К сожалению, из четырех специалистов, собравшихся в Москве, в Океанию на этот раз попали только Е. В. Краснов и я. Двое наших коллег по разным причинам принять участие в экспедиции не смогли. Мы были благодарны им за содействие и весьма сожалели, что они не работали с нами.

Программа, выработанная нашей четверкой, получила одобрение академика Л. А. Зенкевича и впоследствии была утверждена Ученым советом и дирекцией Института океанологии при подготовке рейса.

После совещания прошло еще полтора года, и только тогда стало ясно, что экспедиция состоится, и даже в ближайшее время. Научно-исследовательское судно Академии наук СССР «Дмитрий Менделеев» должно выйти из Владивостока ориентировочно 1 июня 1971 г. Срок экспедиции — четыре месяца. Начальник биологического отряда Л. И. Москалев сообщил мне даже маршрут экспедиции. На листке кальки, присланной им, красные стрелки шли от Новой Гвинеи к Фиджи, Самоа, Новой Каледонии, в Австралию. У островов стояли многочисленные кружки — места работ на рифах.

Итак, начался последний, но зато наиболее ответственный этап подготовки: составление списков материалов и оборудования, упаковка багажа, приобретение всевозможных вещей и т. д. Более полусотни ящиков с коллекционной посудой, аквалагангами, надувными лодками, орудиями лова, инструментами и массой другого оборудования в двух больших контейнерах было отправлено во Владивосток.

«Дмитрий Менделеев» тем временем завершал свой пятый рейс и из Атлантики через Панамский канал шел к Владивостоку. Мы, группа ленинградских биологов — участников экспедиции, с нетерпением ждали из Моск-

Маршрут 6-го рейса научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев»

вы сигнала о выезде. Кроме меня для работ на коралловых рифах пригласили заведующего лабораторией морских исследований Зоологического института А. Н. Голикова и Ю. Е. Петрова — альголога, то есть специалиста по водорослям (а их на коралловых рифах бывает очень много), сотрудника Ботанического института имени В. Л. Комарова. В составе экспедиции был еще один ботаник — академик А. Л. Тахтаджян, в за-

дачу которого входило изучение наземной растительности всех островов, которые нам предстояло посетить, и сбор гербария для Ботанического института.

Кончался май, а извещения о выезде все не поступало. Наконец в первых числах июня, поздно ночью, мне позвонил Л. И. Москалев: 10 июня нужно быть на борту судна. С утра мы с Голиковым помчались в кассу аэропорта, но билетов, конечно, не оказалось — начался период летних отпусков. Еще одна, как я надеялся, последняя и самая короткая задержка. Ведь прошло уже более трех лет с тех пор, как мы стали готовиться к «коралловому» рейсу! Вечером я уложил личные вещи: они едва вместились в два солидных чемодана, не считая двух корреспондентских сумок с фотоаппаратами и кинокамерами, магнитофоном, пленками, запасными батарейками и т. д. и т. п. Подготовка к экспедиции закончилась, впереди нас ждала Океания.

ОТ ЛЕНИНГРАДА ДО НОВОЙ ГВИНЕИ

Перелет во Владивосток. Мы на «Дмитрии Менделееве». «Уходим завтра в море»... Летучие рыбы. Фотоаппараты в инкубаторе. Ночной лов на свет. Самый чистый город в мире. Гарриет не жалеет с нами встречаться. Переход экватора

Поставив машину около стеклянного павильона аэропорта, я отдал ключи моему другу Евгению. Самолет во Владивосток отправлялся через час с небольшим, и нужно было торопиться. Тут я вспомнил, что не успел даже позавтракать, и предложил провожающим пройти в буфет. Едва мы успели перекусить и чокнуться на дорогу гранеными стаканами, наполненными черным «мукузани», как объявили посадку. Когда я уже прощался, в толпе появился сияющий Александр Николаевич Голиков. Он приехал, как водится, в последнюю минуту. Шагая по летному полю, мы оба одновременно обернулись и увидели улыбающиеся лица родных и друзей — сотрудников лаборатории и ленинградского Зоологического музея.

В два часа дня, точно по расписанию, наш самолет взял курс на Владивосток. Прильнув к иллюминаторам, мы увидели внизу Неву, в голубоватой дымке слева лежал Ленинград. Когда летишь на восток, время стремительно несется навстречу. Через два с половиной часа, когда мы приземлились в Челябинске, там был уже вечер, а когда опять взрели моторы, солнце скрылось за горизонтом. Еще раз мы увидели его уже в воздухе. Под нами плыли красные от заката облака. Стюардессы зажгли в своем отделении свет и начали готовить ужин. По московскому времени сутки еще не кончились, было 10 июня 1971 г. В этот день Армену Леоновичу Тахтаджяну исполнился 61 год, и мы, нарушив запрет (стюардесса, строго поглядев в нашу сторону, предупредила: «Разрешается пить только сухие вина»), выпили за его здоровье по стопке коньяка.

В Новосибирске была ночь, светила полная луна. Байкал пролетели уже на рассвете, потом на Читинском аэродроме долго грузили какие-то тяжелые ящики. В воздухе мы сразу попали в сплошное «молоко», которое так и не рассеялось до Хабаровска. Здесь шел дождь. Под сплошными потоками ливня пришлось бежать в здание аэровокзала. На наше счастье, дождь показался синоптикам небольшим и вылет по метеоусловиям не отложили. Последний бросок продолжительностью в пятьдесят минут - и перелет окончен.

В аэропорту Владивостока, усталые после пятнадцатичасового перелета, мы долго ожидали наш багаж, потом искали транспорт, чтобы добраться до города. Наконец уже в середине дня на двух такси прибыли в порт. После долгих поисков причала, на котором должен был стоять «Дмитрий Менделеев», нас вместе с багажом выгрузили в самом центре города, и мы увидели судно. Оно стояло кормой к причалу, и по перекинутому трапу сновали матросы, разгружавшие сразу две грузовые машины. Вся кормовая часть палубы была завалена всевозможными ящиками, коробками, тюками. Тут над ними показалась взлохмаченная голова и черная курчавая борода начальника биологического отряда Москалева, который быстро шел нам навстречу узкими проходами между ящиками.

— Приехали? Это же замечательно!

Громовой его голос заглушал шум погрузки. Несколько сильных рук подхватили наши вещи. Мощные рукопожатия, первые знакомства с теми членами экипажа, которые оказались на корме, и мы уже сидим в столовой команды. Сильно проголодавшись, набросились на харчо, котлеты с гречневой кашей и, завершив обед неизменным флотским компотом, пошли к себе в каюту (нас с Голиковым разместили по левому борту в самой носовой каюте).

Обстановка очень простая, но вполне удобная. Койки, как в купе поезда, расположены одна над другой, перед круглым иллюминатором столик с телефоном и маленький диванчик. Кресло, раскладной стул, книжная полка, шкафчик с двумя отделениями, несколько выдвижных ящиков под койками, умывальник с горячей и холодной водой, над ним за зеркалом, в нише, полочки для туалетных принадлежностей, вентилятор, термо-

метр у двери. Много осветительных приборов: на потолке люминесцентный светильник, настольная лампа, свет над умывальником и, наконец, лампочки в изголовьях коек. К стене прикреплен плоский кондиционер. Поворотом ручек можно включить нагреватель или пустить струю холодного воздуха. Здесь нам предстояло прожить бок о бок четыре месяца. Каюта понравилась обоим. Впоследствии оказалось, что в ней здорово качает. При высокой волне, лежа на койках, мы чувствовали себя словно на гигантских качелях. Когда нос проваливался, захватывало дух. Но все еще было впереди. В этот день мы не стали даже распаковывать вещи. Приняли горячий душ и завалились спать.

Наутро, позавтракав, мы услышали по судовой трансляции короткое распоряжение: «К причалу прибыла машина с продовольствием. Всем свободным от работы — на выгрузку!» — и стали носить ящики с консервами, какие-то коробки, мороженых кур. По просьбе боцмана помогали загружать трюм, вместе с аквалангистами перетаскивали тяжелые баллоны для воздуха. Каждый вечер мы возвращались в каюту усталые и засыпали мертвым сном, пока не раздавался сигнал на завтрак. Судовая трансляция (иначе, «спикер») работала с предельной нагрузкой. Кого-то куда-то вызывали, кого-то просили позвонить по такому-то телефону. Объявлялось начало работ, сообщалось о временном прекращении подачи горячей воды, запрещении сваливать пустую тару на палубе. В потоке всех этих объявлений и приказов дежурный по судну обыденным голосом, как передают о прибытии очередного грузовика с капустой, передал короткое распоряжение: «Внимание экипажа и экспедиции! Выход назначен на шестнадцатое июня. Всему личному составу быть на борту к восьми утра».

Я сразу же пошел в город, отправил несколько писем и дал домой прощальную телеграмму: «Уходим завтра в море». На другой день «спикер» выдал новость: «Выход откладывается на семнадцатое июня».

День был чудесный, солнечный и теплый. Участники экспедиции с цветами и фотоаппаратами целой толпой собрались на корме. На причале осталась группа провожающих. В воздухе замелькали платки, затрещали кинокамеры, из репродуктора раздалась музыка. Ма-

ленький буксир медленно вывел «Дмитрия Менделеева» на середину бухты Золотой Рог и скромно отошел в сторону. Заработала машина, и мы пошли по Уссурийскому заливу, набирая скорость. Остался позади Владивосток, по правому борту долго тянулся остров Русский. Мимо проплыла небольшая рыжая медуза, потом они стали попадаться десятками. Описав широкую дугу, «Дмитрий Менделеев» снова повернул к Владивостоку и встал на внешнем рейде. Потянулись долгие часы ожидания. Наступил вечер, а мы всё еще стояли на якоре. «Спикер» молчал. Пришлось ложиться спать, хотя сон и не приходил. В пять часов утра подошел катер с представителями погранохраны и таможни. Началась проверка документов, таможенных деклараций. Потом опять наступила тишина. Наконец репродуктор прохрипел: «Боцмана — на бак!», за переборкой нашей каюты загремела якорная цепь, и сразу же мы услышали голос капитана: «Вниманию всех участников экспедиции! Судно получило разрешение на выход и подняло якоря. Поздравляю научный состав и экипаж с началом шестого рейса!» Я посмотрел на часы, было 10.25 18 июня. Экспедиция в Океанию началась.

Утро первого дня выдалось прохладное, очень тихое. Выйдя из Уссурийского залива, мы взяли курс на юг и вскоре попали в густой туман, низкой полосой протянувшийся по всему горизонту. В этих местах можно ожидать встречи с маленькими судами, лишенными радаров. Поэтому через каждые несколько минут «Дмитрий Менделеев» давал продолжительные гудки, предупреждая о своем приближении. Прояснилось только к вечеру, стали видны берега Кореи. Мы привели в порядок нашу лабораторию, распределили рабочие места. Весь этот день море было очень спокойным и казалось совершенно безжизненным, не попадались даже морские птицы, обычно сопровождающие судно, когда оно идет так близко от берегов. На следующий день погода сменилась, подул свежий ветер и стало слегка покачивать. Во время вечернего чая передали сообщение: «Справа по борту стая дельфинов». Все выбежали из кают-компании и, вооружившись фотоаппаратами, столпились у борта. Дельфины играли, плыли по курсу судна, пере-

секали его путь перед самым форштевнем, а некоторые стремительно проплывали даже под килем. Однако сфотографировать их оказалось не так-то просто. Быстрый ход «Дмитрия Менделеева», появление дельфинов из глубины в самых неожиданных местах и начавшаяся качка не давали возможности поймать их в поле зрения видоискателя. Справа подошла новая, еще бо́льшая стая. Блестящие черные звери один за другим, как будто нарочно позирруя, высоко выскакивали из воды.

Ночью вошли в Восточно-Китайское море. Волнение усилилось. Официальный бюллетень судовой метеостанции так охарактеризовал состояние погоды: «Сегодня мы мужественно прошли чрез циклон(чик), который по существу классифицируется как первая стадия развития циклона (стадия волны). Давление в центре было 1000 мб. Можно представить себе ветер и волнение, когда давление в центре внутропических циклонов опускается до 980. В тропических циклонах оно падает до 940 мб и ниже, а скорость ветра превышает 50—70 м/сек. Максимальная скорость ветра, которую мы зарегистрировали сегодня, была всего лишь 14 м/сек (7 баллов), а некоторые товарищи уже укачались! Мужайтесь, открыватели!»

Рядом с метеосводкой, на доске, где вывешивают приказы по экспедиции, появился листок со списком тех, на чье имя поступили радиogramмы. Обнаружив в нем свою фамилию, я отправился в радиорубку. Телеграмма была из лаборатории от Софы Степанянц, которая дважды работала в экспедициях в центральной части Тихого океана: «Поздравляю началом рейса, желаю больше футов под килем, меньше акул на рифе, привет Океании».

Мы продвигались все дальше на юг, становилось теплее. Появились первые летучие рыбы. Одну из них нашли утром на нижней кормовой палубе. Обычно летучие рыбы не поднимаются высоко над водой, а, распластав плавники, стремительно несутся над самой ее поверхностью. Зрелище это поистине незабываемо. Целые стаи серебряных рыб с темно-синими плавниками-крыльями неожиданно выскакивают из воды и, описывая широкие дуги, мчатся в сторону от корабля, сверкая на солнце. Их длинные грудные плавники чуть трепещут. Кажется, что вот-вот рыба снова уйдет под воду,

а она все летит от гребня к гребню волны, как пущенный «блинчиком» камешек. Известно довольно много видов летучих рыб, относящихся к шести родам. Некоторые из них достигают 40—45 см в длину, но обычно они несколько меньше. Полет летучей рыбы весьма своеобразен. Вначале она разгоняется под водой, усиленно работая хвостовым отделом тела. Грудные плавники при этом прижаты к бокам. Выскочив на поверхность, рыба внезапно распускает их и продолжает бить по воде нижней, большей лопастью хвостового плавника. Наконец, достигнув предельной скорости, она отрывается от воды и летит над ней как стрела. Полет длится 10—15 секунд. За это время рыба успевает пролететь 150—200 м. Высота полета, как уже говорилось, обычно незначительна, но все же известны случаи, когда летучие рыбы оказывались ночью на палубе, на высоте пяти и даже 10 м над уровнем моря. Полет служит им защитой от тунцов, парусников, морских щук и других хищников. Летучие рыбы очень вкусны, но никогда не образуют больших стай и потому промыслового значения не имеют.

Становилось все жарче. Капитан вышел к обеду в легкой рубашке и шортах. Это было сигналом к переходу на тропическую форму одежды. Во всех помещениях заработали кондиционеры. С палубы в лабораторию мы возвращались словно в нетопленный предбанник из парилки. Сразу же произошло разделение на сторонников и противников кондиционирования. Первые доказывали все преимущества этого достижения цивилизации, пугали оппонентов перегревом, потерей трудоспособности: «На „Витязь“ бы вас, тогда узнали бы, что значит плавать в тропиках!» Противники парировали все доводы: «Ну и что ж, что на „Витязе“ нет кондиционеров, а работали на нем не хуже, чем на „Менделеев“, не было ни одного случая перегрева. Зато здесь ещё простудимся. Каждую минуту придется бегать из жары в холод. Кроме того, пропадает существенный элемент экзотики». Однако споры имели чисто академический характер — отключить кондиционер по всему судну нельзя. Только в своей каюте можно отчасти регулировать приток холодного воздуха. Поэтому на первых порах одни засели в прохладе и тени лабораторий, другие устроились работать на открытой палубе.

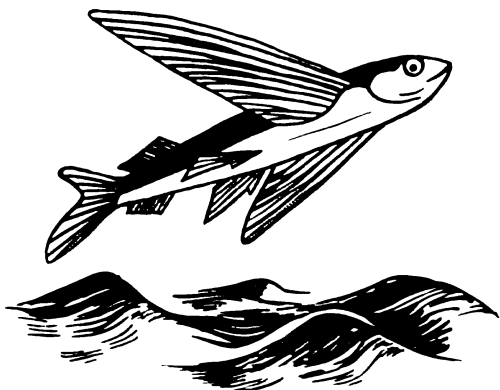
Днем на корме появились два голубя. Это были светло-сизые почтовики. На одной лапке у каждого из них блестело кольцо с номером, к другой — привязана капсула с письмом. Попытка сфотографировать птиц оказалась неудачной. Объективы фотоаппаратов, вынесенных из прохлады лабораторий и кают на палубу, немедленно запотели, как и стекла биноклей. Со всей серьезностью встал вопрос: как быть с оптическими приборами? Держать их на палубе нельзя из-за соленых брызг. Кроме того, всегда есть риск, что ваш фотоаппарат будет хорошо полит забортной водой из шланга при скатывании палубы. Хранить же камеры в лаборатории — значит лишиться самых редких и интересных кадров. Ведь бывают моменты, когда снимать нужно без промедления. Наш альголог Петров предложил держать аппаратуру в лабораторном инкубаторе, соответственно отрегулировав его температуру. Эту блестящую идею немедленно осуществили. Мы пользовались инкубатором в течение всей экспедиции и обязаны ему многими интересными кадрами.

Около 23 часов 21 июня пересекли тропик Рака. Ночь была черная, ярко светили звезды, четко обрисовывался Млечный Путь. Судно легло в дрейф. Море стало гладким, как петергофские пруды, звезды отражались в воде. Как только движение замедлилось, за борт свесили лампы. Одну из них на толстом резиновом кабеле опустили прямо в воду. На корме собрались любители ловли кальмаров. Но еще до того, как привлеченные светом кальмары появились у края освещенного круга, на нижнюю кормовую палубу, как серебряная стрела, выскочила змеевидная макрель (*Acinocera notha*). Эта хищная рыба из семейства скумбриевых с длинным телом — довольно редкая добыча. Наш ихтиолог (а по совместительству и ученый секретарь экспедиции) В. Э. Беккер сразу же побежал с ней в лабораторию. Пока рассматривали макрель, появились кальмары. Они, как бледные тени, быстро двигались на небольшой глубине по краю освещенного круга. Два или три поднялись к самой поверхности. В воду полетели блесны, и одного из кальмаров сразу же вытащили на палубу. Еще в воздухе, повиснув на крючках, он резко изменил цвет — из стеариново-белого стал темно-красным. Второго кальмара, к собственному удивлению,

поймал я. Моллюск стремительно бросился из глубины на красную приманку и схватил ее длинными ловчими «руками». Блесна для ловли кальмаров имеет форму веретена величиной с указательный палец. Обычно ее изготавливают из яркой пластмассы. На конце расположены два венчика острых, загнутых крючков. На них-то моллюск и попадает, когда в погоне за блесной хватается ее своими щупальцами, одна пара которых значительно длиннее четырех остальных. Наколотившись на иглы, кальмар ринулся в глубину хвостовым концом вперед. Леска туго натянулась, и я стал выбирать сопротивляющуюся добычу. Очутившись в ведре с забортной водой, кальмар выбросил из своего «реактивного двигателя»-воронки мощную водяную струю, окатил столпившихся вокруг любопытных зрителей и тут же замутил воду чернильной жидкостью. Эта защитная реакция очень характерна для всех головоногих. Воду в ведре сменили, но моллюск уже стал вялым и медлительным.

Кальмары ведут подвижный образ жизни, не зная отдыха они носятся по открытому океану в погоне за добычей — мелкой рыбой. Значительный расход энергии компенсируется за счет обилия пищи и интенсивного дыхания. Близкие родичи кальмара — осьминоги и каракатицы — хорошо уживаются в аквариумах, но кальмары неволи совершенно не переносят. Пойманное мной животное было около 20 см длиной; проходивший мимо матрос, расценивая кальмара исключительно с кулинарной точки зрения, пренебрежительно квалифицировал его как «мелочь». Действительно, бывают кальмары (а их известно около 250 видов) и покрупнее. Даже если не говорить о гигантских жителях океанской бездны — кракенах (*Architeuthis*), которые могут достигать длины до 12 м, среди промысловых видов встречаются кальмары длиной до 40—50 см.

Кальмары издавна входили в меню жителей многих приморских стран, особенно Японии, Китая, Кореи, где вкусовые и питательные качества этих моллюсков оценивают по достоинству. По мере того как рассеивались предубеждения против мяса «спрутов», мороженые и консервированные кальмары экспортировались в глубины континентов. Вначале их потребление было незначительным. Так, в нашей стране еще десять лет назад,

Летучая рыба в полете

кальмара в пищу не употребляли. Но вскоре положение изменилось. Теперь эти вкусные и очень полезные моллюски прочно заняли свое место в рационе и даже считаются деликатесом *. Промысел кальмаров весьма перспективен. Дело в том, что эти моллюски в отличие от большинства промысловых рыб очень быстро достигают половозрелости и живут всего один-два года. Поэтому даже интенсивная добыча кальмаров почти не грозит им полным истреблением или существенным подрывом производительных сил стада, что уже случилось с целым рядом ценных рыб в результате переловов.

Пока я заспиртовывал своего кальмара и писал этикетку, обстановка за бортом изменилась. В освещенном кругу показались летучие рыбы — те самые, которых видишь днем в стремительном полете. Сейчас они медленно плавали у борта, иногда широко раскрывая передние плавники. Маленькие летучие рыбки напоминают скорее попавших в воду бабочек. Но медлительность их обманчива, поймать эту рыбу не так-то просто: на удочку она не ловится. Для этого используют специальные сачки из конической капроновой сетки, надетой

* Промысел кальмаров в СССР в 1963 г. составлял всего 0,5 тыс. ц., а через четыре года достиг 80 тыс. ц. Мировой улов в 1963 г. составлял 8,2 млн. ц. (Г. В. Зуев и Қ. Н. Несис, Кальмар, М., 1971).

на тяжелый металлический обруч диаметром 60—80 см. К обручу за три поводка прикреплен прочный шнур. Снасть бросают вертикально перед самой рыбой. Вспугнутая, она стремительно несется вперед и при удаче оказывается в сачке. Этот способ лова требует высокого искусства в метании тяжелой снасти, но тренированным ловцам он обычно приносит удачу.

Вскоре вокруг лампы собрались и другие обитатели океана: медузы, сифонофоры, светящиеся огнетелки, маленькие рыбки, рачки. За несколько часов наши коллекции обогатились массой разнообразных тропических животных, и пришлось идти в лабораторию, чтобы консервировать сборы.

Потянулись однообразные дни плавания в открытом море. Только однажды утром с левого борта показались крутые берега. Это были Филиппины. Над каждым островом тонкой светлой полоской висели облака. Некоторых островов не было видно — они скрывались за горизонтом, но об их присутствии говорили всё те же облака.

Начальника нашей экспедиции Андрея Аркадьевича Аксенова задержали в Москве разные неотложные дела, и он должен был нагнать нас «по дороге». Экспедицией пока руководил его заместитель — Игорь Михайлович Белоусов. Пунктом встречи был назначен Сингапур, куда мы и направились. Одновременно в Сингапуре предполагалось завестись свежими овощами и фруктами.

Вечером в столовой команды наши географы и этнографы рассказали о месте, где «Дмитрий Менделеев» должен простоять несколько дней.

Сингапур — маленькое островное государство, расположенное у южной оконечности Малаккского полуострова. Остров отделен от материка узким проливом. Выгодное географическое положение Сингапура на скрещении многих торговых путей способствовало его процветанию; за обладание им велись многочисленные кровопролитные войны. Одно из самых крупных сражений произошло в 1377 г., когда город был осажден и после упорных боев захвачен яванцами. Легенда приписывает красный цвет почвы Сингапура обильно пролитой крови защитников и нападавших.

Современное название города зачастую выводят из санскритских слов «синг» — лев и «пура» — город. Так как львы в исторические времена никогда не водились ближе, чем за несколько тысяч километров от Сингапура, объяснение это маловероятно. Согласно другой версии, Сингапур получил свое название по имени одного суматранского принца из владевшей Сингапуром королевской семьи. В 1826 г. Сингапур был захвачен Великобританией и подчинен губернатору Индии, а в 1867 г. стал отдельной колонией. Во время второй мировой войны город оккупировали японцы. При создании Республики Малайзии (1963 г.) Сингапур вошел в ее состав в качестве одного из 14 штатов, но уже через два года стал самостоятельным государством, управляемым правительством и парламентом. По оценке на 1973 г., в государстве проживает 2 167 000 человек. Основную часть составляют китайцы, значительно меньше малайцев и выходцев из Индии и Пакистана. Европейцев незначительное меньшинство. Большая часть сингапурцев живет в самом городе. Более 56% населения юридически несовершеннолетние, то есть моложе 21 года. В соответствии с конституцией многонациональное государство провозглашает равноправие наций и свободу религиозных убеждений. Основа экономики — обслуживание проходящих через Сингапур многочисленных судов и торговля, а также и развивающаяся промышленность. Сингапур — пятый по величине среди портов мира и второй (после Лондона) по общему товарообороту. Пошлины на ввоз и вывоз товаров практически отсутствуют. В связи с этим многие капиталистические страны, в первую очередь Япония, США и Англия, вывозят сюда свои товары, которые продаются даже дешевле, чем на месте производства, так как налог на оборот здесь также не введен. Естественно, что проезжие охотно оставляют в Сингапуре свои деньги в обмен на дешевые товары.

В Сингапуре введено бесплатное обязательное шестилетнее обучение в начальной школе. Платная школа второй ступени рассчитана еще на четыре года. По ее окончании для поступления в высшее учебное заведение нужно проучиться еще два года, чтобы получить полное среднее образование. В городе имеются средние технические училища, несколько институтов и университет.

Молодые люди (преимущественно из обеспеченных семей) могут получить высшее образование в области техники, экономики, юриспруденции, педагогики, искусства, естественных наук и медицины.

Все эти сухие статистические данные и общие сведения, однако, мало говорили нам пока о жизни города.

Мы подошли к Сингапуру дождливым утром 27 июня. Сквозь туман и пелену дождя город был плохо виден. Вырисовывались контуры нескольких огромных зданий, стоящих у самого берега. Оказалось, что Сингапур — один из крупнейших портов мира — имеет мало причалов и большинство судов обычно стоят под погрузкой и разгрузкой на рейде. Между большими и малыми судами сновали моторные джонки. Несколько лодок устремилось и к «Дмитрию Менделееву». На борт ловко вскарабкались мальчишки-китайчата. Каждый протянул по свежевываемым доскам палубы веревку — огородив тем самым свой торговый участок. Вслед за ребятами на палубу поднялись представители среднего и старшего поколений. Они стали распаковывать тюки и большие картонные коробки. Через полчаса наше судно нельзя было узнать. На главной палубе раскинулся пестрейший восточный базар. В узком шкафутном проходе разместились торговцы парфюмерией и галантереей. Тут и позолоченные кожаные кошельки, и складные японские зонтики, и авторучки, и какие-то яркие коробочки с этикетками и надписями преимущественно на китайском и японском языках, и стереооткрытки с изображением бурного моря, по которому плывут корабли с надутыми парусами, или улыбающихся японских девушек, весьма натурально подмигивающих покупателям. Сигареты, мундштуки, трубки, зажигалки, галстуки, запонки, бусы, лезвия для бритв — все это товары, привезенные из разных стран. На корме обосновались более «солидные торговые предприятия». Здесь предлагают пеструю материю с золотистыми и серебристыми нитями, нейлоновые пальто, кожаные куртки, кофточки. Вокруг импровизированных лавочек столпились все свободные от вахт и работ члены экипажа. Разглядывали товары, приценивались, но покупали мало, хотя стоило все недорого: ждали увольнения в город, чтобы сделать покупки в городе. Однако это продавцов не смущало: при изобилии товаров и ограниченности числа местных

покупателей сбыть что-либо в Сингапуре трудно. Основные покупатели — заезжие моряки, вот их-то они и ловили, так сказать, на самом пороге города. Кое-что, очевидно, все же удавалось продать, так как базар возобновлялся на «Дмитрии Менделееве» каждое утро, пока мы стояли на рейде.

После обеда за борт спустили шлюпки, и желающие попасть в город направились к ним. К этому времени дождь уже кончился. Ярко светило солнце, и получасовая прогулка по морю была очень приятна, особенно если учесть, что вокруг стояли корабли с такими романтическими названиями, как «Жемчужина Востока», «Южный Крест», «Раковина». Впрочем, «Раковина» — не столько имя судна, сколько название известной нефтяной фирмы «Шелл» (что в переводе с английского значит «раковина»). Символ фирмы — желтый контур раковины моллюска морского гребешка — отчетливо выделялся на трубе, там, где обычно помещается национальный геральдический знак.

Чем ближе к берегу, тем больше вокруг сует джонок. Маленькие, типично китайские суденышки с острым носом и яркими продольными полосами — белыми, красными и зелеными — чем-то напоминают диковинных тропических рыб. Может быть, этому способствует выпуклый и очень выразительный «глаз» на носу. Даже самая захудалая джонка непременно украшена черным, асимметрично расположенным зрачком на фоне белого круга.

Прежде мне приходилось видеть массу джонок в Шанхае и Гуанчжоу (Кантоне). На них по каналам, рекам и вдоль морского побережья перевозятся различные грузы — овощи, древесный уголь для жаровен, строительные материалы, зерно, солома, иногда даже промышленные товары. В Китае джонка не только транспортное средство, но и жилой дом, где обитает вся семья с ее нехитрым скарбом. На каждом суденышке можно увидеть ржавую чугунную жаровню, прокопченный котел, циновки, дешевые фаянсовые пиалы, украшенные синими драконами. Постоянная жизнь на воде приносит в быт людей массу особенностей. Так, дети часто вообще ходят голыми, зато у каждого малыша сбоку висит большой деревянный поплавок на случай нечаянного падения в воду. Грудных детей привязывают

за ножку, чтобы они не подползали близко к борту. Совершенно противоестественно выглядят сидящие на привязи кошки, на которых надеты ошейники. Свиньи и куры в клетках и ящиках с решетчатым дном вывешены за борт, избавляя владельцев джонок от уборки нечистот.

Сингапурские же лодочники, по-видимому, не так бедны: для них джонка, как правило, не жилье, а только средство заработка. Здесь она приводится в движение небольшим дизельным мотором, а не парусом или длинным кормовым веслом, как в Китае.

Наша шлюпка подошла к причалу Клифффорда. Мы поднялись по цементным ступеням и очутились в большом павильоне со стеклянной крышей, одна сторона которого выходит на море, а вдоль другой расположилось несколько магазинов с изящными, по очень дорогими сувенирами. Всегда приятно приобрести на память какую-нибудь красивую безделушку, важно только, чтобы она чем-то отражала специфику города. Однако покупать было нечего. Один из магазинов — китайский, другой — японский, третий — индийский. Каждый из них по набору антикварных изделий, по богатству выбора, по оформлению витрин оказал бы честь своей стране, но здесь (во всяком случае для меня) они были лишь маленькими музеями изящных искусств. Крайняя к выходу витрина не принадлежит ни одному магазину. В ней нет ни слоновой кости, ни резного черного дерева, ни перламутра. Нет также тяжелых каменных бус, блестящих браслетов, духов, кукол, игральные карты, зажигалок. Вместо всего этого за стеклом плавают неправдоподобно яркие коралловые рыбки и лежит несколько кусков снежно-белых кораллов.

Набережная оживлена, в обоих направлениях несутся потоки легковых автомобилей. Поражает разнообразие их марок. Однако больше всего здесь японских машин. Перейти на другую сторону улицы можно лишь по узкому металлическому виадуку.

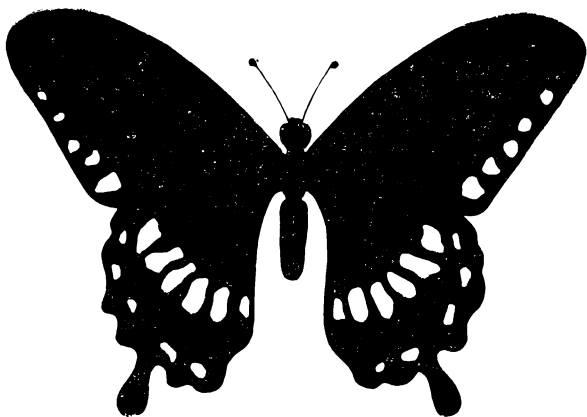
Спустившись с причала, мы очутились в толпе продавцов соков, минеральной воды, открыток, фруктов, жевательной резинки и сигарет, наперебой предлагавших свой товар. Еще с утра по совету Тахтаджяна мы решили начать знакомство с Сингапуром с посещения Ботанического сада. Остановили свободное такси и до-

вольно легко договорились о цене. Хотя плата взимается по таксометру, но местные шоферы предпочитают вначале заломить с новичка цену и потом поторговаться. Через минуту я, Голиков и сотрудница московского Дарвиновского музея В. М. Муцетони уже сидели в маленькой черно-желтой машине, которая мчалась по набережной. Из обогнавшего нас другого такого же такси помахали улыбающиеся Тахтаджян и Белоусов.

Первое впечатление от города обычно самое яркое благодаря новизне. Но широкая улица, на которую мы свернули, показалась мне удивительно знакомой. По обе стороны расположились однообразные невысокие белые здания. Первые этажи сплошь заняты магазинами. Нет тротуаров. Вместо них по всему фасаду первого этажа протянулась тенистая лоджия. Поддерживающие ее четырехугольные колонны сверху донизу испещрены китайскими иероглифами. Все это живо напомнило мне улицы городов Южного Китая. Вот где ожила сухая статистика — преобладание китайского населения не преминуло сказаться в архитектуре Сингапура.

Пятнадцать минут быстрой езды по городу и его зеленым пригородам, и мы уже у ворот Ботанического сада. Было воскресенье. Много нарядно одетых, главным образом молодых людей заполнили парк. По двое и небольшими группами отдыхающие прогуливались по дорожкам и прямо по газонам, сидели на траве или на скамейках. Мы с удовольствием отметили, что повсюду очень чисто. Ни бумажек, ни окурков, ни тем более бутылок или осколков стекла. Вообще и в этот, и в последующие дни Сингапур поразил нас удивительной чистотой, которую так редко увидишь в густонаселенном южном городе. Даже канавы, тянущиеся вдоль обеих сторон улиц, всегда чисто выметены. Повсюду стоят урны для мусора с надписями: «Сделаем Сингапур чистым». Вспомнилось, что и море на сингапурском рейде было свободно от грязи и даже масляных пятен. Городские власти неусыпно следят за поддержанием чистоты и строго наказывают нарушителей.

Вход в парк, как и во все сады, музеи и картинные галереи Сингапура, бесплатный. Здесь мы разделились. Тахтаджян сразу же направился в дирекцию — знако-

Этот крупный махаон, как и многие другие тропические лесные бабочки, имеет черно-белую окраску

миться с ботаниками, а мы втроем пошли по усыпанной гравием дорожке, рассматривая тропические растения. В саду представлена преимущественно местная флора. Конечно, нет никаких оранжерей, но имеется несколько павильонов с превосходными орхидеями. Среди деревьев свободно разгуливают обезьянки макаки, заигрывают с людьми, выпрашивают подачку.

Распланированная часть парка незаметно переходит в густые заросли с непролазной тропической растительностью. Здесь мы с В. М. Муцетони достали складные сачки и принялись ловить насекомых. Конечно, больше всего наше внимание привлекали дневные бабочки, среди которых попало несколько крупных, черных с красным махаонов (*Papilio hector*) и черно-оранжевых данаид (*Danais melanippus*). Тропических бабочек обычно представляют себе необычайно яркими и светлыми. Однако на деле это далеко не всегда так. Очень многие из них, особенно те, которые обитают в зарослях, имеют в основном темные, часто черные крылышки с желтыми, белыми и красными пятнами. Такая окраска служит им хорошей защитой. Под пологом тропического леса даже среди дня стоят густые сумерки, лишь кое-где сквозь густую листву пробиваются узкие лучи солнца. Даже крупная бабочка, оказавшаяся в тени деревь-

ев, моментально скрывается с глаз: редкое мельканье ее ярких пятен, случайно попадающих на свет, только запутывает преследователя. Во всяком случае мне хорошо известно, что ловить бабочек в тропических зарослях — дело совершенно безнадежное. Поэтому мы устроились на небольшой полянке и здесь ждали, когда из лесу вылетит бабочка. К сожалению, на это приятное занятие у нас почти не оставалось времени. В тропиках сумерки наступают очень рано и длятся недолго. У выхода из парка мы легко нашли такси и вскоре оказались на знакомом причале.

До прихода катера с «Дмитрия Менделеева» оставался почти час, и мы решили побродить по окрестностям. Перешли по виадуку через дорогу и сразу же попали в большой торговый ряд, известный здесь под названием «Малай-базар». Он представляет собой широкий коридор, по обеим сторонам которого находится масса ларьков, где продаются самые разнообразные предметы — от зажигалок до магнитофонов. Здесь предлагают посуду, материю, обувь, готовую одежду, сумки, чемоданы. Из одного ларька раздавался истошный, гомерический хохот. Судя по тембру, смеялся мужчина; ему визгливо вторила женщина. Они немного посмеялись вдвоем, но тут их перекрыл голос самого хохочущего сатаны. Хозяин лавочки мирно стоял за своим прилавком, вокруг никого не было. Источниками безудержного веселья оказались маленькие тряпочные мешочки, величиной с кулак. Нажав невидимую кнопку, продавец запускал свои адские приспособления. На каком принципе основано это ржание — узнать не удалось; мы выяснили лишь, что источником энергии для хохочущих мешочков служат обычные круглые батарейки. Пожалуй, это была единственная назойливая реклама, остальные продавцы рекомендовали свой товар спокойнее. «Малай-базар» не первоклассный магазин, товары здесь хоть и добротные, по часто уже вышедшие из моды и в общем недорогие. Твердых цен здесь нет. Обычно продавцы, завидев в покупателе новичка, запрашивают если не втридорога, то часто в полтора-два раза больше. Прошло — хорошо, не прошло — можно и сбавить. По случаю воскресенья большинство магазинов

города закрыто, этим также спешили воспользоваться лавочники «Малай-базара». Торговля в этот воскресный вечер шла довольно бойко, в последующие дни покупателей было гораздо меньше. Нравы базара весьма примечательны. Часто продавцы уходят далеко от своего ларька поболтать со знакомыми или выпить чашку чая в одном из крошечных кафе, расположенных тут же. Покупатели могут свободно рыться в стопках открыток, подбирать себе понравившиеся коллекционные марки. После долгих поисков в одном ларьке мы нашли, наконец, то, что искали, — план Сингапура.

С планом и большой коробкой цветных японских фломастеров мы стали пробираться к выходу на набережную под хохот «мешочков», стук деревянных шариков на веревочках, оглушительную стрельбу из игрушечных пистолетов и другие шумовые эффекты. В одном месте нас приглашали зайти в бар выпить «пепси-колы», в другом протягивали руки с очень похожими на живых резиновыми змеями, крокодильчиками, ящерицами и даже драконами. Проворные мальчишки совали нам небольшие карточки с адресами крупных магазинов. Среди них оказались рекламы универмагов «Москва» и «Спутник» — там говорят по-русски и имеется большой выбор товаров. В них можно приобрести совершенно непужные в экваториальном Сингапуре изделия из шерсти, меховые и нейлоновые шубки и прочее. Оба магазина специализированы на обслуживании жителей более холодных стран. При входе в них вас сразу же обдает холодом кондиционера, и стоит только проявить заинтересованность в приобретении какой-либо вещи, как вам сразу подадут стакан кока-колы со льдом. Но обо всем этом мы узнали лишь на другой день, а в тот вечер долго просидели в каюте, изучая план города и выбирая маршруты для завтрашней экскурсии.

В Сингапуре большая часть городской бедноты и людей среднего достатка начинает свой день с посещения какой-нибудь дешевой закусочной. Одна из них находится на берегу реки, носящей то же имя, что и сам город. С утра на реке полно джонок, не то их ставят на ночь, не то пригоняют сюда для погрузки. Лодочники, мелкие торговцы, ремесленники спешат на правый берег. Здесь под тентом, закрывающим всю набережную, вдоль стен зданий стоят тележки, прилавки и стой-

ки с посудой, различными закусками и приправами. Тут же варится в котлах рис и лапша и над жаровнями на частой металлической сетке жарятся куски рыбы, мяса и кальмаров. Стопками сложены аппетитные жирные лепешки. Ближе к реке, за маленькими столиками, сидят посетители. Пахнет рыбой, пряностями, луком и дымом. Мальчишки разносят в ведрах со льдом маленькие бутылочки «пепси-колы», апельсиновый сок и какую-то молочно-белую жидкость. Несмотря на тесноту и большое скопление людей, здесь тихо. Говорят все вполголоса, идут не спеша: впереди целый день тяжелого труда, и нужно беречь силы. Проход между рядами стоек, жаровен и столиков — в то же время и обычная городская улица. По нему (чтобы не делать большой крюк в обход) в полутьме идут люди с грузом на голове, бредут по своим делам буддийские монахи, молодой парень ведет за руль мотоцикл. Миновав набережную, мы вышли из-под тента и сразу же попали под палящие лучи солнца. Около джонок уже началась работа.

Вереницы носильщиков таскают на спине мешки с древесным углем, мукой, зерном, корзины овощей, бананов, апельсинов, связки кокосовых орехов. Многие из этих товаров продаются тут же, на примыкающих к набережной маленьких улочках. Свежую рыбу, связки овощей раскладывают прямо на проезжей части, подстелив предварительно циновку или плотную бумагу. Фрукты лежат в корзинах и на лотках. Здесь же масса мелочных лавок, в которых торгуют дешевой, иногда даже поношенной одеждой, старой обувью, неприглядными на вид ножами и другими скобяными товарами, а подчас и изделиями непонятного назначения. Товары блеклые, все покрыто угольной пылью, покупателей почти нет. Лавочки чередуются с мастерскими ремесленников. Здесь за несколько минут вам подберут очки, зарядят авторучку, починят часы, завулканизируют автомобильную шину или подошьют оторвавшийся ремешок сандалий. Можно также подстричься, почистить ботинки или удалить мозоль. Парикмахерскую видно издали по своеобразной рекламе — вращающемуся пестрому цилиндру перед дверью. Продавцы, парикмахеры, ремесленники заняли свои места — ждут клиента, может быть единственного за весь день. Некоторые помещения отведены

под конторы. В полутьме за столами, под ярким большим календарем, сидят двое-трое служащих, щелкают на счетах, что-то записывают в толстые конторские книги, вполголоса переговариваются по телефону.

Очень характерная фигура на таких улочках — мальчишка в шлепанцах, несущий на подносе завтрак для конторщиков или продавцов: плошку вареного риса и чашку чая.

На более широких улицах и магазины побогаче. На полках — яркая материя, за стеклом витрин — магнитофоны и фотоаппараты. Чем ближе к центру, тем чаще, проходя мимо магазина, ощущаешь приятный холодок — это работают кондиционеры.

Если верить путеводителям, то в Сингапуре свыше пятисот различных храмов: мусульманских, буддистских, индуистских, христианских, иудаистских и других. В это число, по-видимому, не входят крошечные молельни, устроенные в таких же помещениях, что и мелочные лавчонки. Довольно часто можно увидеть в темной и не очень опрятной комнате, расположенной в узеньком переулке между скобяной лавкой и парикмахерской, перед давно потускневшим позолоченным Буддой в молитвенной позе двоих-трех молящихся. Иногда молельня пуста. Лишь в маленькой бронзовой чаше с песком дымится сандаловая палочка. Но существуют, конечно, и большие храмы. Один из них, расположенный почти на окраине города, славится пятидесятифутовой деревянной фигурой сидящего Будды. Храм этот виден уже издали, так как он значительно возвышается над стоящими вокруг маленькими домиками. По обе стороны здания на высоких ажурных постаментах лежат желтые с разинутыми пастьми львы. На белой стене фасада — раскрашенные барельефы. Наряду с вполне реальными леопардами здесь изображены и фантастические существа. Над боковыми входами помещены совершенно невероятные химеры: прямо от человеческой головы отходят изящные белые руки, а по сторонам — два тела оседланных лошадей. Под коньком на трех слившихся слонах в цветке лотоса восседает сам Будда. Его статуя занимает почти все пространство главного зала, так что вдоль стен остается только узкий проход. В одном из уголков храма в позе лотоса, то есть со скрещенными ногами, сидел в своем желтом

одеянии монах, удивительно похожий на статую Будды в миниатюре.

Интересным оказался также и индуистский храм, окруженный высокой белой стеной с традиционными скульптурными изображениями белых священных коров. Во двор храма ведут широкие ворота, увенчанные высокой пирамидой. На ней в пять ярусов расположены ярко раскрашенные деревянные фигуры героев народного индийского эпоса и божеств индуистского пантеона. Это сооружение, так называемый гопурам, характерно для многих индуистских храмов.

Оставив при входе обувь, мы в сопровождении красивого высокого молодого индуса вошли в храм. Убранство его бедное, отделка, выдержанная в темных тонах, резко контрастирует с праздничным внешним видом здания. С крутых скатов крыши на нас смотрели раскрашенные изображения богов, людей и животных. Больше всего здесь женских фигур в ярких сари, между ними лежат белые зебувидные коровы, олени и львы с удивительно добродушными физиономиями.

Наш проводник недавно приехал из Индии. Это паставник, который консультирует служителей сингапурского храма по вопросам ритуала.

В центральной части города между высокими современными зданиями сохранился небольшой старинный китайский квартал. В ряду маленьких домиков с характерными приподнятыми углами крыш виднеется и храм, построенный в стиле типичной китайской храмовой архитектуры. Отдельные здания с высокими зелеными или синими крышами на толстых красных столбах перемежаются с внутренними двориками. Убранство довольно бедное, но повсюду в чашках с песком тлеют тонкие сандаловые палочки, и легкий ветер разносит ароматный дымок.

Среди дня, проголодавшись, мы зашли в маленький ресторанчик. Хозяйка, пожилая китайка, с большим трудом понимала по-английски. Все же нам удалось заказать обед — лапшу с креветками, проростками бамбука, грибами тянгу и трепангами, а также вареную курицу с острыми приправами и зеленью. Пока мы спорили на тему о достоинствах и недостатках китайской кухни, подошли две девочки с рекламой знаменитой «тигровой мази» и корзинами, полными этого замечательного ле-

карства. В рекламном листке на английском, китайском, малайском и тамильском языках были перечислены основные заболевания, которые лечат этой мазью. Для неграмотных недуги реалистически изображены на двух десятках картинок. Оказывается, мазь помогает при многих болезнях: переутомлении, ушибах, ожогах, простуде, почечных коликах, зубной боли; годится также для лечения от морской болезни, зуда при укусе насекомых и даже от порезов при бритье. Изображения страданий и их магического исцеления, а также весьма умеренная цена живительного бальзама убедили нас, и девочки выложили на стол несколько баночек чудесного снадобья. Как оптовые покупатели, мы получили также в виде премии еще по крошечной коробочке с тем же средством, а также приглашение посетить «Тигровый парк». Последнее, между прочим, и без того входило в наш план. Этот загородный парк, попасть в который можно на автобусе, привлекал нас своим названием. Мы ожидали увидеть в нем по крайней мере зоосад, а может быть, даже заповедник, но по приезде убедились, что это всего лишь грандиозная реклама той же «тигровой мази». Весь парк уставлен ярко размалеванными, аляповатыми фигурами людей, животных и каких-то чудищ. Здесь есть и уродливые белые медведи, и игрушечные, но гигантской величины тигрята, и носороги, и кенгуру, и олени, и золотые рыбки, и дельфины, а также русалки, палачи, их жертвы и масса других скульптур. Представлены целые сюжеты; некоторые прямо или косвенно рекламируют все ту же «тигровую мазь». При самом входе в парк можно видеть скульптурную группу, изображающую распростертую женщину и двух мужчин. Один тщетно пытается поднять пострадавшую, другой же благоразумно подает ей банку с мазью. Некоторые группы изображают сцены из буддийской и индуистской мифологии, поэтому парк имеет также значение и для религиозного воспитания. Может быть, пестрые фигуры до известной степени отвечают вкусам населения и, действительно, имеют художественное значение (подобно лубкам), но смешение стилей и явно рекламный характер парка сильно портят впечатление. «Тигровый парк» — подарок городу от составителя бальзама, нажившегося на своем изобретении.

На всех урнах для мусора, а также на спинках це-

Такой Нептун изображен на дипломе,
который получает каждый, кто пересек экватор

ментных скамеек парка красуется название лекарства. Среди хаоса и безвкусицы весьма нелепо выглядит классическая белая фигура дискобола, неизвестно для чего и как попавшая в этот дикий паноптикум.

Единственное, что нам понравилось, так это прекрасный вид на море, открывающийся с холма, на котором расположен «Тигровый парк».

Несколько обескураженные, мы вернулись в город и зашли ненадолго в Национальный музей. На первом этаже собраны очень интересные археологические и этнографические коллекции, второй — отведен под зоологический отдел. Несмотря на то что чучела зверей и птиц сделаны неумело, а насекомые, в том числе и красивейшие тропические бабочки, сильно обесцветились от времени, посетитель может составить себе довольно полное представление о фауне Сингапура. В городе

имеется и аквариум с морскими и пресноводными рыбами. Некоторые из них, например акула-лисица, довольно внушительного размера. Здесь содержат также пальмовых воров — крупных наземных ракообразных, обитающих в тропической зоне Тихого и Индийского океанов.

На другой день, покинув Сингапур, «Дмитрий Менделеев» взял курс на Новую Гвинею. Утром 3 июля наши синоптики опубликовали следующий прогноз: «Коварна тропическая зона! Еще вчера циклон казался безобидным, однако за сутки он углубился до тайфуна „Гарриет“, сместившись к западу на 5°. К сожалению, это приходится сообщать не для повышения эрудиции: в течение предстоящих суток нам придется встретиться с тропическим циклоном. Ожидается постепенное усиление ветра до 7—8 баллов, облачность, дождь».

Палуба была залита солнцем, море спокойно. На горизонте, как будто поднимаясь прямо из воды, виднелись ряды кокосовых пальм — мы проходили одну из многочисленных групп низменных островов моря Сулу. Казалось, ничто не предвещало бури. Однако я давно заметил, что наши синоптики слов на ветер не бросают. Поэтому, не дожидаясь завтрака, мы принялись крепить в лаборатории все предметы, легкомысленно расставленные на столах в дни продолжительного штиля. Как нам и обещали, погода начала портиться. Пошел дождь, стало даже прохладно. К вечеру усилилась бортовая качка. Синоптики вывесили новую сводку: «Тайфун оказался более благородным, чем мы ожидали, и после непродолжительного раздумья двинулся на северо-запад вместо предполагаемого смещения на запад». Наконец мы вошли в район, где накануне бушевала «Гарриет», оставив после себя высокую зыбь. Это было вскоре после того, как за кормой остался высокий гористый Минданао — самый крупный из Филиппинских островов.

Судно раскачивалось, как на гигантских качелях. Однако волны, хотя и поднимались еще на внушительную высоту, стали уже довольно пологими. Неожиданно налетел тропический ливень. Потоки пресной воды вмиг сгладили поверхность океана. Вот и все, что «Гар-

риет» захотела нам показать, и синоптики (единственный раз за все время экспедиции) оказались не точны. Никто не выразил им своего неудовольствия.

6 июля мы пересекли экватор. Переход в Южное полушарие по традиции сопровождается праздником в честь Нептуна. Несомненно, всем хорошо известен обряд, который совершают над новичками. Так как на этот раз экватор впервые пересекало около восьмидесяти человек, то «черти» заготовили невероятное количество черной краски и сажи, которыми нещадно терли посвящаемых перед лицом Нептуна и его свиты: русалки, доктора и звездочета. Потом их швыряли в бассейн, а полуголый виночерпий с «татуированной» на животе надписью «Пей — помрешь, не пей — помрешь» наливал им поварешкой из бочки по хорошей дозе сухого вина. Вечером состоялся торжественный ужин и танцы. При подготовке к нему жертвы «чертей» так усердно мылись в душе, что на другой же день пришлось ввести ограничение на подачу пресной воды.

Переход в район работ экспедиции закончился. Вскоре мы увидели на горизонте берега Новой Гвинеи. 8 июля «Дмитрий Менделеев» вплотную подошел к острову.

НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ

В мангровых зарослях. Крокодилы-людоеды и другие опасности. Коралловый риф в заливе Астролябия. Деревня Бонгу. Экскурсия по тропическому лесу. Гигантские бабочки. Риф, разрушенный землетрясением

Маленький городок Маданг * раскинулся по берегам живописной бухты. Из воды выступают густо поросшие зеленью островки, между ними скользят долбленные лодки папуасов. Несколько таких лодок с противовесами подошли близко к борту «Дмитрия Менделеева». Снизу нам улыбались темные курчавые рыбаки. Воздух здесь совсем не такой, как в море, — жаркий и влажный. С берега доносятся пряные запахи тропического леса. Буйно цветут деревья у причала; земля под ними усыпана красными лепестками.

Как только «Дмитрий Менделеев» пришвартовался, на воду спустили деревянный мотобот. Этот тип судна, называемый поморами *дора*, *дори* или просто *дорка*, при небольших размерах и незначительной скорости обладает рядом ценных мореходных качеств — хорошо принимает волну и не очень боится ударов: яйцевидный корпус сделан весьма прочно. Несмотря на небольшую величину, дори вместительна: берет на борт до 20 человек и довольно много груза.

На нашем теплоходе кроме положенных спасательных шлюпок и катеров имелись две такие дори, предназначенные специально для прибрежных работ. Одна из них обслуживала биологический отряд. Затарахтел дизель, и мы отправились на первую экскурсию.

Путь лежал в глубину бухты, где в нее впадает маленькая речушка Меиро. Берега ее густо поросли манг-

* Маданг — окружной центр австралийской территории Папуа — Новая Гвинея с населением около 2 млн. 580 тыс. (1972 г.). С 1/XII.1973 г. эта территория получила право на самоуправление. Предполагается, что в 1975 г. Папуа — Новая Гвинея станет полностью независимым государством.

ровыми деревьями с блестящей темно-зеленой листвой. Мангровые заросли столь же характерны для побережья тропического моря, как и коралловые рифы. В отличие от последних мангры разрастаются в тихих лагунах, по берегам рек и предпочитают замутненную илом и несколько распресненную воду. Деревья и кустарники, образующие мангровый лес, принадлежат к различным систематическим группам. Объединяет их не родство между собой, а сходство в приспособлениях к жизни на границе моря и суши. Эти удивительные цветковые растения поднимаются прямо из морской воды. Во время приливов основания стволов мангров и нижние ветви погружаются в море, при отливе они возвышаются, опираясь на многочисленные дополнительные стволы. От расходящихся корней торчат вверх ростки дыхательных корешков; плотный ил с большим количеством органических веществ, выносимых рекой, не пропускает к корням воздух. Если копнуть под манграми лопатой, сразу почувствуешь запах сероводорода. Воздушные корешки служат этим растениям органами дыхания. Дополнительные стволы, как подпорки, поддерживают растение, прочнее укореняют его в жидком илистом грунте, не дают смыть течению и морским волнам во время прилива.

Передвижение по мангровым зарослям крайне затруднительно. Основные и дополнительные стволы, густое переплетение ветвей, торчащие петли корней и воздушные корешки не дают ступить и шагу. Ноги вязнут в жидком иле, а иногда проваливаются в промоины и ямы. Поэтому сбор коллекций в этих зарослях — дело далеко не простое. А собирать здесь есть что. Мангры полны жизни. Уже издали, подходя к устью Меиро, мы услышали громкие крики птиц. Их голоса раздавались все время, пока мы находились в зарослях, но увидеть удалось лишь немногих: над нами пролетело несколько ярко-зеленых попугасов и мелькнула вдали какая-то большая темная птица, похожая на цаплю.

Поднимаясь вверх по речке, можно было видеть тонкие фонтанчики, вырывающиеся из воды. Это охотились на насекомых небольшие полосатые рыбки брызгуны (*Toxodidae*). Стайки брызгунов держатся у самой поверхности. Заметив ползущее по ветке мангра или летящее над водой насекомое, они выбрасывают изо рта

топчайшую струйку воды и очень точно попадают в жертву даже с метрового расстояния. Сбитую добычу брызгуны с молниеносной быстротой подхватывают с поверхности воды или еще в воздухе. Другие фантастические рыбы мангровых зарослей — илестые прыгуны (*Pteropthalmus*) — для охоты сами вылезают на берег. Эти небольшие рыбки не только ловко скачут по жидкому илу, но могут забираться на деревья и сидят там, тесно прижавшись к ветви. Поймать илестого прыгуна даже на суше почти невозможно. Проворные рыбки, ловко работая плавниками и хвостом, скачут лучше любой лягушки. Спасаясь от преследования, они стремглав кидаются в мутную воду и сидят на мели, выставив наружу выпученные глаза.

Между переплетениями корней ползают различные крабы, которые при малейшей опасности скрываются в норах. Особенно много здесь крабов-сигнальщиков (*Uca*) с одной ярко-оранжевой клешней, превышающей по величине тело самого животного. Сидя у норки, самцы размахивают клешнями, как бы передавая сигналы друг другу. По-видимому, этими движениями они показывают, что у них «все в порядке». Стоит только одному из сигнальщиков заметить опасность, как он замирает и затем быстро прячется в свое убежище. Вмиг волна паники распространяется вокруг, и все крабы скрываются в норках, выставив наружу глаза на длинных стебельках. Но стоит одному из них успокоиться, выбраться наружу и начать свои манящие движения (за это сигнальщиков называют также манящими крабами), как один за другим из норок вылезают другие крабики, и все пространство под манграми вновь пестреет от оранжевых клешней. Интересно, что сигналы подают только самцы. У самок обе клешни нормального размера.

В некоторых местах у лужниц, оставшихся после отлива, скапливаются тысячи мелких моллюсков и крошечных раков-отшельников; иногда они забираются по корявым стволам на довольно большую высоту, часто до метра.

К корням и нижним частям стволов мангровых деревьев прирастают моллюски. Наиболее обычны здесь особые виды устриц (*Ostrea mordax*), раковина которых имеет острые режущие края. По листьям ползают ма-

ленькие улитки (*Littorinopsis*). Кроме того, здесь живут и многочисленные насекомые: в воздухе носятся рои мошек и комаров.

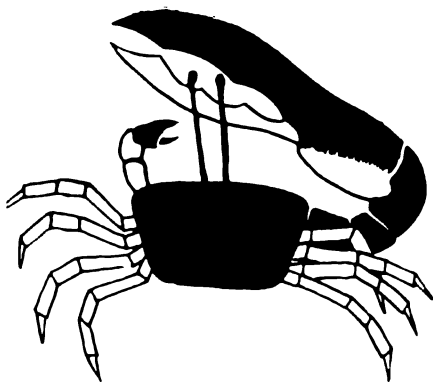
С трудом выйдя на берег, мы стали медленно пробираться по корням в глубь зарослей. Преодолев несколько метров наиболее густой прибрежной растительности, неожиданно вышли на прогалину, где ловить обитателей мангров стало легче. Весь остаток светлого времени суток мы провели в этом мангровом болоте. В результате были собраны очень интересные коллекции, однако мы сами имели вид ничуть не лучший, чем после перехода экватора. Вымазанные с ног до головы в иле, с порванными спецовками, покрытые многочисленными царапинами и ссадинами, все поспешили обратно, чтобы привести в порядок и коллекции и самих себя.

Под вечер к нам в лабораторию пришел очень интересный человек. Это был Руди Цезарь, сотрудник компании «Шелл». На Новой Гвинее Руди занимается бурением в море и подводными работами — он ищет нефть. Это аквалангист и любитель подводной охоты, прекрасно знающий местные условия. Рассказы и советы Руди Цезаря были для нас весьма полезны. Он сообщил нам и о некоторых опасных животных, встречу с которыми можно ожидать в заливе Астролябия, где нам предстояло работать.

— Вода в бухте довольно мутная, — сказал он, — поэтому там можно не заметить акулу, а их много в заливе. Но более всего следует опасаться крокодилов. Недавно неподалеку от этих мест крокодил утащил одного аквалангиста на глазах у двух его товарищей.

Действительно, обитающий здесь гребнистый крокодил (*Crocodylus porosus*) пользуется дурной репутацией. Мне очень памятен большой деревянный щит, выставленный в Зоологическом музее Калькутты. На нем укреплены металлические кольца и браслеты — обычные украшения индийских женщин. Восемнадцать килограммов этих изделий извлекли из желудка одного гребнистого крокодила! Другие виды крокодилов держатся только в пресноводных водоемах, но гребнистый может заходить и в соленые воды. Нередко его видели вдали от берегов — в открытом море.

Учитывая, что многие члены нашей экспедиции впервые попали в тропики, мне предложили прочесть лек-

У самца манящего краба одна клешня
значительно больше другой

цию об опасных животных Новой Гвинеи, о мерах предосторожности и первой помощи при работе в море и на суше. В море кроме крокодилов и хищных рыб (акул, барракуд) имеются еще и ядовитые животные. Здесь и красивые, но очень опасные моллюски из рода конусов (*Conus*), и смертельно обжигающая медуза — морская оса (*Chiropsalmus*), и рыба-бородавчатка, или камень-рыба (*Synanceja*), с ядовитыми колючими лучами. Среди кораллов прячутся многочисленные черные морские ежи (*Diadema*). Их длинные, как вязальные спицы, иглы легко входят в тело купальщиков и там обламываются. Даже некоторые кораллы, например желтая миллепора (*Millepora*), вызывают при прикосновении сильные ожоги. На суше водятся разнообразные ядовитые змеи. Наконец, в этом районе легко подхватить малярию.

Слушали меня внимательно (многие даже побледнели), задавали массу вопросов. Отдельные скептики из этнографического отряда над лекцией подтрунивали. Потом, когда начались работы, оказалось, что ничего страшного нет. Крокодил ни на кого не нападал, акулу видел только один Москалев, а ссадины и порезы от кораллов мало кого смущали — правилами предосторожности стали пренебрегать. Наши коллеги, поселившиеся на берегу, несмотря на мои предупреждения, не

всегда пользовались пологами. Спать под ними показалось душно, а комаров было так мало, что их в расчет не приняли. В результате кое-кто заболел малярией. К счастью, неуважительное отношение к мерам предосторожности этим и ограничилось. Наш судово-вой врач В. В. Мостовой быстро поставил больных на ноги.

Экспедиция на «Дмитрии Менделееве» была юбилейной. Сто лет назад, в сентябре 1871 г., наш великий со-отечественник Н. Н. Миклухо-Маклай высадился на по-бережье Новой Гвинен и поселился там близ деревень Горенду, Бонгу и Гумбу. Горенду и Гумбу теперь уже не существуют, но Бонгу стоит на прежнем месте, и наши этнографы стремились поскорее попасть туда, что-бы выяснить, какие же перемены произошли за столе-тие на Берегу Маклая. Они везли с собой фоторепро-дукции с портретов папуасов — предков нынешних жи-телей Бонгу, сделанных сто лет назад Маклаем. Н. А. Бутинов, пользуясь немногочисленными источни-ками, изучил язык жителей Бонгу. На Новой Гвинее на-считывается до 500—700 языков и наречий. Жители со-седних деревень часто не понимают друг друга или же при общении пользуются языком пиджин-инглиш *, на котором кое-кто умеет говорить. Представители колони-альных властей обычно общаются с местным населени-ем именно на этом исковерканном английском языке. Все свободное время наши этнографы под руководством Бутинова изучали язык жителей Бонгу.

Я тоже готовился к работе на Новой Гвинее. Перед началом экспедиции еще раз внимательно перечитал дневники Миклухо-Маклая, который был не только эт-нографом и антропологом, но и зоологом. Его исследо-вания по систематике губок известны любому специа-листу, изучающему морских животных. Читая дневники Миклухо-Маклая, я старался представить себе вид за-лива Астролябия и бухты Константина, дальние горы на берегу и острова в океане. Обычно воображаемый пейзаж совсем не соответствует действительности. Сколько раз я имел возможность убедиться в этом. Да-

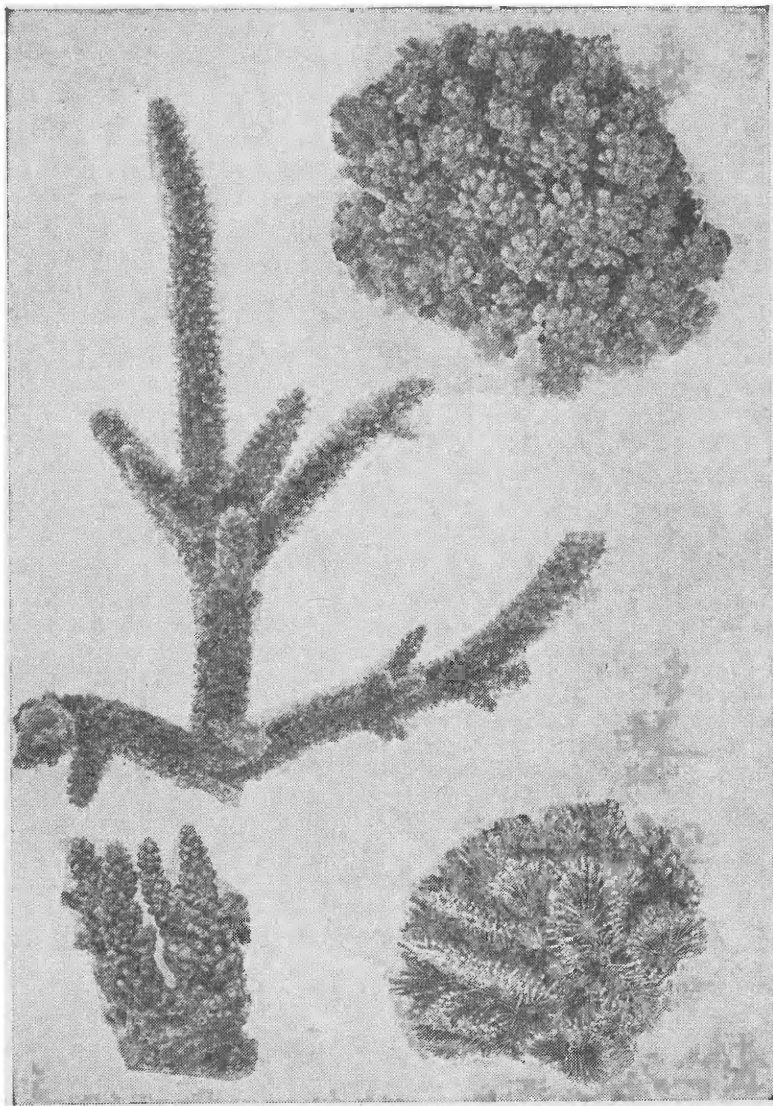
* Пиджин-инглиш — язык-гибрид, лексика которого пре-имущественно английская (сильно искаженная фонетически), а грамматика — австронезийская.

же такие мощные средства, как фотография и кино, никогда не дают полного представления об окружающей природе — для этого все нужно увидеть самому.

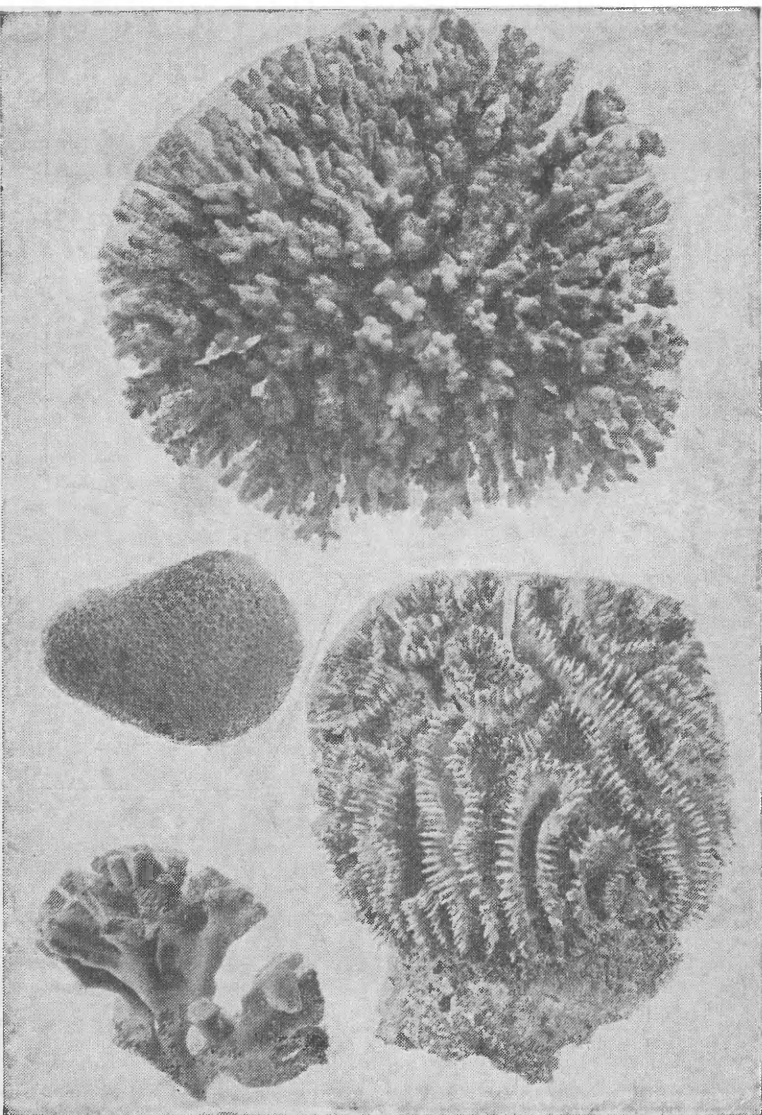
И вот «Дмитрий Менделеев» подошел к якорной стоянке в бухте Константина, где сто лет назад стоял корвет «Витязь». К моему удивлению, место показалось знакомым, точно таким, как я представлял его себе. Казалось, что я уже бывал здесь и снова вижу эту бухту с густой зеленью, подступающей к самой воде, эти далекие горы с нависшими темными тучами, высокий остров на горизонте — настолько живо и точно было описание, данное Маклаем.

Все здесь осталось таким же, как сто лет назад. В довершение иллюзии из кустов на берегу показалась группа мальчиков в узких набедренных повязках. Каждый нес лук и несколько стрел. Такие большие корабли, как наш, далеко не обычное явление в этих водах. Мальчики застыли в изумлении и долго стояли, опираясь на длинные стрелы. Вскоре на отмели показалась группа взрослых мужчин. Они не спеша расселись на берегу, закурили. В это время отдали якорь, и начался спуск на воду шлюпок. Этнографы, погрузив оборудование и всякие хозяйственные вещи, в сопровождении представителя колониальной администрации Крэга Саймонса уехали на берег, а мы на нашей дорі отправились подбирать место для работы на рифе. Вечер был удивительно тихий; гладкая, без всякой ряби, поверхность воды позволяла отчетливо видеть бурые и зеленоватые массивы кораллов. Это помогло быстро выбрать несколько наиболее интересных участков и перед наступлением темноты вернуться обратно.

Утро следующего дня застало нас уже на рифе. Такого разнообразия кораллов я давно не видел. Уже на мелководье, где вода едва достигала колена (шел отлив), можно было собрать порядочную коллекцию. По мере продвижения в глубину появлялись всё новые и новые виды. Коллекционирование кораллов — дело довольно затруднительное и требующее известной практики. В прибойных местах, чтобы противостоять волнам, колонии прочно прирастают к грунту. Их приходится поддевать ломиками, выколачивать при помощи длинного зубила и молотка. Однако при этом нежные конце-

Из скелетов таких кораллов построены

тысячи островов Океании

вые веточки часто обламываются, иногда трещины проходят через всю колонию, и кораллы теряют свое коллекционное значение. Передвигаться по рифу, состоящему из колючих, царапающих тело кораллов, рискуя неожиданно провалиться, если под ногами обломится край коралловой плиты, или же наколоться на длинные иглы морского ежа, — довольно сложно. Особенно когда в одной руке у вас тяжелый переносный ящик с инструментами, банками и прочим оборудованием, а в другой — не менее увесистая колония кораллов. Очень хорошо иметь плотик из пенопласта или же небольшую лодку, в которой лежит все необходимое и где можно разместить сборы. У нас с Красновым была одна такая алюминиевая «казанка». Вдвоем мы наполнили ее довольно быстро кораллами самой разнообразной формы и расцветок: желтовато-бурые, зеленоватые, розовые и коричневые колонии, едва оставив место для гребца. Пришлось на время прервать сборы, чтобы отвезти добычу на корабль, к счастью стоящий довольно близко.

Вынутые из моря кораллы очень быстро погибают и начинают издавать неприятный запах. Их необходимо подвергнуть в общем довольно простой, но длительной обработке, доставляющей мало удовольствия коллектору. На «Дмитрии Менделееве» колонии кораллов были размещены в бочках и огромных металлических кюветах с морской водой. Здесь мягкие ткани погибших кораллов начинают отставать от скелета, и через несколько дней их отмывают мощной струей воды из шланга. Затем белые, как сахар, скелеты сушат на солнце. Когда они начинают звенеть, как фарфор, коллекцию можно упаковывать. По строению скелета очень легко определить видовую принадлежность колоний, по их естественная расцветка при обработке безвозвратно пропадает. В музеях можно видеть только выбеленные кораллы, так же похожие на настоящие, как мраморное изваяние — на живого человека. К сожалению, те, кто не видал кораллового рифа, представление о нем могут составить только по кинофильмам, цветным фотографиям или рисункам. Поэтому мы кроме сбора коллекций должны были делать также подводные фото- и киносъемки и зарисовывать живые кораллы. В экспедиции было два профессиональных киноработ-

ника: В. Г. Рыклин и А. Н. Попов. Последний, будучи аквалангистом, проводил все подводные съемки.

Я вернулся на риф как раз в тот момент, когда Попов, вооружившись тяжелой камерой, спускался с дери, чтобы заснять риф на глубине около 10 м. В дери повсюду разложены большие колонии кораллов, добытые аквалангистами. Здесь вместе с Москалевым и Голиковым работала группа из Института биологии активных веществ Дальневосточного научного центра АН СССР.

Кораллы из глубинных участков рифа относились к иным видам, чем мелководные. Так как систематическая коллекция в основном была уже собрана, мы перешли к изучению распределения кораллов, а также населяющих кораллы животных. Риф у Берега Маклая типичный береговой, то есть начинается почти у самого уреза воды и тянется, постепенно углубляясь, в сторону моря. Кораллы здесь хотя и растут довольно плотно, но не везде образуют сплошные заросли. Цвет их не яркий, много серых и желтых мягких кораллов (*Sarcophyton*). Все это говорит о некоторой угнетенности рифа. Вызвана она, по-видимому, климатом Новой Гвинеи. Обилие дождей делает поверхностный слой воды у берегов на глубину до 5 м более пресным. С дождевой водой в море выносятся размываемые горные породы, что приводит к замутнению. Кораллы же требуют для буйного роста очень чистой, прозрачной воды с нормальной соленостью. Об угнетенности верхней части рифа можно судить и по состоянию колоний — почти каждая из них имеет какой-либо дефект, вызванный попаданием ила. В таких участках колония отмирает, скелет ее темнеет, начиная разрушаться. Обеднено и население рифа: здесь относительно мало моллюсков, почти нет крабов. Тем не менее риф дал нам очень обильный и разнообразный материал. Кроме прекрасной коллекции кораллов самой разнообразной формы мы собрали морских звезд и ежей, актиний, коралловых рыб, раков-отшельников и много других животных. Вся эта пестрая и яркая добыча разместилась в нескольких полиэтиленовых ведрах с водой. Петров собрал также массу всевозможных водорослей.

Обследование рифа от берега до глубины 10—12 м, проводившееся в нескольких местах в течение двух

дней, привело к тому, что мы «затоварились», вынуждены были прекратить сборы и заняться первичной обработкой и консервированием добытых животных и растений. До поздней ночи в лаборатории разбирались количественные пробы. Все население рифа и сами кораллы с площади в квадратный метр Голиков во время экскурсий набивал в специальные холщовые мешки — пигошзы. Нескончаемые ряды этих тяжелых мешков, ожидающих своей очереди, постоянно стояли (и это продолжалось в течение всей экспедиции) на палубе около лаборатории. Каждую пробу надо разобрать по группам организмов, всех их определить, пересчитать, взвесить, уложить в банки и пробирки, снабдить этикетками и записать в журнал. Если учесть, что в каждой пигошке томилось несколько сот животных, относящихся к 20—30 видам, что таких мешков за день собиралось до полутора десятков и что на тропической жаре добытые животные быстро погибают, можно понять, как уставали мы от этой работы.

В последний день стоянки в бухте Астролябия мы к полудню завершили программу и сошли на берег. На прибрежном песке в окружении толпы детей и пожилых женщин стоял начальник этнографического отряда Д. Д. Тумаркин. По его просьбе от маленькой группы расположившихся несколько поодаль молодых людей отделился и подошел к нам юноша в шортах и пестрой рубашке. Звали его Какаль. Он говорил по-английски и взялся показать нам деревню. Поднявшись на крутой берег, мы сразу очутились перед довольно большой хижиной. Здесь, в стороне от деревни, жили наши этнографы. Хижина построена специально для приезжающих. Это своего рода гостиница, в которой обычно останавливались представители колониальной администрации, один-два раза в год приезжающие сюда из Маданга.

Вид у этнографов усталый, но довольный. Нам продемонстрировали записанные на магнитофонную пленку песни и музыку, звучание народных инструментов, которые сделаны из больших раковин, бамбуковых стволов, плодов, похожих на тыкву, и кокосовых орехов. Для коллекций ленинградского Музея антропологии и этнографии наши коллеги приобрели много ценных предметов — утварь, оружие, музыкальные инструменты. Один

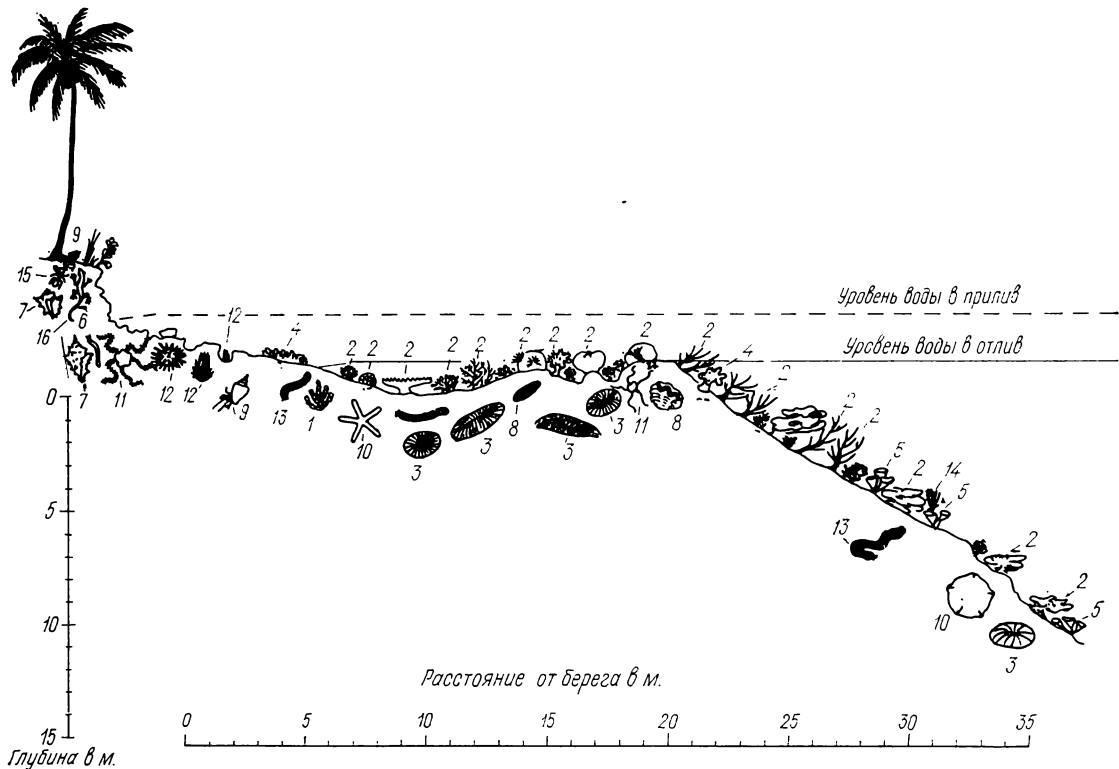

Схема разреза кораллового рифа у деревни Бонгу

1 — водоросли; 2 — колониальные мадрепоровые кораллы; 3 — одиночные мадрепоровые кораллы; 4 — мягкие кораллы; 5 — губки; 6 — черви; 7 — брюхоногие моллюски; 8 — двусторчатые моллюски; 9 — раки-отшельники; 10 — морские звезды; 11 — морские ежи; 12 — морские лилии; 13 — мурьши.

из них представляет собой деревянную дощечку, которую крутят над головой на шнурке. Завывающие звуки, издаваемые вибрирующей дощечкой, по мнению папуасов, отпугивают злых духов.

Устные предания и до настоящего времени имеют очень большое значение в их жизни. Подавляющее большинство взрослого населения Бонгу неграмотно. Однако каждый папуас хорошо осведомлен о своей родословной и знает имена трех-четырех поколений предков. Среди жителей Бонгу нашлись потомки тех людей, портреты которых сто лет назад были сделаны Маклаем. С большим интересом рассматривали они изображения своих пращуров. Старик по имени Таног по портрету юноши, сделанному Маклаем в ноябре 1871 г., узнал жителя деревни Горенду и назвал его имя — Асоля. Таног помнит Асоля уже стариком. Память о Маклае тоже хорошо сохранилась в народе. Более того, папуасы решили по-своему отметить столетнюю годовщину его прибытия на Новую Гвинею и устроить по этому поводу большой праздник. Подготовка к нему велась уже давно. К сожалению, программа работ экспедиции не дала нам возможности задержаться здесь, чтобы присутствовать при таком интересном событии. Но для наших этнографов показали генеральную репетицию нескольких эпизодов предстоящего торжества. Центральным пунктом программы была инсценировка высадки Маклая и первой его встречи с папуасами. По просьбе организаторов роль Маклая исполнял наш капитан.

Молодежь деревни под руководством стариков нарядилась в старинные, бережно хранящиеся доспехи, вооружилась копьями и другим национальным оружием. Лица воинов были расписаны, как этого требовала традиция. Затем начались танцы.

Поздравив этнографов с успехом, мы под предводительством Какаля пошли дальше и вскоре оказались в деревне Бонгу. Выглядит она совсем не так, как ее описал и зарисовал Маклай. В его времена хижины стояли прямо на земле, теперь папуасы Бонгу строят дома на довольно высоких деревянных сваях. Все они просторные, крыты пальмовыми листьями, к дверям ведут лестницы. Большая площадь в середине деревни, проходы между домами и пространство под самими постройками

лишены всякой растительности, гладко утрамбованы и выметены. Не видно никаких нечистот, кухонных отходов и прочего мусора. Вокруг стоит запах прелых листьев, какой бывает в наших лесах в начале осени. Внутрь домов мы не заходили, чтобы не докучать обитателям. Кстати, их почти не было видно, так как мы посетили деревню в разгар рабочего дня и большинство ее жителей находилось на своих огородах, часто весьма удаленных от домов.

На верхних ступеньках лестниц или перед домами сидели лишь пожилые женщины и маленькие, совершенно голые дети. Одна из старух подметала площадь, другая качала на руках крошечного ребенка. Из домашних животных мы видели только собак и кур. По всей деревне росли кокосовые пальмы, кое-где виднелись небольшие цветники. Проводник подвел нас к постройке, где заседают старейшины, и показал церковь. Оба здания пустовали. Внешне они мало отличались от обычных жилых домов.

Пройдя по светлой и чистой деревне вдоль и поперек, мы поблагодарили нашего гида, угостили его сигаретами и направились по тропинке в лес. Тропа вилась среди густых зарослей, колючих кустов и трав. Она несколько раз спускалась к ручейкам, переходить которые приходилось или вброд, или по перекинутым стволам деревьев. Уйти от тропы в сторону невозможно, так как колючки немедленно вцепляются в одежду и больно царапают голые руки и ноги. Несколько раз тропинка пересекала вырубки — места будущих огородов. Папуасы ведут подсечное сельское хозяйство: срубают деревья на участке леса, сжигают всю растительность и пни, после чего сажают здесь бананы, таро, батат, ямс, папайю и некоторые другие тропические культуры. Через несколько лет, когда земля истощится, огород забрасывают, и на его месте вскоре опять поднимается тропический лес.

Зеленый коридор вывел нас на один из ближних огородов. Вокруг него стоял высокий, очень плотный плетень для защиты от диких свиней. Среди буйных сорняков, высотой почти в человеческий рост, под бананами работала пожилая женщина. Мужчина средних лет сидел у входа около тлеющего костра. На огороде стоял небольшой шалаш, очевидно для защиты

от дождя и палящего солнца. Хозяин приветствовал нас по-английски. Увидев, что мы достали фотоаппараты, он пригласил жену сниматься вместе с ним. Сфотографировавшись, женщина сразу же вернулась к работе, а мы еще немного поговорили с ее мужем и расспросили его о дальнейшей дороге. Нам хотелось выйти на берег, не возвращаясь прежним путем.

Через некоторое время нам повстречалась группа папуасов, возвращавшихся с дальнего огорода. В деревне и на берегу по требованию миссионера жители Бонгу в период нашего пребывания надевали в общем не свойственную для их повседневной жизни одежду. Женщины кутались в неуклюжие платья без рукавов, скорее похожие на белые мешки с отверстиями для рук и головы. Мужчины щеголяли в трусах. Папуасы, встретившиеся нам в лесу, были одеты совсем не для парада. Впереди шли тяжело нагруженные женщины. Каждая несла на спине большую сетку с овощами или кокосовыми орехами, поверх нее у многих было привязано по охапке сухих сучьев. Папуаски не отличаются мощным телосложением, и ноша казалась чрезмерной. Чтобы справиться с ней, женщины шли согнувшись, туго натягивая головой налобные ремни сетки. Кроме овощей и дров некоторые несли еще и детей. Вид у всех изможденный, даже молодые похожи на старух. По голому потному телу, прикрытому лишь узкой юбкой, ползают мухи. Несчастные не могли даже отогнать докучливых насекомых, так как вынуждены придерживать руками ношу.

В конце процессии, гордо выпрямившись, легко шагают молодые мужчины. Прежде папуасы непрерывно воевали с соседями и мужчины повсюду ходили с оружием. Группа воинов всегда сопровождала женщин в их переходах к огородам и обратно в деревню. Но теперь, когда наступили мирные времена, мужчины шли без оружия. Один нес маленькую связку бананов и, по-видимому, несколько смущался этим обстоятельством. Большое внимание мужчины уделяли туалету. Стройные смуглые тела с играющими мускулами почти обнажены, бедра ловко обтянуты малем — лубяной повязкой, курчавые волосы взбиты и темным ореолом обрамляют голову. В прическу воткнуты либо яркое перо попугая, либо цветок, либо хотя бы зеленый листочек.

Замыкающий шествие юноша весело помахивает прутиком.

Так мы совершенно неожиданно столкнулись в чаще леса с живыми носителями вековых традиций. Семейный уклад, отношение к женщине, разделение труда между членами семьи у населения Берега Маклая за сто лет, по-видимому, мало изменились. Колониальные власти и миссионеры успели приобщить папуасов к христианской вере, научили некоторых из них английскому языку, даже могут заставить, когда нужно, прикрывать тело дешевой материей, но не смогли (а может быть, и не очень старались) изменить социальный строй коренного населения Новой Гвинеи, облегчить положение женщины. Не следует думать, что папуасские мужчины — бездельники и трутни. Они заняты ловлей рыбы и охотой, постройкой и ремонтом жилищ и другими работами.

О разумности освященной традициями распределения труда между членами семьи в Океании очень убедительно писал Бенгт Даниельссон*. Но неравноправие тем не менее существует. Оно физически уродует молодых женщин и очень рано делает их старухами.

Женщины прошли мимо нас молча, как будто не замечая, а мужчины весело ответили на приветственное «кайе» («здравствуйте»). Через минуту вся группа скрылась за поворотом тропинки.

Лес становится все гуще. Заросли обступили нас со всех сторон, кроны высоких деревьев сомкнулись над головой, и мы идем в полутьме, то спускаясь в овраги, то поднимаясь по крутому склону. Временами в чаще мелькают бабочки, иногда они вылетают на тропинку, но тотчас скрываются из глаз. Одну из них, крупную с

* Бенгт Даниельссон считает, что труд между мужчинами и женщинами в Океании распределяется в зависимости от биологической несхожести полов. Так, мужчины сажают растения, а женщины ухаживают за посевами и собирают урожай. Мужчины добывают в море рыбу, а женщины — моллюсков. Мужчины ловят птиц, а женщины собирают яйца. Мужчины разводят огонь, а женщины приносят топливо. Мужчины строят дома, лодки, изготавливают орудия труда, а женщины плетут корзины, циновки и изготавливают лубяную материю (тапу). Женщины ухаживают за домашними животными, а мужчины их режут и т. д. (Бенгт Даниельссон, Полинезия — Земля в Океане, М., 1970).

нежными крыльями кофейного цвета, все же удалось поймать.

Наконец заросли светлеют, тропинка приближается к берегу. С громкими криками пролетала стайка попугаев, закачалась тяжело опустившаяся на ветку большая птица-носорог. Здесь много кокосовых пальм, на земле повсюду лежат орехи. Одни упали совсем недавно, они еще зеленые снаружи; другие уже побурели, некоторые проросли, выкинули зеленую стрелку, веером распустили первые листья. Много здесь и старых, насквозь прогнивших орехов. Видно, что папуасы еще не научились использовать все возможности, которые дает им богатая природа Новой Гвинеи.

Ходить под пальмами трудно из-за буйной травы, спутанных лиан и колючих кустарников. Невероятно громко кричат цикады. На небольшой полянке кружатся белые, оранжевые, желтые бабочки. Размахивая сачком, я бросился за ними в погоню и вдруг столкнулся с группой мальчиков, возвращавшихся с моря. Они застыли при моем появлении и заулыбались. Потом один тихо, но внятно сказал:

— Good day*.

Я ответил им единственным известным мне словом их родного языка:

— Кайе!

Мы еще несколько мгновений стояли и смотрели друг на друга. Вдруг дети стали что-то быстро говорить, показывая руками в сторону от поляны. Посмотрев в этом направлении, я не поверил своим глазам. Там под высоким деревом медленно порхал огромный махаон (*Papilio poseidon*). Бросившись напролом через колючки, я успел разглядеть вблизи желтое брюшко, малиново-красную грудь и большие белые пятна на темно-серых крыльях. Тяжелое, как птица, насекомое забилося в сачке. Уже потом, расправив и высушив бабочку, я измерил ее величину: размах крыльев оказался равным 18,5 см. Это была самая крупная бабочка, которую мне когда-либо приходилось видеть в природе.

Тропинка вскоре вывела пас к морю, и мы увидели «Дмитрия Менделеева» и поджидавший нас катер.

* «Здравствуйте» (англ.).

В Мадагге часть членов нашей экспедиции (географический отряд, А. Л. Тахтаджян и И. М. Белоусов) осталась для проведения экскурсий в глубь острова. Настало время взять их на борт. Наутро мы снова увидели белый памятник жертвам второй мировой войны, стоящий на берегу на окраине Маданга. Во время первого нашего визита в Маданг мы успели пройти по улицам городка лишь поздним вечером и почти не видели жителей. Днем он оказался таким же безлюдным, как и ночью. Как все здесь не похоже на Берег Маклая! Широкие асфальтированные улицы с редкими каменными одноэтажными и двухэтажными коттеджами, правильно распланированные сады, яркие товары в витринах магазинов, туристский офис с буклетами и проспектами на полированном столике, автомобили, аэропорт. И это всего в каких-нибудь 30 км от Бонгу!

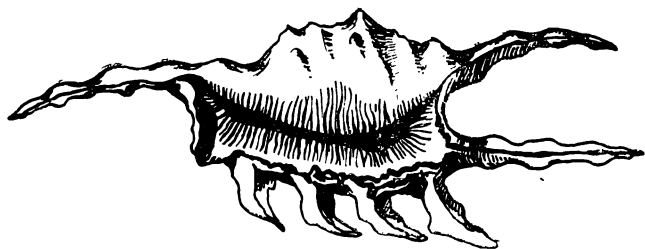
Живут в Маданге и папуасы, но видно, что не они хозяева положения в городе, так как не владеют коттеджами, не торгуют в магазинах, не служат в офисах. Им остается работа в порту, роль прислуги. С национальной культурой и искусством местных жителей можно познакомиться только в магазине папуасских и меланезийских изделий. Здесь продают резное дерево, чашки из скорлупы кокосовых орехов, плетение, маски, оружие, музыкальные инструменты, украшения. Многие предметы обнаруживают высокие художественные способности народа. Особенно хороши культовые маски.

Совершенно очевидно, что все это приобреталось по самым низким ценам, но здесь продается очень дорого. Самая дешевая маска стоит столько же, сколько выручают жители деревни Бонгу за 200—250 кокосовых орехов. Одна из масок лишь в три раза дешевле подержанного автомобиля.

Ритуальные новогвинейские маски очень эффективны. Прежде подобная раскраска наносилась и на мумифицированные черепа побежденных врагов. В глазницы вставлены раковины каури

всего в каких-нибудь

Очертания раковины этого моллюска напоминают контуры скорпиона

В Маданге мы неожиданно получили возможность кое-что узнать о темпе роста кораллов. Установить это было бы легче всего, проследив за развитием колонии. Но мадрепоровые кораллы в аквариуме обычно не приживаются. Если же в отдельных случаях удастся обеспечить их содержание, нет никакой гарантии, что темп роста колоний в аквариуме будет таким же, как в море. Наблюдать рост кораллов на самом рифе можно, лишь работая длительный срок на одном месте, что в условиях экспедиции неосуществимо.

Имеющиеся в литературе немногочисленные сведения о росте кораллов свидетельствуют о том, что их различные виды растут с разной скоростью. Так, виды с массивной колонией нарастают все на 1—2 см в год, у некоторых ветвящихся форм за это же время вырастают веточки до 20—30 см. Темп роста большинства видов вообще не прослежен.

Когда капитан порта предложил нам совершить экскурсию на риф, мы и не подозревали, что она даст в наши руки интереснейший материал о кораллах. Отправились на небольшом лоцманском катере «Верия» с прицепленным на буксире моторным катамараном. Риф имеет вид коралловой отмели, находящейся в середине бухты. «Верия» стала на якорь, а мы перебрались на катамаран и подошли к рифу. Здесь все, надев маски, попрыгали в воду.

Риф производил на первый взгляд странное впечатление. Это — хаотическое нагромождение мертвых, уже побуревших от обрастаний, ветвистых колоний. Они толстым слоем лежали на дне, и ходить по

Культовый дом новогвинейской архитектуры

ним было очень трудно. Повсюду на торчащих кверху ветвях мертвых кораллов виднелись многочисленные маленькие молодые колонии.

Оказалось, что 1 ноября 1970 г. здесь произошло землетрясение силой около семи баллов с эпицентром в море. Город не пострадал, но риф был основательно разрушен как самими толчками и последовавшими за ними волнами цунами, так и оторвавшимися массивными колониями, которые волны катали по рифу. В результате весь риф был превращен в обломки. Теперь он оживал.

Происходящие здесь процессы напоминают восстановление леса после порубки или пожара. Каждый, конечно, знает, что первые годы на лесосеке между пнями растет только трава, затем появляются кусты малины и иван-чая. Их сменяют молодые растения ольхи, осины, березы, а под ними уже появляются маленькие сосенки и елочки — зачатки будущего медленно растущего хвойного леса.

Таков и риф в бухте Маданга. Здесь густо разрослись водоросли и губки. Среди кораллов преобладали тонковетвистые и пластинчатые формы; массивных

почти не было видно. Своеобразен и состав обитателей рифа. Особенно обильно здесь представлены морские лилии — темно-фиолетовые, лимонно-желтые и зеленые. Попадалось также много морских звезд и моллюсков. Среди них несколько так называемых скорпионов (*Lambis scorpius*) и очень красивые *Terebra* с красными пятнами на высокой раковине.

Так как со дня катастрофы прошло около восьми месяцев, все кораллы должны были быть моложе этого возраста. Здесь мы собрали значительную коллекцию, состоящую из молодых колоний разных видов. Измерения показали, что в первые месяцы жизни большинство кораллов образует колонии не более 2—7 см в высоту. Если взять этот риф под постоянное наблюдение, периодически наведываясь к нему в течение ряда лет, можно узнать о многих особенностях возникновения и развития кораллового биоценоза и выяснить темпы роста самих кораллов.

Разрушенный риф у Маданга — удивительный эксперимент, поставленный природой со свойственным ей размахом.

ОСТРОВ НАУРУ И НОВЫЕ ГЕБРИДЫ

*Территория государства — 21 квадратный километр. Природная кладовая фосфора. Пешком по дну лагуны. Риф, усеянный монетами. У двух нянек... Сухопутные крабы и морская змея. Кто же, в конечном счете, губит коралловые рифы?
Встреча с сиреной*

Флаг государства Науру — синий, как океанская вода. Посредине его пересекает желтая полоска — экватор, а под ней одинокая двенадцатилучевая звездочка — сам остров Науру. В действительности остров имеет округлые очертания, геральдические же лучи соответствуют двенадцати племенам микронезийцев, которые издавна жили на острове, прежде враждовали между собой, но теперь объединились в миролюбивое процветающее государство.

Наверное, мало кто слышал о Науру, да и не удивительно, так как это не только одно из самых молодых государств (Науру получило независимость в 1968 г.), но и одно из самых маленьких. Площадь его равна всего лишь 21 кв. км.

Первым европейцем, увидевшим Науру, был капитан Джон Фирн. Это случилось в 1798 г. Хотя в XIX в. между европейскими державами шла ожесточенная борьба за обладание островами Океании, ни одна из них не спешила прибавить Науру к числу своих колоний. Остров казался малопривлекательным. Он затерян в просторах океана и лежит далеко от торных морских путей. До ближайшей земли, еще более крошечного острова Ошен, по прямой свыше 200 км. На Науру нет не только удобной бухты, но даже и простой якорной стоянки — у самого берега начинается крутой свал. Плохо на острове с пресной водой, почти нет земли, пригодной для плантационного хозяйства. Только в 1888 г., когда почти вся Океания уже была колонизована, остров захватила Германия.

По-видимому, судьба науруанцев сложилась бы так же, как и судьбы других народов Океании, если бы не одна природная особенность острова, о которой долго не подозревали ни аборигены, ни колонизаторы. Она в конечном счете привела науруанский народ к современному состоянию с очень высоким жизненным уровнем. Как ни странно, первопричиной всему были кораллы.

Вдоль всего берега острова кольцом идет довольно высокий (до 80 м) вал, целиком состоящий из кораллового известняка. Вал окаймляет более или менее ровное плато с отдельными небольшими холмами. В западной части равнины маленькое озеро. Не нужно обладать большим воображением, чтобы понять, что в далеком прошлом Науру был обычным атоллом. Кольцеобразный вал возник на месте прежних рифов, а озеро — это остаток лагуны, некогда заполненной морской водой; из нее здесь и там поднимались маленькие внутренние островки. На них и на кольце атолла селились многотысячные стаи морских птиц. Они-то и создали будущее богатство Науру. Из года в год птичий помет скапливался в замкнутой лагуне. Фосфор, входящий в состав помета, вступая в реакцию с коралловой известью, давал фосфориты. За миллионы лет они образовали на дне лагуны слой толщиной в несколько метров. В результате поднятия дна океана Науру (так же как и соседний Ошен) перестал быть атоллом. Берега его стали выше, лагуна высохла, покрылась густой тропической растительностью, и фосфориты оказались скрытыми от глаз человека, который появился на Науру значительно позднее.

Аборигены Науру вообще не знали минеральных удобрений. Немцы, захватившие остров, тоже не подозревали об огромных богатствах, находившихся буквально у них под ногами. Да и трудно было предположить, что на острове имеются какие-либо полезные ископаемые. Ведь в то время на других атоллах Океании, кроме кораллового известняка, разрабатывать было нечего*.

Однажды на Науру побывал агент британской Тихоокеанской островной компании и привез в качестве сувенира обломок минерала, который впоследствии был

* Теперь установлено, что фосфориты имеются также на островах Макатеа и Ошен.

назван науритом. Этот беловатый минерал попал в руки специалистов, и оказалось, что в нем содержится большое количество фосфора. Тогда Тихоокеанская островная компания втайне провела геологическую разведку, результаты которой превзошли все ожидания. Оказалось, что остров почти целиком состоит из фосфоритов. У ничего не подозревавших немцев была приобретена концессия на разработки недр острова Науру. Аборигены, конечно, прибыли от этого не получили.

Добыча фосфоритов началась в 1906 г.; для работы на предприятии привезли завербованных рабочих, главным образом китайцев, но привлекалось и местное население. Вскоре островок стал крупным центром добывающей промышленности. Фосфоритами Науру удобряли поля Австралии и Новой Зеландии. Борьба против колонизаторов, а позднее общий труд на разработках способствовали объединению враждовавших племен науруанцев в единый народ. Большая заслуга в этом принадлежит Детудамо — умному и энергичному вождю одного из племен. Вплотную столкнувшись со сложным промышленным производством и европейской культурой, науруанцы начали получать образование. После первой мировой войны Науру стал подмандатной территорией Англии, Австралии и Новой Зеландии. Хотя положение островитян почти не изменилось, все же был создан науруанский Совет вождей с незначительными консультативными правами в вопросах административного управления. Совет вождей имел большое влияние на местное население и постепенно добивался расширения своих прав. В период второй мировой войны Науру оккупировала Япония. Тысяча двести науруанцев было вывезено с острова, и многие из них погибли в плену. Оставшиеся в живых после окончания войны вернулись на родину и приняли активное участие в освободительной борьбе. Несмотря на сильное сопротивление Австралии, игравшей первую скрипку среди «опекунов» Науру, Совет вождей стал неуклонно добиваться полной независимости. Вопрос об этом наконец был поставлен в Совете по опеке при ООН. Длительная политическая борьба науруанцев в ООН при поддержке Советского Союза, других стран социалистического содружества, а также молодых независимых государств Азии и Африки увенчалась успехом — 31 января 1968 г. Науру про-

возглашен суверенным государством*. Глава Совета вождей Хаммер де Робурт, человек, осмелившийся бросить открытый вызов Австралии и принеший своему народу победу, стал первым президентом Республики.

Мы подошли к Науру в разгар тропического дня. Уже издали на южной оконечности острова показались мощные металлические фермы эстакад, по которым на стоящие под погрузкой суда поступают фосфориты. Из-за отсутствия причала грузовое судно крепят толстыми канатами к стоящим на якорях буйкам, причем конец эстакады оказывается над трюмом. Как раз шла погрузка, в воздухе стояла густая желтая пыль. Над нами пролетел пассажирский самолет и, быстро снизившись, приземлился — оказывается, здесь есть и посадочная полоса!

Вдоль всего берега в маленьких лодках с противовесами сидели полные темнокожие мужчины — ловили рыбу. Никто из них не проявил любопытства к появившемуся судну. На ближайшей к нам лодке рыболов, полный мужчина средних лет, с трудом вытягивал леску. Вскоре вода вспенилась и появился тунец. Рыба была настолько велика, что поднять ее в лодку живой оказалось невозможно. Рыбаку пришлось добывать тунца в воде деревянной колотушкой. Только после этого он втащил темную лоснящуюся рыбу длиной около трех четвертей метра в лодку. Положив добычу на лакированное дно, рыбак снова забросил снасть в море.

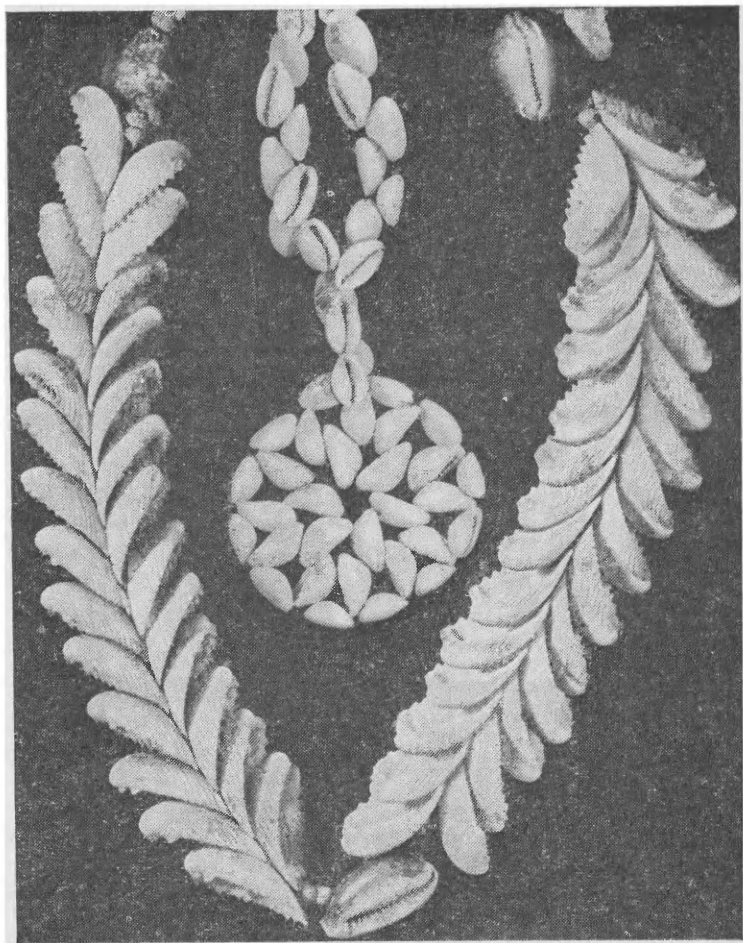
Уже по внешнему виду лодок стало ясно, что население здесь достаточно хорошо обеспечено. Окончательно мы убедились в этом, когда прошли по берегу. На острове нет ни лачуг, ни хижин — вдоль дорог (улицы в нашем понимании здесь отсутствуют) поодиночке и небольшими группами стоят светлые коттеджи. Перед каждым — небольшой цветник, часто даже с крошечным бассейном, чтобы малыши могли поплескаться. Почти у каждого дома стоят легковые машины или мо-

* Дата провозглашения независимости — 31 января — выбрана не случайно. В этот день в 1966 г. был учрежден Законодательный Совет и остров получил самоуправление, а за двадцать лет до этого, 31 января 1946 г., 737 науруанцев (все, кто остался в живых) вернулись из японского плена.

тороллеры. Местные дамы с мощными икрами и бицепсами выглядят за рулем мотороллера очень эффектно. Единственная дорога идет вокруг всего острова, кое-где от нее серпантинном поднимаются ответвления на вал. Там домики стоят в несколько ярусов. Здесь нет ни городов, ни поселков, поэтому можно сказать, что в тот субботний вечер во всем государстве стояла тишина. Жителей почти не было видно. Они или ловили в море рыбу, или отдыхали в прохладе коттеджей, в тени садилов. Из некоторых домов лилась тихая музыка. Компания молодых людей, проезжавших мимо в автомобиле, увидев пеших иностранцев, предложила нам проехать с ними вокруг острова. Однако мы предпочли пройти пешком, так как хотели заняться сбором насекомых и фотографированием. Несмотря на жару, на больших зеленых огороженных полях молодежь играла в гольф.

Вернувшись на «Дмитрий Менделеев», мы застали в лаборатории Москалева, который беседовал с высоким дородным начальником местной радиостанции. Это был веселый, хорошо образованный человек. Он прилично знал русскую классическую литературу и музыку и очень обрадовался, когда старший механик Л. В. Топеха подарил ему пластинку П. И. Чайковского «Времена года». Он сказал, что любит этого композитора и непременно использует подаренную пластинку в завтрашней программе. На следующий день, действительно, из всех домиков можно было слышать русскую музыку, интервью о «Дмитрии Менделееве» и о Советском Союзе.

Для экспедиции остров Науру представлял многосторонний интерес. Этнографы сразу же переселились на берег и занялись изучением быта, фольклора, истории, социологии, экономики. Геологи и палеонтолог приступили к детальному обследованию мертвого рифа и месторождения фосфоритов. Даже простая возможность походить по дну лагуны (пусть не современного, а древнего атолла) без акваланга была настолько заманчива, что они провели в глубине острова целый день и принесли полные рюкзаки с очень интересными геологическими и палеонтологическими коллекциями. Но кроме мертвого рифа на суше вокруг Науру уже образовался живой — в море, и мы обследовали его не ме-

**Бусы из раковин моллюсков — излюбленное украшение
женщин Океании**

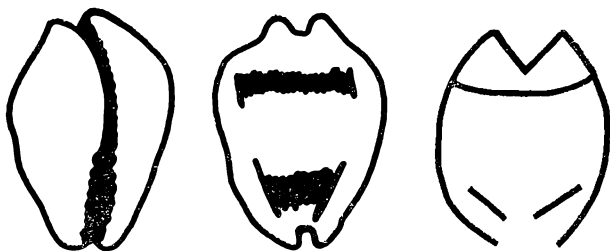
нее детально. К сожалению, эти работы удалось провести только вдоль западного побережья, так как противоположная, наветренная сторона острова была недоступна из-за сильного прибоя. Повсюду на рифе, словно мелкие монеты, блестели гляцевитые каури. Так называют моллюсков двух видов: «монету» (*Monetaria moneta*) и «колечко» (*M.annulus*). Раковины обоих видов величиной с ноготь большого пальца. У овальной каури-колечка на светлом фоне верхней стороны отчетливо видно охристо-желтое кольцо. Раковина каури-монеты почти пятиугольная, ее светло-желтая поверхность перечеркнута двумя широкими зеленоватыми полосками. Подсчеты с контрольных площадок показали, что в ряде участков рифа этих моллюсков было до сотни на квадратный метр. Каури — типичные обитатели коралловых рифов, они живут только на мелководье и не выносят температуры ниже 18°C. Область их распространения — тропическая зона Индийского и западной части Тихого океанов. Раковины каури радуют глаз и формой и цветом, они очень красиво выделяются на фоне темной кожи и черных волос прически. Из них легко делать различные украшения. Естественно, что каури нашли широкое применение в прикладном искусстве аборигенов. По-видимому, это единственные предметы, которые уже в глубокой древности попали с коралловых рифов в самые удаленные уголки Старого Света — Африки и Евразии. Их находят в захоронениях неолита Центрального Китая, бесчисленное множество каури-колечек обнаружено при раскопках одной из могил XII династии в Египте (за 500 лет до н. э.). Месопотамия этого периода, по-видимому, служила транзитным пунктом на пути перевозки каури из Аравии на Кавказ. Знали и очень ценили эти раковины и скифы. Несколько позднее каури попали в Западную Европу. Начиная с IX века н. э. раковины этих моллюсков использовались для украшения сбруи на нижнем Оudere, в Швеции, Литве и Белоруссии. Средневековые мастера нашивали их на свои кожаные рабочие фартуки. Ожерелье из каури, найденное в захоронении на территории нынешней Псковщины (XII—XV вв. н. э.), и сейчас можно увидеть в краеведческом музее в Печорах. Мордовские и чувашские женщины носили их на налобных повязках. Попали каури в качестве женских украшений также к баш-

кирам и киргизам. Особенно широко использовали раковины каури народы Западной и Центральной Африки: из них изготовляли ожерелья, ими обшивались шапки, сосуды для молока и масла, корзины, сумки, инкрустировали различные деревянные изделия, музыкальные инструменты (в частности, барабаны), щиты, ритуальные танцевальные маски.

Устье раковины похоже на ощеренный рот, поэтому каури придавалось мистическое значение, их носили в качестве талисманов. Известна цепь из двадцати тысяч каури (22 кг), принадлежавшая колдуну из Западной Африки. Африканские царьки награждали своих подданных знаками отличия (нечто вроде орденов), расшитыми каури. Носили их, свешивая со лба на лицо. На Невольничьем Берегу выработалась даже особая письменность: группам раковин в орнаменте придавалось символическое значение. Две каури, обращенные острыми концами друг к другу, означали понятие «дружба», острыми концами врозь — «вражда»; две каури и перышко — «свидание» и т. д. Издавна каури служили также в качестве денег. В древнем Китае еще за 1500 лет до н. э. покупатели расплачивались за товар раковинами каури, доставлявшимися с островов Рюкю. Для удобства хранения и облегчения подсчета раковинки просверливались и панизовались на шнуры. Около 200 г. до н. э. были введены медные деньги, но по традиции монеты продолжали носить на шнурках, пробивая отверстия посередине. Знак, которым каури обозначались в старинной китайской письменности, сохранился поныне и лежит в основе около двухсот современных иероглифических сочетаний для обозначения понятий «деньги», «продажа», «торговля», «банковский оборот» и т. п.

В Тибете каури имели хождение в качестве разменной монеты еще в XII в., в некоторых районах Таиланда — до конца XIX, а кое-где в Индии — даже до середины нашего века.

Многим торговцам-европейцам идея скупать каури у аборигенов Индийского и Тихого океанов и продавать эти раковины в Западной Африке показалась довольно заманчивой: разница в цене была примерно десятикратной. В 1721 г. из Занзибара в Гвинею вывезли 150 млн. штук каури, в 1800 г. — уже 950 млн., а в 1857 г. —

Каури-монета с нижней и верхней стороны.
Справа — китайский иероглиф, которым в старину
обозначалось слово «каури»

2 млрд. В течение XIX в. в Западную Африку завезено не менее 75 млрд. каури (115 тыс. т). Если все эти раковины нанизать на одну нитку, то ее можно было бы четыре раза протянуть от Земли до Луны! Таковы поистине космические масштабы продуктивности кораллового рифа. «Курс» каури колебался в разные периоды и сильно зависел от географического положения. В середине прошлого века в Судане за одну раковину можно было получить иголку, горсть бобов, луковицу или же чашку холодной питьевой воды.

Маленькие раковины — невольная причина горя и отчаяния многих тысяч людей, так как именно этой монетой часто расплачивались работорговцы за приобретение живого товара. В 1624 г. в Камеруне черного невольника продавали всего лишь за две-три горсти каури (шестьдесят штук), а в Уганде вплоть до конца XIX в. раб стоил двести-триста раковин.

Хотя теперь каури почти не используют в качестве денег, ценность их, видимо, не уменьшилась, так как раковины этих моллюсков повсюду, где они водятся, служат для изготовления различных украшений и поделок. Поэтому на рифе обычно каури немного — их усердно собирают для продажи. Риф острова Науру в этом отношении исключение из общего правила. Очевидно, хорошо обеспеченные науруанцы не нуждаются в подобном заработке, и потому популяция моллюсков *Monetaria* здесь не разрежена вмешательством человека.

В северо-западной части острова, вблизи мыса Анно, из моря выступают причудливой формы темные облом-

ки древних кораллов. Среди лабиринта этих ноздреватых столбов и плит с острыми зазубринами в оставшихся при отливе лужах удается наловить различных коралловых рыбок, в том числе и довольно крупных, сантиметров по двадцать — тридцать. В щелях кораллового известняка прячутся толстые неповоротливые коричневые крабы (*Eriphia laevimana*) с красными глазами. Поймать их, однако, не просто. Упираясь толстыми лапами в стенки убежища, они прочно там удерживаются. Чтобы их извлечь, приходится молотком и зубилом обкалывать твердый известняк. Если внутри ниши нет дополнительных ходов, через которые краб может протиснуться, поймать его довольно легко. Гораздо труднее схватить темно-зеленых плоских, очень шустрых крабов грапсусов (*Grapsus*), которые, шурша лапами, быстро носятся по поверхности глыб и молниеносно скрываются в щелях.

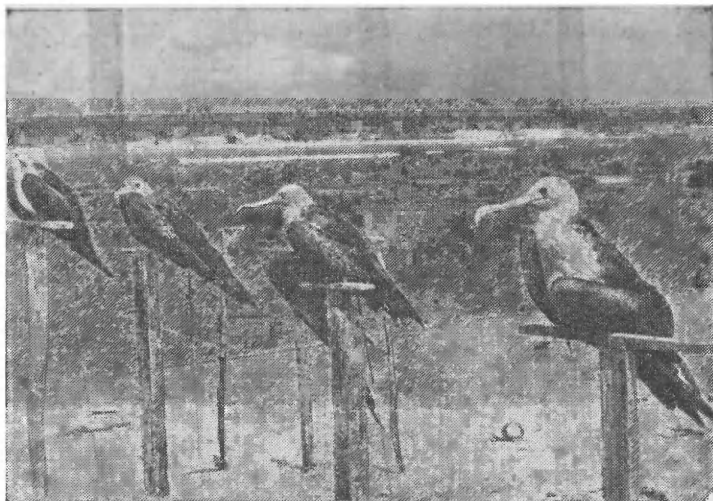
Если пройти еще дальше по берегу, можно увидеть воткнутые в коралловый песок невысокие шесты, на которых сидят красивые морские птицы — фрегаты (*Fregata minor*). По-видимому, именно их предкам, а также олушам (*Sula*) островитяне обязаны своим благополучием.

Теперь на Науру птиц мало, и местные жители трогательно о них заботятся. Охрана фауны поставлена на Науру так высоко, как ни в одном государстве мира — всякая охота и даже простое хранение огнестрельного оружия категорически запрещены!

Поблизости от причала располагается поселок, в котором живут завербованные рабочие и их семьи. Для разработок фосфоритов нанимают китайцев из Гонконга, а также жителей островов Гилберта и Эллис. Рабочих довольно много, почти столько же, сколько коренных жителей*. Хорошие условия труда и быта, высокая заработная плата позволяют завербованным за три года скопить приличную сумму денег. На более длительный срок контракт не заключается, так как государство всеми силами ограничивает въезд на остров.

Науру перенаселен. Плотность населения вместе с приезжими рабочими составляет триста пятьдесят человек

* Всего на Науру проживает около 7 тыс. человек (1972 г.).

Фрегаты... Прежде на острове гнездились многотысячные стаи этих птиц. Теперь несколько десятков оставшихся фрегатов — предмет почитания и заботы науруанцев

на квадратный километр. Учитывая, что здесь нет никакой обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, что даже пресную воду приходится доставлять морем, проблема снабжения населения — одна из самых сложных. Доход от фосфоритных разработок распределяется между всеми гражданами страны, но получить гражданство Науру может далеко не всякий, а лишь тот, кто рожден местной женщиной.

Так живет это своеобразное, теперь процветающее маленькое государство. Что станет с ним в будущем, когда запасы фосфоритов кончатся (а это случится еще до конца века), — сказать трудно. Уже сейчас суда, приходящие за удобрениями, иногда привозят на Науру плодородную землю. Ею хотят засыпать центральное плато и выращивать там ценные тропические культуры. Предполагается создать на острове туристический комплекс с пляжами и местами для рыбной ловли, привлечь гостей красотами коралловых рифов. Но это лишь проекты, а пока население живет, постепенно растрачивая богатства своего острова.

Днем 29 июля «Дмитрий Менделеев» бросил якорь в бухте у города Порт-Вила на острове Эфате архипелага Новые Гебриды.

Новые Гебриды — колония, принадлежащая одновременно двум странам — Англии и Франции. Открыт архипелаг в 1606 г. испанцем Киросом, который искал южный материк и принял за него остров, названный им Эспириту-Санто (Святой дух). Ошибку обнаружил более полутора столетий спустя (в 1768 г.) француз Бугенвиль, который в этих местах нашел вместо южного материка цепь островов. Название дал Джеймс Кук, который обследовал архипелаг в 1774 г. и открыл при этом ряд южных островов*. В течение последующих ста лет Новые Гебриды юридически ни одной из европейских стран не принадлежали, но постоянно подвергались нашествиям различных авантюристов — скупщиков сапидового дерева и копры, а также работорговцев. Здесь же останавливались китобои. В результате контактов с европейцами на островах стали вспыхивать эпидемические болезни, к которым местное население не имело иммунитета. Численность коренного населения стала падать. К тому же аборигенов начали вывозить для работ в Австралию, на Фиджи, Самоа и Новую Каледонию. Так, по данным миссионеров, с 1884 по 1908 г. число жителей на отдельных островах архипелага уменьшилось в 1,5—5 раз. Впрочем, этим мало кто интересовался. Первая перепись населения была проведена лишь в 1967 г. По ее данным, на восьмидесяти островах проживает 77 988 человек, в том числе 5745 немеланезийцев — европейцев, вьетнамцев и полинезийцев.

Во второй половине XIX в. значительную часть земель на Новых Гебридах скупили французские и английские колонисты, между которыми началось соперничество. Правительства обеих стран, не желая ни уступать своих позиций, ни идти на конфликт, заключили в 1887 г. конвенцию о совместной двусторонней системе наблюдения и контроля, а в 1906 г. было провозглашено создание кондоминиума — совместного англо-французского колониального владения архипелагом.

Никто из членов экспедиции (кроме, пожалуй, планктонолога и руководителя водолазных работ Ю. А. Рудя-

* Очевидно, острова напомнили Дж. Куку гебридское побережье Шотландии.

кова) здесь никогда не бывал. Даже И. М. Меликсетова, автор главы о Новых Гебридах в справочнике «Океания», видела острова впервые.

В ожидании высадки мы с интересом рассматривали берега глубокой бухты и белые дома административного центра архипелага. По бухте во всех направлениях медленно движутся красивые яхты с голубыми, алыми, желтыми парусами. Поблизости от нас остановился удивительный тримаран — на трех серебристых плавучих сигарах установлена надстройка, отделанная полированным деревом: целый дом из трех-четырёх помещений. Пожилая пара из Новой Зеландии совершает на нем путешествие с двумя маленькими внуками. Повсюду видны моторные лодки, в которых разъезжают пестро одетые меланезийцы.

Порт-Вила оказался маленьким городком, застроенным невысокими светлыми зданиями европейской архитектуры. Самая длинная улица идет параллельно берегу бухты. На ней сосредоточены кафе, магазины, почта и официальные учреждения. В одном из магазинов, где молодая женщина торговала раковинами и изделиями меланезийцев, мы задержались, выбирая бусы из семян растений, деревянные маски и рассматривая раковины. Расплатились австралийскими долларами, но сдачу получили в тихоокеанских франках. Оказалось, что на островах — две денежные системы. На почте любители филателии приобрели и английские и французские новогембридские марки. Административное управление также основано на законах, традициях обеих метрополий. Английские и французские власти создали отдельные ведомства по делам образования, здравоохранения, финансов, юстиции. Таким образом, здесь действуют сразу два законодательства. Только в одном англичанам пришлось отступить от своих традиций — на дорогах архипелага повсюду правостороннее движение. Здесь может быть только одно решение — одновременное существование двух систем исключено.

Мне с несколькими спутниками посчастливилось проехать в автомобиле на другую сторону Эфате.

Сразу по выезде из городка асфальт кончился и дорога стала круто подниматься в гору. Сверху открылся прекрасный вид на город и бухту. Машина побежала вдоль тропического леса, рощ кокосовых пальм. Я, как

всегда, внимательно смотрел вперед на дорогу, хотя прекрасно знал, что никаких зверей не увижу, так как на Новых Гебридах диких млекопитающих (кроме крыс) нет. Тем не менее по привычке упорно и сосредоточенно продолжал наблюдать. И это оказалось очень кстати! Не прошло и десяти минут, как я увидел большого краба, медленно переходящего дорогу. По моей просьбе водитель пропустил его между колес и затормозил, а я побежал назад. Краб остановился и угрожающе поднял обе клешни. Размером он был с кулак, длинные лапы широко раскинуты. Крупные крабы могут вцепиться буквально мертвой хваткой, нанести клешнями глубокие рваные раны. Это выражение имеет далеко не переносный смысл. Если краб ухватил клешней, то ее не разомкнуть, даже убив животное. Некоторые крабы в случае нападения отламывают свою конечность и спасаются бегством, пока нападавший пытается освободиться от клешни. Тем не менее краб уязвим — его нужно схватить со спины за края панциря, куда он не может дотянуться клешнями. Заметив, что я собираюсь это сделать, проворное животное быстро перевернулось, выставив перед собой обе клешни и энергично размахивая ими. В такой позе краб уже неприступен. Пришлось невежливо перевернуть его носком кед и схватить за панцирь. В то же мгновение на мою руку нацелились три фотоаппарата и кинокамера, а еще через минуту мы ехали дальше, а краб сидел в полиэтиленовом мешке. Вскоре таким же образом был пойман и второй краб, оказавшийся еще крупнее первого. Наземные крабы, как и все ракообразные, по своему происхождению водные организмы, но этот род (*Cardisoma*) приспособился к жизни на суше. Лишь раз в году крабы со всего острова спускаются в море, чтобы отложить икру. Их личинки, внешне совсем не похожие на своих родителей, некоторое время проводят в воде, но затем, превратившись в маленьких крабиков, покидают море. Питаются наземные крабы чем придется: они едят и растительную, и животную пищу, не брезгают мертвечиной. Оба краба долгое время жили в нашей лаборатории, а один из них доехал живым до Ленинграда. За вороватость и измену морю их прозвали «Вовчик» и «Аскольд»*.

* Персонажи из повести Г. Н. Владимова «Три минуты молчания».

После поимки крабов мы еще несколько раз останавливались, главным образом для того, чтобы сделать снимки. Почти все время по сторонам дороги тянулись старые кокосовые рощи. Молодых посадок нигде не было видно, зато повсюду валялись догнивающие орехи. Кое-где среди пальм паслись стада свиней и коров. Никого из местных жителей мы не встретили.

После полуторачасового пути вдаль показалось море. Дорога привела к берегу, где собрались на воскресный пикник несколько десятков человек. Здесь были и белые и меланезийцы. По-видимому, этот уголок часто служит местом отдыха и купания, так как здесь стоит ларек, в котором продается «кока-кола», а вокруг разбросаны бутылки из-под этого напитка.

На берегу моря, среди выбросов, мы нашли довольно много раковин моллюсков, в том числе тридакны (*Tridacna*). Попалась и одна красивая большая раковина наутилуса (*Nautilus*), которая, к сожалению, была довольно сильно повреждена. Наутилус относится к головоногим моллюскам, но в отличие от своих сородичей — осьминогов, каракатиц и кальмаров — имеет наружную спирально завитую раковину с прекрасным перламутровым слоем. Область распространения наутилусов очень ограничена: они обитают в тропической зоне западной части Тихого океана, один вид встречается у южных берегов Австралии. Живут наутилусы на довольно значительной глубине (до 900 м), и на берегу можно найти лишь раковины, выброшенные морем, почему они всегда и бывают побиты.

Остановившись в деревушке, чтобы сфотографировать домики с плетеными стенами и крышами из пальмовых листьев, мы увидели на берегу моря небольшое одноэтажное белое здание школы. Занятия уже кончились, и мы вошли внутрь, благо вместо двери был лишь проем. Окон в единственной комнате школы тоже не оказалось. Вместо них под потолком со всех четырех сторон имеются широкие незастекленные отверстия, через которые свободно проникает ветерок с моря. Судя по высоте парт, в школе учатся дети лет семи-десяти. Большая доска, мел, столик с сотней красивых раковин — вот и все оборудование. Учитель, молодой застенчивый меланезиец, постоял с нами в классе, пока мы смотрели на стопки тетрадей и книжек на партах и

на портрет Помпиду (школа содержится на французские средства). Он рассказал нам, что французская администрация создала на островах двадцать четыре такие школы. Английская ограничилась двумя. Большинство же детей учится в начальных школах, созданных на средства миссионеров.

Вернувшись в Вила, мы еще успели побывать в так называемом Культурном центре. В специально построенном небольшом здании находятся библиотека, выставка (с распродажей) картин и маленький музей. Он занимает всего одну большую комнату. Здесь хорошо представлена местная фауна: чучела птиц и летучих лисиц. Имеется отличная коллекция моллюсков. На всех экспонатах этикетки на трех языках — английском, французском и латинском. Нет только местных названий.

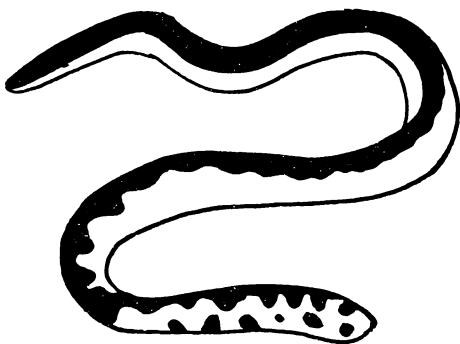
Этнографических экспонатов немного, но они весьма колоритны. Обращают на себя внимание большие деревянные скульптуры и фигуры, вырезанные из ствола пористого древовидного папоротника, а также из кораллового известняка. В углу стоит огромный в форме человеческой фигуры барабан четырехметровой высоты, вырезанный из цельного ствола дерева. Вдоль живота фигуры проходит щель шириной в ладонь, через которую выдолблена полость ствола. Даже легкий удар по барабану вызывает громкий гул.

На выставке представлены картины художников-европейцев, проживающих на островах. В основном это абстрактная живопись или же пейзажи и натюрморты невысокого класса. Последнее помещение Культурного центра отведено под бесплатную библиотеку. К сожалению, мы не успели поближе познакомиться с ее деятельностью и фондом. Рабочий день молодых девушек-меланезиек, служащих библиотеки, заканчивался, и они убирали помещение. На столе у входа лежали пачки потрепанных комиксов и стояла небольшая коробочка с карточками абонентов.

На следующий день с утра шел проливной дождь. Пришлось отложить экскурсию. К полудню ливень сменился обычным сильным дождем. К сожалению, он, почти не переставая, лил все дни во время нашего пребывания на острове Эфате. Все же после обеда мы отправились на риф. Аквалангистам дождь в общем мало мешал, зато мы с Красновым, обследуя прибрежную

часть рифа, вскоре совсем замерзли на ветру. Кораллы здесь были разнообразны, и мы вскоре выломали много образцов. Так как начался прилив, решили складывать свою добычу на выступающей из воды большой глыбе кораллового известняка. В бухте разгулялись волны, и каждую добытую колонию кораллов приходилось носить то по горло, то по пояс в воде. Вокруг попарно и целыми стайками сновали коралловые рыбки. Однако близко к себе они не подпускали. Кроме кораллов мы собирали морских звезд, морских ежей, крабов, моллюсков — все пестрое население рифа. Через час мы уже сидели возле наших коллекций, обсуждая проблему их транспортировки на мотобот. Неожиданно Краснов увидел большую коралловую змею, мирно свернувшуюся среди наших трофеев. В море обитает несколько видов змей. Все они очень ядовиты, однако редко нападают на человека первыми. Пасть морской змеи довольно узкая, а ядовитые зубы находятся глубоко, поэтому она не особенно опасна, если, конечно, не хватать ее голыми руками. Так как в нашу задачу входил сбор всех животных, населяющих риф, то мы кинулись ловить эту полосатую змею, которая тут же попыталась быстро скрыться среди наших коллекционных кораллов. Когда змею все-таки удалось выгнать оттуда, она скользнула в воду и, грациозно извиваясь, поплыла прочь. Краснов оглушил ее длинной ручкой геологического молотка. Я схватил змею за шею и посадил в банку. Там она сразу же оправилась и попыталась выбить крышку.

Светлого времени дня оставалось мало, но мы все же решили осмотреть подводный пляж маленького островка, расположенного по другую сторону бухты. Первое, что бросилось здесь в глаза, — это множество совершенно белых мертвых кораллов. Такими они становятся только в коллекциях после специальной обработки. Причина их гибели была совершенно ясна — повсюду виднелись большие (до 60 см в диаметре) темно-серые многолучевые морские звезды. Это знаменитые «терновые венцы» (*Acanthaster planci*), прозванные так из-за острых шипов, усеивающих всю спинную часть животного. С этой крупной хищной звездой мне впервые пришлось столкнуться в 1960 г., во время работы на коралловых рифах острова Хайнань. Тогда «терновый венец» был известен только специалистам и нигде не

Морская змея (двухцветная пелагида) — обычное животное коралловых рифов

встречался в большом количестве. Более того, он считался редким. Нас в то время поразила токсичность звезды. Достаточно слегка наколоться на один из шипов, как вся рука распухнет и долго будет болеть.

В последние годы звезда приобрела широкую и печальную известность, но не потому, что была ядовитой, а как пожиратель коралловых рифов. Начавшееся внезапно обильное размножение «тернового венца» привело к массовому появлению этих звезд. Причем они стали не только уничтожать свою обычную пищу — двустворчатых моллюсков, но и нападать на сами кораллы. Такая звезда выворачивает наружу через рот желудок, обволакивает им часть поверхности колонии и медленно ползет по ней, переваривая на ходу полипов. Позади движущейся звезды остается белый след — оголенный скелет мадрепорового коралла. Значительные скопления звезд могут за короткий срок буквально уничтожить участок рифа. Это приводит к гибели многих животных кораллового биоценоза и, кроме того, чревато серьезными последствиями для самого острова. Живой риф принимает на себя постоянные удары прибоя, мертвый же быстро им разрушается, и тогда волны начинают размывать берег.

Ранее почти никому не известная морская звезда привлекла к себе внимание не только зоологов, но и госу-

дарственных деятелей. О ней заговорила пресса всех стран мира. Причину бедствия некоторые зоологи были склонны видеть в нарушении человеком естественных взаимоотношений на рифе. Предполагалось, что добыча для сувениров крупных моллюсков — тритонов (*Charonia tritonis*), а также отлов маленьких креветок (*Hymenocera picta*), которые поедают звезд, привели к массовому размножению последних. На некоторых островах Океании добыча тритонов была запрещена. Тритоны, действительно, могут поедать взрослых звезд. Но эти крупные моллюски встречаются далеко не так часто и вряд ли способны влиять на численность популяции звезд. Упоминание в научной литературе креветок как возможного врага «тернового венца» встречается довольно часто, однако без достаточно серьезных оснований. По свидетельству директора Сиднейского зоологического музея профессора Талбота, этому способствует пресса, распространяющая довольно фантастические сведения о деятельности рачков. Пишут, будто бы рачки, собравшись группой, до тех пор пляшут на звезде, пока она не втянет свои многочисленные ножки. Тогда рачки забираются под нее и выедают мягкие ткани нижней стороны. Никто из зоологов, однако, этого пока не наблюдал. Таким образом, предположение о причинах гибели рифов в результате истребления естественных врагов «тернового венца» обосновано недостаточно.

По другой версии, причину массового размножения звезд нужно искать в изменении температурного режима океана или в его загрязненности. Состояние берега в бухте у Порт-Вила — доказательство последнего предположения. На островке находился поселок, и весь мусор, все бытовые отходы население сбрасывало в море. В воде плавали прокисшие шкурки бананов, внутренности свиней, куски полиэтиленовой пленки. На берегу повсюду валялись банки, бутылки, тряпки. Поверхность воды, покрытая масляной пленкой от многочисленных подвесных моторов, которыми теперь широко пользуются аборигены Эфате, переливала всеми цветами радуги. В море у поселка мы вообще не увидели никаких живых существ, но в стороне, там, где благодаря удаленности от берега грязи меньше, попадались различные животные. Живых кораллов было немного, от большинства остались лишь белые скелеты. Зато «тер-

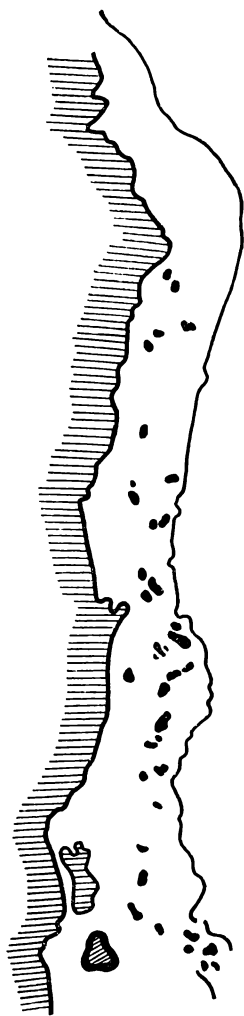

Здесь скопились «терновые венцы»

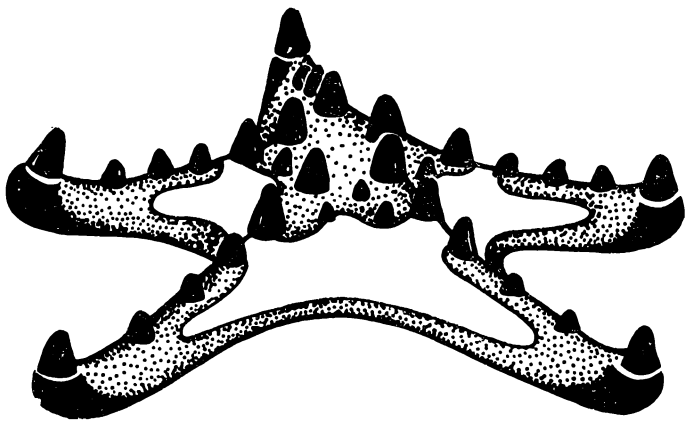
новые венцы» ползали повсюду в изобилии и заканчивали разрушение, начатое человеком.

Только что покинутый нами риф на другой стороне бухты, всего в полутора километрах отсюда, был в прекрасном состоянии. «Терновые венцы» мы там тоже видели, но здесь, вдали от поселка, вода была совершенно чистой. Позднее на островах Фиджи мы снова встретили этих звезд в большом количестве. Но там риф тоже не был загрязнен и мертвых кораллов почти не встречалось. По-видимому, для здорового рифа «терновые венцы» не так опасны. Значит, в конечном счете первопричиной разрушения коралловых рифов оказывается вовсе не «терновый венец».

В последний день пребывания в Порт-Вила работа велась в мелководной лагуне Эракор, окруженной многочисленными островками. Чтобы попасть туда, пришлось выйти из бухты. Сразу за мысом началось сильное волнение, и полтора часа мы мокли под дождем, пока наконец не укрылись в лагуне. Я перенес свои вещи на один из крошечных островков и, миновав густые заросли пандануса, оказался на широкой лужайке, поросшей густой высокой травой. По ее краям перед стволами кокосовых пальм росли высокие кринумы. Одни растения цвели, на других уже образовались плоды. Соцветие — целая шапка белых узколепестковых цветков — располагается на конце длинной стрелки. От них ис-

Западное побережье Австралии с границами Большого Барьерного рифа. Черными пятнами показаны места, где кораллы уничтожены «терновыми венцами» (по В. Сервенти)

Несколько тысяч таких шипастых морских звезд тихо лежат на песчаном дне лагуны Эракор

ходил чудесный тонкий аромат, заполнявший всю лужайку. Собрав несколько наземных моллюсков и крабиков, я вернулся на берег и вошел в воду. Все дно лагуны было покрыто чистейшим белым коралловым песком, местами заросшим куртинками морской травы — талассии. На светлом фоне можно было четко различить крупных ярких животных. Особенно много здесь оказалось пятилучевых морских звезд с толстыми шипами (*Protoreaster nodosus*).

Поражает разнообразие расцветки, заключающееся в сочетании палевого, красного и черного цветов. Подсчеты показали, что на каждый квадратный метр лагуны (ее длина около 2 км при ширине не менее 500 м) приходится по звезде весом 700—800 г. Кораллов здесь мало, другие животные, которые могли бы служить морским звездам пищей, тоже немногочисленны. Правда, имеются заросли талассии и водорослей, но морские звезды, как известно, не питаются растениями. За счет чего же существует популяция звезд с такой высокой биомассой? Ответить на этот вопрос оказалось нетрудно. Подняв любую звезду, можно увидеть, что изо рта у нее торчат обломки мертвых кораллов. Обсасывая их, звезды извлекают органический детрит, а возможно, и бактерий, за счет чего и существуют. Мягких тканей у звезд этого вида очень немного — основу массы состав-

ляет мощный известковый скелет и близкая по составу к морской воде жидкость, заполняющая водно-сосудистую систему. Вынутые из воды, звезды на ярком тропическом солнце быстро высыхают и не загнивают -- настолько мало в их теле органических соединений. Не удивительно, что у этих животных, почти целиком состоящих из извести и морской воды, нет врагов; вот почему они так быстро размножаются.

Кое-где на этой же отмели попадались крупные медузы кассиопеи (*Cassiopea*). В отличие от остальных медуз они не плавают в толще воды, а лежат на дне ротовым отверстием кверху. Щупалец у кассиопеи нет, но зато края рта вытянуты в виде бахромчатых лопастей с многочисленными тонкими трубочками, через которые они засасывают в желудок мельчайших водных животных.

Во время работы в лагуне Эракор к нашим аквалангистам подплыл дюгонь (*Dugong*), которого вначале приняли за акулу. Однако горизонтально расположенный хвостовой плавник всех успокоил. Дюгонь -- крупное водное млекопитающее из отряда сирен. К этому же отряду относилась и вымершая теперь морская корова. Как и все сирены, дюгонь питается растительной пищей. Попал он в лагуну, очевидно привлеченный зарослями морской травы. Этих животных преследовали ради вкусного мяса, и теперь они, несмотря на принимаемые охранные меры, оказались на грани вымирания. Кинооператор экспедиции А. Н. Попов успел снять несколько интересных кадров, тем более что зверь оказался очень любознательным и успешно позировал перед камерой.

ПЯТЬ ДНЕЙ В АВСТРАЛИИ

Южнее тропика Козерога. Австралия — мир сумчатых животных. Жив ли сумчатый волк? Кораллы с Большого Барьерного рифа

Середина августа в Австралии соответствует концу зимы в Северном полушарии. За два дня до нашего прибытия в Сиднее заметно похолодало. Теперь участники экспедиции стали появляться на палубе только в суконных брюках и свитерах. Кондиционер отключили, бочонок с квасом, стоящий около камбуза, утратил свою былую популярность. На аврал все вышли в штормовках. Такая милая шутка, как окатывание зазевавшегося водой из шланга, уже не практиковалась. После работы долго отогревались в душевых и пили в каютах горячий кофе. Холод-то, впрочем, был относительный. Термометр показывал 15°C. Просто после пекла экваториальной зоны в этих широтах нам стало как-то неуютно.

Появились типичные обитатели южного полушария — странствующие альбатросы (*Diomedea exulans*). Две огромные белые птицы (размах крыльев 4—4,5 м) долго сопровождали корабль. Не шевеля, а только покачивая крыльями, они легко обгоняли нас, отставали и «висели» за кормой. Буфетчица Галя Филипенко бросила им остатки завтрака. Птицы ринулись вниз, сели на воду и долго складывали длинные крылья. Вскоре они снова появились. Странствующие альбатросы, как и другие виды этого семейства, большую часть жизни проводят в открытом океане, питаются и отдыхают на воде. Они летают до северного тропика, но гнездятся обычно лишь на безлюдных островках Южного полушария. Гнездовой период длится необычно долго — почти целый год. Около двух недель они устраивают брачные танцы, громко кричат, принимают причудливые позы, размахивая длинными крыльями, трутся клювами, потом разбиваются на пары. Где-нибудь в расщелине

скалы, а то и прямо на открытом месте самка откладывает единственное яйцо, которое оба родителя высиживают более двух с половиной месяцев. Итенец покидает гнездо в возрасте восьми-девяти месяцев. Прежде многочисленные, эти птицы теперь становятся всё более редкими, так как на них стали охотиться ради красивых белых перьев, а размножаются альбатросы медленно — поздно становятся половозрелыми и гнездятся раз в два года.

Поймать альбатроса несложно: достаточно насадить на большой рыболовный крючок кусок сала и бросить снасть за борт на крепком шнуре. Мне хотелось добыть одного из альбатросов для ленинградского Зоологического музея, но, зная, что в экспозиции уже есть два экземпляра этого вида, я не решился губить редкую птицу.

«Дмитрий Менделеев» между тем оставил позади тропик Козерога и шел на юг Тасмановым морем. 15 августа перед нами открылся вход в залив Порт-Джэксон, по берегам которого расположена столица штата Новый Южный Уэльс, крупнейший город Австралии — Сидней. Через несколько дней в Канберре начался XII Тихоокеанский научный конгресс, а в Сиднее собирался Симпозиум по биологии морских организмов. В нем нам предстояло принять участие.

Берега залива краснели от черепичных крыш. Это пригороды Сиднея, где на маленьких участках стоят одноэтажные домики. В глубине Порт-Джэксона высится знаменитый сиднейский Портовый мост, вокруг которого сомкнулись серые громады небоскребов. Прибыл лоцман, и мы пошли к причалу. Вначале все взоры устремились на перекинувшийся через залив Портовый мост. Как ни велик «Дмитрий Менделеев», как ни высоки мачты корабля, он свободно прошел под мостом. Но еще до того, как судно подошло к мосту, общее внимание переключилось на необычное сооружение, появившееся по левому борту.

Издали его можно было принять за стоящий у причала огромный корабль с надутыми ветром парусами. Вблизи оказалось, что это — строение из бетона, высоко поднимающее к небу свои белые... нет, не стены, не своды и не крыши. Оно занимает весь мыс небольшого полуострова в заливе и призвано стать символом

огромного приморского города, квинтэссенцией самого «духа Сиднея» (так сказано в путеводителе).

Миновав Портовый мост, «Дмитрий Менделеев», пришвартовался к причалу № 8. Рядом с нами у причала № 9, как зеркальное отражение «Дмитрия Менделеева», стоял «Академик Вернадский», на котором тоже прибыли ученые на конгресс.

Когда мы приближались к берегам Австралии, наши кинооператоры попросили меня консультировать их при съемках фильма о сиднейском зоопарке. Поэтому, как только нам разрешили выход в город, В. Г. Рыклин, А. Н. Попов и я взяли такси и поехали в зоопарк. Машина проскочила по узким припортовым улочкам, поднялась на эстакаду и помчалась к Портовому мосту.

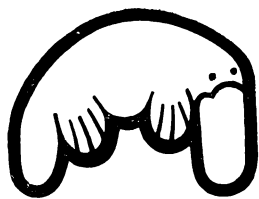
Я сидел впереди, слева от водителя (в Австралии левостороннее движение), который зачем-то сунул мне в руки монету. Оказывается, на середине моста стоит человек, взимающий плату за проезд. Мы замедлили ход, и я вручил пошлину.

Таронга-парк расположен на берегу залива Порт-Джэксон на окраине Сиднея. Это один из самых интересных зоопарков, какой мне пришлось видеть. Уже после беглого знакомства с его коллекцией стало ясно, что за один раз мы успеем снять мало, и потому решили приехать сюда еще через день. Таким образом, я целых два дня провел в чудесном зоопарке и хорошо познакомился с его обитателями. Коллекция Таронга-парка велика: она насчитывает около четырехсот пятидесяти видов наземных животных. Но есть еще и аквариумы с бесчисленным множеством морских и пресноводных рыб. Здесь можно увидеть представителей фауны всех континентов, в том числе и очень редких животных, таких, как карликовый бегемот из Либерии и гигантский варан с индонезийского острова Комодо. Чучело этой крупнейшей ящерицы имеется в ленинградском Зоологическом музее, но живой я ее увидел впервые.

И все же особый интерес для меня, да и для кинооператоров, представляли не привозные, а местные животные. Стилизованное изображение утконоса служит эмблемой зоопарка. Это вполне оправданно, так как утконосов можно видеть только здесь. Кроме Таронга-

парка они иногда демонстрируются также в Мельбурне, трижды их привозили в Нью-Йорк. Область распространения этих полуводных животных — восточная Австралия и Тасмания. Значительную часть времени утконосы (*Ornithorhynchus anatinus*) проводят на суше в вырытых ими норах, а дважды в сутки спускаются к воде, где прекрасно плавают и ныряют, добывая себе корм — моллюсков, личинок водных насекомых, червей и ракообразных. Утконосы прожорливы: за сутки они съедают пищи почти столько же, сколько весят сами. Понятно, что их трудно транспортировать на большие расстояния, да и содержать на месте не так-то легко. В Таронга-парке для утконосов построен особый павильон. Животных можно видеть только в то время, когда они активны и плавают в специальном бассейне. Это весьма примечательное зрелище. Шестидесятисантиметровые звери развивают в воде большую скорость, и с трудом можно уследить за тем, как они работают передними перепончатыми лапами и плоским, как у бобра, хвостом. Чтобы утконосы не были стеснены в движениях, бассейн имеет длину около 15 м, его стенки состоят из сплошных полос зеркального стекла, через которое очень удобно наблюдать за животными. Утиным клювом утконос роется в иле и ловко извлекает добычу. К сожалению, освещенность для цветной киноплёнки оказалась недостаточной и снять утконосов не удалось.

Зато удачно прошли съемки других яйцекладущих млекопитающих — ехидн. В Таронга-парке их два вида. Австралийская ехидна (*Tachyglossus aculeatus*) внешне напоминает большого ежа. Ходит она вперевалку, но довольно быстро, питается муравьями, термитами и другими насекомыми, а также червями и наземными моллюсками. В неволе охотно поедает мясной фарш. Передние лапы ехидны снабжены мощными когтями, которыми она разрывает муравейники. Такие же когти имеются у новогвинейской проехидны (*Zaglossus*), которая отличается от ехидны более длинной и изогнутой книзу

Стилизованное изображение утконоса — эмблема сиднейского зоопарка

мордой и густой шерстью с редкими короткими иголками. По нашей просьбе одну проехидну служитель зоопарка вынес для съемок на газон. Не успел А. П. Попов направить на нее объектив аппарата, как животное стало быстро работать передними лапами и с невероятной быстротой зарываться в землю.

В Таронга-парке содержат более сорока видов сумчатых, то есть таких млекопитающих, которые, хотя и рожают детенышей (яйцекладущие, как показывает само название, откладывают яйца), но затем вынашивают их в особой сумке, имеющейся только у самок. На всех остальных материках время сумчатых давно прошло, они уступили место более высоко организованным плацентарным млекопитающим.

Только в Южной и Центральной Америке * еще сохранилось небольшое число мелких сумчатых, остальные не выдержали борьбы за существование и вымерли.

Почти вся коренная фауна млекопитающих Австралии состоит из однопроходных и сумчатых. Исключений немного. Из высших млекопитающих здесь обитают различные рукокрылые и некоторые грызуны. Серую крысу, например, завезли на кораблях. Кролики, ставшие впоследствии бедствием для австралийского сельского хозяйства, тоже были завезены в Австралию из Европы. Динго появилась, по-видимому, одновременно с заселением материка человеком.

Миллионы лет эволюция животного мира Австралии шла изолированно от остальной суши, где появились насекомоядные, грызуны, хищные, копытные и другие группы млекопитающих. Теперь в Австралии тоже можно видеть млекопитающих, ведущих весьма различный образ жизни и имеющих разнообразное строение. Например, австралийскую почву роют кроты, но они сумчатые. По внешнему виду (только шкурка крота белая), по размерам и образу жизни сумчатый крот очень похож на европейского. В Австралии обитают различные лесные и полевые мыши, но тоже сумчатые. Здесь можно встретить и сумчатых крыс и сумчатых кошек. В лесах Австралии водятся сумчатые белки и сумчатые ку-

* Один вид сумчатых — североамериканский опоссум обитает и в Северной Америке.

ницы, по степям и пустыням скачут сумчатые тушканчики. Есть сумчатые муравьеды, а на Тасмании совсем недавно были живы еще и сумчатые волки (*Thylacinus cynocephalus*). Внешне, по своему поведению, по роли, которую они играют в сообществах растений и животных, все эти сумчатые животные вполне соответствуют аналогичным обитателям Европы, Азии, Африки и Америки.

Но есть в Австралии и такие сумчатые, которые не имеют аналогов на других континентах, — таковы всем хорошо известные кенгуру. После колонизации Австралии многим местным животным пришлось туго. Их сотнями тысяч убивали ради меха или мяса. Некоторых истребляли из опасения поправки посевов или же как конкурентов овцам на пастбищах. Беспощадную войну объявили крупным хищным животным Тасмании — сумчатому волку и сумчатому дьяволу (есть такой зверь!), которые в общем-то для человека были совершенно не опасны, но уж очень походили на хорошо известных колонизаторам волка и росомуху Старого Света. Естественно, что бесконтрольная охота, отравление водоемов и другие меры массового истребления местных животных привели к тому, что некоторые виды стали вымирать.

Охраной коренной фауны Австралии занимаются теперь главным образом зоологические общества. Государством создано несколько заповедников и национальных парков, но на большей части территории страны законы об охране животных или не действуют, или выполняются частично. Обо всем этом нам рассказал директор Таронга-парка доктор Рональд Штрахан, когда мы во время перерыва в съемках сидели в его уютном кабинете за стаканом любимого напитка австралийцев — светлого пива. Кроме директора здесь присутствовал высокий старик с седеющей бородкой — президент Королевского зоологического общества Нового Южного Уэльса доктор Т. М. Смейл. Когда директор представил нас, Смейл медленно, но вполне правильно приветствовал нас на русском языке. Оказалось, что он прилично владеет не только русским, но также итальянским, немецким, французским, японским и хинди. В молодости и в зрелые годы Т. М. Смейл много путешествовал и изучал животный мир разных стран, а заодно и языки

населяющих эти страны народов. Завязалась беседа об охране природы, о роли в этом важном деле зоологических парков. Мы узнали, что Таронга-парк существует с 1912 г. и создан на базе небольшого зоосада. Вначале парк насчитывал не много животных. Так, в 1916 г. в нем содержалось лишь четыреста млекопитающих и птиц, а к 1966 г. их стало почти пять тысяч. Весьма способствовал развитию Таронга-парка * его президент сэр Эдвард Халлстром, который за двадцать пять лет сделал парк образцовым во всех отношениях. Животные здесь располагаются в просторных светлых помещениях, организованы ветеринарный центр и специальное хозяйство для снабжения их пищей. Много внимания уделено архитектуре строений и вольеров. Здесь созданы максимальные удобства для осмотра животных посетителями и необходимые условия самим животным. Очень высокую оценку Таронга-парку дал известный немецкий зоолог Бернгард Гржимек, который, кстати, отметил, что ни один зоопарк мира не расположен столь живописно. В 1967 г. правительство штата оказало зоопарку значительную финансовую поддержку для усиленного развития научных исследований, работы с учащимися и сохранения диких животных от угрозы истребления.

— В нашем зоопарке живет много таких животных, которые в природе находятся уже на грани вымирания, — сказал доктор Штрахан. — Мы содержим большое количество особей и стараемся получить от них потомство.

Престарелый президент Зоологического общества добавил, что таких своеобразных животных, какими населены Австралия, Тасмания и Новая Гвинея, больше нигде не встретишь. Кроме яйцекладущих и сумчатых млекопитающих это такие птицы, как эму, казуары, какаду, сорные куры, шалашники, райские птицы, венценосные голуби, птица-лира и многие другие. Среди четырехсот видов австралийских пресмыкающихся встречаются очень странные животные, например покрытая шипами ящерица-молох или бегающая на зад-

* Сиднейский зоопарк — коммерческое предприятие, приносящее известный доход. Входная плата высокая — 1 доллар 20 центов (с детей 30 центов). Несмотря на это, зоопарк популярен, за год в нем бывает до 1,2 млн. посетителей.

них лапах плащеносная ящерица. В реках водится двоякодышащая рыба рогозуб, способная дышать и жабрами и единственным легким. А как необыкновенно хороши австралийские бабочки! Даже земляные черви в Австралии уникальны. Один из видов достигает в длину 2,5 м, а иногда и несколько больше. Все это — эндемики, то есть животные, которые не встречаются нигде, кроме Австралии. Да и растительный мир пятого континента столь же своеобразен: из двенадцати тысяч видов высших растений более девяти тысяч эндемичны.

Зоопарк уделяет большое внимание пропаганде охраны природы. Руководит этой стороной его деятельности Барбара Пёрси. Эта симпатичная маленькая женщина сопровождала нас в продолжение всех съемок и помогла создать интересный фильм. Я передал ей список животных, которых нам хотелось бы заснять. Первым в нем стоял вомбат, довольно большой сумчатый зверь, внешне похожий на сурка. Ведет он такой же образ жизни. Известно четыре вида вомбатов, три из них имеются в Таронга-парке. Наиболее эффектен большой вомбат (*Vombatus hirsutus*). Толстый зверь, длиной почти в метр, суетился около холмика, в основании которого вырыт вход в его нору. Барбара Пёрси сказала, что иногда побаивается, как бы вомбат не сбежал. Он быстро и ловко роет норы длиной до 30 м и вполне может совершить подкоп под стену зоопарка. Питается вомбат травянистыми растениями, причем предпочитает один из местных видов осоки. Жесткая растительная пища привела к изменению строения зубов вомбата. Это единственное сумчатое животное, у которого, подобно грызунам, четыре резца, подрастающих по мере стачивания. Большой вомбат еще сохранился в природе, но три других его вида стоят на грани вымирания. Тем интереснее было посмотреть на маленького тасманийского (*Vombatus ursinus*) и широколобого (*Lasiorhinus latifrons*) вомбатов. Оба имеют красивый пушистый мех, поэтому их преследуют не только за порчу пастбищ, но и ради шкурок.

Сумчатый муравьед, или намбат (*Myrmobius*), — маленькое животное, размером с котенка. На американского муравьеда он похож благодаря вытянутой морде и большому пушистому хвосту. Питается намбат так же,

Коала за обедом. В это время он не спит

как и муравьеды Южной Америки. Разламывая лапами с острыми когтями трухлявую древесину, он запускает в ходы термитов длинный тонкий язык и вытаскивает прилипших насекомых. Это почное животное, еще недавно весьма многочисленное, теперь почти совсем исчезло. Повинны здесь лисицы, завезенные в Австралию для истребления кроликов. Число кроликов в стране при этом не уменьшилось, зато местная фауна, не приспособленная к защите от хищников, стала сокращаться.

Для сумчатых медведей, или коала (*Phascolarctus cinereus*), в зоопарке построен особый павильон, перед которым всегда толпятся зрители. Коала выглядит как

пушистый игрушечный медвежонок, отчего и получил свое название. На самом деле ни образом жизни, ни поведением он на медведей не похож. Это — добродушное, медлительное существо, всю жизнь проводящее на деревьях. Питается коала только листьями нескольких видов эвкалиптов, поглощая их в невероятном количестве. Коала не увидишь ни в одном зоопарке за пределами пятого континента *. Это объясняется двумя причинами: строгим запретом на их вывоз и невозможностью прокормить где-либо, кроме Австралии; никакой другой пищи, кроме эвкалиптовых листьев, они не признают, а эвкалипты такие же эндемики, как и сами коала.

Теперь сумчатые медведи стали очень редкими, а еще сравнительно недавно были широко распространены. Их губят различные эпидемии, лесные пожары, но больше всего — хищническое истребление. У коала красивый, густой пушистый мех; ради шкурок их и добывали в огромном количестве. Так, только в одном 1924 г. из восточноавстралийских штатов было вывезено более двух миллионов шкурок коала, в результате к 1927 г. они здесь почти исчезли. Сейчас охота на коала запрещена, создано несколько заповедников и даже специальный коала-парк под Сиднеем. В районы, где коала полностью исчезли, их снова интродуцируют, но пока это не приносит еще существенных результатов.

Обезьяны в Австралии не живут, но в лесах обитают кукусы; некоторые путешественники прежде принимали их за обезьян. По внешнему виду, по образу жизни и поведению кукус действительно похож на приматов. Это типично древесные животные, питающиеся плодами, побегами и листьями растений, но не брезгающие также и животной пищей — птенцами и яйцами птиц, насекомыми. У кукуса длинный и цепкий хвост, которым он крепко удерживается за ветки. В Таронга-парке живут кукусы трех видов. Один из них — *Phalanger maculatus* — с голым на конце хвостом, позволяющим ему прочнее держаться за ветви, несмотря на яркое солнце (кукусы — ночные животные), хорошо позировал перед объективом.

* Однажды трех коала вывезли в зоопарк Сан-Диего (штат Калифорния, США).

Кускусы заменяют в австралийских лесах обезьян

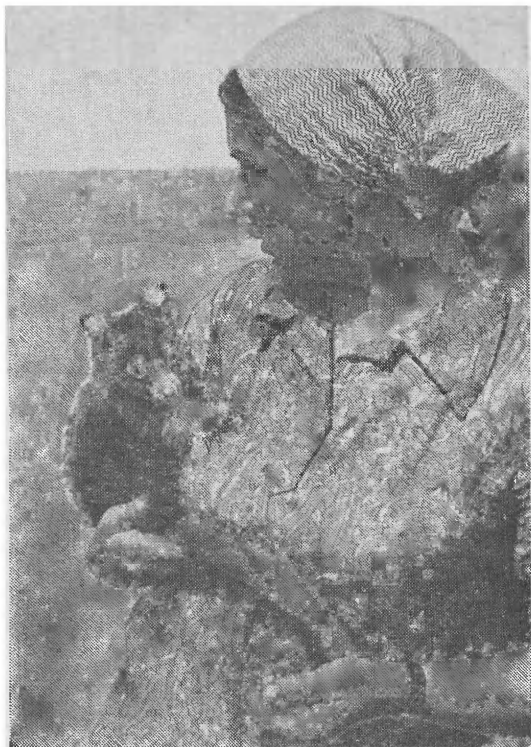
В Таронга-парке содержатся семь видов животных, которых мы называем одним именем — кенгуру. Однако австралийцы различают среди них три группы: мелкие — кенгуровые крысы, средние — валлаби и самые крупные — кенгуру. Животные содержатся в просторных вольерах. Они одновременно пугливы и любопытны. Снимать их поэтому было не просто: кенгуру то тянулись мордами к камерам, то стремглав уносились в глубь вольера. Лучше всех позировал древесный новогвинейский кенгуру (*Dendrolagus*). Впрочем, это сумчатое мы хорошо засняли еще на «Дмитрии Менделееве».

Дело в том, что В. М. Муцетони получила живого древесного кенгуру в подарок от жителей деревни Бонгу. Этот милейший зверь с темно-коричневой шерстью и длинным пушистым хвостом довольно долго жил на судне, но был очень привередлив в пище. Запасов новогвинейских ягод и листьев ему хватило ненадолго, а питаться капустой и морковью он категорически отказался. Даже бананы ел неохотно.

Казалось бы, кенгуру очень странно выглядит на дереве, тем не менее он ловко лазают, цепляясь за ветви лапами и хвостом.

Съемки зверей и птиц, в том числе маленьких австралийских пингвинов и дрессированного дельфина, который проделывал всевозможные трюки, заняли весь день. К вечеру мы, сильно уставшие, собрались на корабль. Доставила нас Барбара Пёрси. Она лихо вела свой красный автомобиль по оживленным улицам Сиднея. Мы пригласили Барбару поужинать с нами, на что она охотно согласилась, но попросила разрешения пригласить мужа. Позвонили по телефону в офис профсоюза строителей, секретарем которого работает мистер Пёрси, и он вскоре присоединился к нашей компании. Провожали мы их уже поздно вечером. Улицы Сиднея были пустыни, магазины закрыты. Только на станции метро еще работал газетный киоск, в котором нам удалось приобрести открытки с видами города и план Сиднея.

На следующий день знакомство с фауной Австралии было продолжено, но уже в музее. Найдя музей по плану, отправились к нему пешком. Город на карте имеет очень правильную планировку: улицы широкие, прямые, нет ни тупиков, ни петляющих переулков. На деле все выглядит иначе, так как Сидней расположен на изрезанной холмистой местности. Чтобы пройти небольшое расстояние до Австралийского музея, пришлось преодолеть несколько крутых подъемов и спусков. Начали с того, что почти сразу от причала поднялись вверх по крутой длинной лестнице, ведущей на Кент-стрит. Изрезанность рельефа и большая загрузка улиц автотранспортом вынудили городские власти заняться строительством транспортных эстакад. Как раз на нашем пути возник-

Древесный кенгуру за несколько дней
очень привязался к В. М. Муцетони

ло одно такое строящееся сооружение, которое, пересекая под острым углом несколько параллельных улиц, устремилось к Портовому мосту. Часть зданий на его пути была наполовину разобрана, боковые улицы перегорожены заборами. Пришлось идти в обход и, перед тем как попасть в центральную, деловую часть Сиднея, пройти несколько окраинных улиц. Здесь не неслись потоки автомашин, зато в этот утренний час улицы заполнили сиднейцы, которые спешили на работу пешком. Одеты все, и мужчины, и женщины, очень скромно, лица у большинства озабоченные и усталые.

В центре Сиднея много высотных зданий, иногда довольно необычной архитектуры. На некоторых улицах небоскребы совершенно заслоняют дневной свет, идешь словно по узкому горному ущелью. На одной из маленьких площадей сходство с горным ущельем еще более усиливается благодаря гигантской серой искусственной скале, которая, как каменный пик, поднимается из середины центрального сквера. По скульптуре струится вода маленьких фонтанчиков.

В небоскребах расположены банки, управления трестов, рестораны. Первые этажи занимают агентства авиакомпаний, туристические бюро, шикарные магазины. Пешеходов здесь мало, зато все свободное пространство заполнено автомашинами. Это новая часть Сиднея, а старые его кварталы живо напоминают своей архитектурой улицы городов Западной Европы прошлого столетия: добротные 4—5-этажные, облицованные гранитом здания, полукруглые фрамуги окон, колонны, резные карнизы.

Наш путь лежал к Гайд-парку, в середине которого стоит памятник Джеймсу Куку. Оставив слева высокий собор св. Марии, мы подошли к большому трехэтажному зданию Австралийского музея.

Музей имеет три отдела: современной и вымершей фауны Австралии, минералогии и антропологии. Здесь мы снова увидели сумчатых животных, но теперь не живых, а всего лишь их чучела. Среди коллекций музея экспонируются и чучела недавно вымерших зверей. Как особую достопримечательность нам показали тасманийского волка. Это животное еще совсем недавно водилось на острове Тасмания. Внешне сумчатый волк обладает поразительным сходством с хищными млекопитающими из семейства псовых. Его отличают лишь темные поперечные полосы на задней части спины и толстое основание хвоста — признак, характерный для многих сумчатых.

Питались сумчатые волки кенгуру, ехиднами и другими тасманийскими животными. Иногда они таскали овец и домашнюю птицу у фермеров. За голову волка выдавалась премия. Эти звери попадали в капканы вплоть до 1933 г., затем исчезли. Последние сумчатые волки, жившие в нескольких зоопарках, погибли. Так окончил свое существование интереснейший вид. Когда

Сумчатый волк. Чучело этого вымершего зверя имеется и в ленинградском Зоологическом музее

власти спохватились и за убийство сумчатого волка был назначен крупный штраф, самих волков уже не осталось. Правда, оптимисты утверждают, что в глухих и малодоступных лесах некоторых районов Тасмании сумчатые волки еще сохранились. Будто бы видели их следы и слышали издаваемые ими хриплые звуки. В 1945 г. появились сообщения о том, что волка дважды удалось увидеть. Однако все это мало правдоподобно. Сумчатые волки обитали не в лесах — это звери открытого пространства, вряд ли им удалось за такой короткий срок приспособиться к новым условиям существования. Ведь и в нашей прессе иногда появляются сообщения о будто бы уцелевших еще морских коровах, но зоологам достоверно известно, что их больше нет, как нет бескрылых гагарок и многих других животных, еще недавно населявших нашу планету. Конечно, бывают иногда неожиданности: нашли же в Новой Зеландии такахе — крупную нелетающую птицу размером с фазана, которую считали полностью вымершей.

Фауна пятого континента представлена в Австралийском музее довольно полно. Не могу не отметить, что в этом отношении наш ленинградский Зоологический музей несколько не беднее: в нем имеются все главнейшие представители австралийской фауны, в том числе и очень редкие, есть также и знаменитый тасманийский сумчатый волк.

Осмотр экспозиции всех отделов музея занял почти целый день. Под вечер директор музея профессор Фрэнк Талбот предложил нам немного посидеть в комнате отдыха, где познакомил с теми сотрудниками музея, ко-

которые занимаются изучением морской фауны. Сам Талбот — высокий, худощавый, энергичный, еще довольно молодой человек с черной бородой — специализируется в области изучения коралловых рыб, но занимается и другими проблемами, связанными с кораллами, в том числе причинами массового размножения «терновых венцов». После дружеской беседы с сотрудниками музея, преимущественно молодыми людьми, мы отправились работать в научные хранилища и знакомиться с лабораториями.

Беккер пошел с директором к ихтиологам, Голиков и Москалев — в лабораторию моллюсков, а я попросил разрешения ознакомиться с коллекцией кораллов.

Если в залы музея имеет доступ каждый, то попасть в хранилище научных фондов далеко не так просто. Дом, в котором теперь содержатся научные коллекции Австралийского музея, построен совсем недавно. Он вплотную примыкает к старинному зданию музея, но резко отличается от него своей архитектурой. В его ровных бетонных стенах нет ни одного окна, и лишь со стороны двора внутрь ведет массивная металлическая дверь. Ответственный хранитель открыл ее ключом. У входа тотчас загорелась красная сигнальная лампочка, дверь за нами бесшумно закрылась, и мы вошли в лифт.

Я никогда не бывал в тех помещениях банков, где хранятся золото, ценные бумаги и драгоценности, но почему-то представлял себе их именно такими. Бетон, толстые серые металлические двери, массивные запоры, тишина, отсутствие людей, автоматическая сигнализация... Это впечатление еще более усилилось, когда лифт остановился и хранитель другим ключом открыл такую же серую металлическую дверь, ведущую в хранилище кишечнополостных животных. Передо мной не было ни деревянных стеллажей с рядами кораллов на полках, ни полированных шкафов, за стеклами которых виднеются многочисленные картонные коробки с этикетками, написанными по-латыни, и стеклянные цилиндры, в которых белеют заформалиненные медузы. Вместо всей этой привычной картины, которую я видел во многих зоологических хранилищах Европы и Азии, перед нами была лишь серая металлическая поверхность сейфа.

Хранитель взялся за никелированную ручку — ряд

тяжелых шкафов послушно откатился вправо по рельсам, освободив неширокий проход, за которым оказался следующий ряд контейнеров, также стоящий на рельсах. Так, отодвигая целые поезда из серых шкафов-сейфов, мы добрались до нужного нам ряда. Хранитель сообщил, что в здании поддерживается постоянная умеренная температура и заданная влажность. Нечего и говорить, что каждый из шкафов также плотно запирается. Коллекционные образцы лежат на металлических полках в запаянных полиэтиленовых пакетах.

Подобный метод хранения научных зоологических коллекций вполне оправдан. Дело в том, что даже при пересчете на звонкую монету их стоимость очень велика. За каждым экземпляром на полке шкафа скрывается огромная сумма денег, затраченных на организацию и проведение экспедиций, оборудование, транспорт, обработку, оплату труда научного и технического персонала. Никто не подсчитывал конкретную стоимость какого-нибудь жука, сидящего на тонкой булавке в специальной энтомологической коробке, или ящерицы, хранящейся в банке со спиртом, или черепа медведя. А ведь все они обходятся музею очень дорого. Причем научная зоологическая коллекция тем ценнее, чем она обширнее. Каждый вид должен быть представлен не одним-двумя экземплярами, а сериями, дающими представление об индивидуальной изменчивости, зависимости от сезона, места обитания, возраста, пола и многого другого. Но главная ее ценность не может быть выражена никакими денежными единицами. Сколько, к примеру, может стоить чучело мамонта, хранящееся в ленинградском Зоологическом музее? Ведь ни за какие деньги другого такого приобрести нельзя. А как велика ценность старых коллекций, по которым можно судить о том, как изменялся животный мир! Совсем недавно мы собрали на Берегу Маклая обильный материал, который поступит вскоре в научные хранилища. Попадут, скажем, коллекции губок для обработки в Ленинград, и наш коллега, специалист по этой группе животных В. М. Колтун, сможет ответить на вопросы: изменился ли состав губок на рифе за сто лет? Что нами найдено нового, какие виды теперь на этом рифе не встречаются, а сто лет назад были там? Какие из них преобладали прежде и какой достигали величины? И все это благо-

даря тому, что сто лет назад Н. Н. Миклухо-Маклай собрал здесь зоологическую коллекцию, сумел в крайне трудных условиях сохранить ее и доставить в Зоологический музей. Целый век несколько поколений хранителей берегли сборы Миклухо-Маклая, так же как и коллекции других экспедиций. И вот сейчас в любую минуту можно достать из шкафа губку, собранную на Новой Гвинее сто лет назад Маклаем, и положить ее на лабораторном столе рядом с материалами шестого рейса «Дмитрия Менделеева» 1971 г.

Мне нужно было просмотреть коллекции мадрепоровых кораллов с Большого Барьерного рифа. Выбеленные скелеты кораллов с привязанными к ним этикетками аккуратными рядами стояли на своих местах. На самом рифе сейчас от многих кораллов тоже остались лишь их побелевшие скелеты. «Терновый венец» и загрязнение океана сделали свое дело. Большой Барьерный риф — одно из неповторимых чудес природы — находится на грани уничтожения. За его спасение взялись и ученые и государственные деятели. Создан первый в мире заповедник кораллов, организуются многочисленные экспедиции по изучению причин бедствия. Аквалангисты отлавливают морских звезд, пожирающих кораллы, и выносят их на берег, где те погибают. Один японский специалист предложил окружать риф оголенными проводами, пропуская через них ток. Испытания показали, что «терновые венцы» не могут преодолеть такую преграду. Но все эти меры недостаточно эффективны, а Большой Барьерный риф между тем разрушается. На его карте, которую нам только что показывал профессор Талбот, все больше становится красных пятен — участков, подвергшихся нападению роковых иглокожих.

Хочется надеяться, что совместные усилия ученых разных стран и правительства Австралии помогут устранить угрозу, нависшую над самым большим коралловым садом мира.

ВЫСОКИЕ ОСТРОВА

Самый южный коралловый риф. Необыкновенный аквариум. Растение, которое ловит насекомых. Королева всей Океании. Здесь жил и работал Стивенсон. Жук-носорог и пальмовый вор

В Океании принято разделять все острова на высокие и низменные. Каждое из этих определений метко характеризует их главнейшие особенности. Одни острова — скальные, они высоко поднимаются из моря и видны издали. Это могут быть и вулканы, и острова, возникшие в результате процесса складчатости, и огромные каменные глыбы, оставшиеся после разрушения или опускания горного массива. Другие — коралловые. Основание такого острова покоится на глубоко погруженной скальной основе. Сам он возвышается над поверхностью океана всего на несколько метров и состоит из чистейшего кораллового известняка. Низменные острова плоские, издали они выглядят как полоски суши. На большом расстоянии земли не видно — кажется, что ряды пальм поднимаются на стройных стволах прямо из воды.

Разница в рельефе порождает и другие различия. На высоких островах есть горы и долины, озера, ручьи и реки, плодородные почвы, богатая и разнообразная растительность, много насекомых и лесных птиц. Низменные всего этого лишены вовсе либо до предела обеднены.

После того как «Дмитрий Менделеев» покинул Сидней и снова направился к тропикам, на его пути один за другим появлялись высокие острова. Первым из них был одинокий Лорд-Хау.

Наверное, в теплое время года на Лорд-Хау очень хорошо — недаром его так рекламируют различные туристические бюро Австралии. Здесь прекрасные условия для рыбной ловли, чудесный песчаный пляж, зеленые луга, цветы, роши, скалы. Зимой же со стороны моря Лорд-Хау угрюм и суров. Вершина высокой скалы

острова постоянно скрыта нависшими тучами. И море неласковое, зеленоватые волны ударяют в скалистые берега, высоко подбрасывая целые каскады воды, которая даже на вид кажется холодной, да и на самом деле она совсем не такая уж теплая.

Наш мотобот недолго покрутился около одной из раселин в скалах, но приблизиться моторист не решился: то и дело сюда подходили высокие волны, и тогда в расселине все кипело и клокотало. В промежутках между волнами сквозь гладкую поверхность воды можно было различить больших лимонно-желтых толстых рыб, спокойно плававших под нависающей скалой. В первый момент не верилось, что это рыбы, настолько неправдоподобно яркого были они цвета. Мы даже решили, что треплется в волнах рукав от желтого покана — прорезиненной шелковой одежды моряков. Когда же поняли, что это какие-то необыкновенные рыбы, у аквалангистов сразу загорелись глаза. Но глава подводной команды Ю. А. Рудяков быстро умерил пыл ныряльщиков.

Так у берега поработать и не удалось — ныряли на небольшой глубине подальше от скал. Желтых рыб там не было. Зато нашли странных морских ежей сердцевидной формы, моллюсков, крабов.

Пока аквалангисты стаскивали свои комбинезоны и переодевались в сухое, Муцетони, Краснов и я высадились на берег и полезли вверх по скале. От постоянно взлетающих брызг она была мокрой и очень скользкой. И все же мы добрались до более ровной площадки метрах в десяти—пятнадцати над волнами. В углублениях скопилась морская вода, образовались так называемые ванны, где ключом кипела жизнь. По стенкам и в углах сидели черно-зеленые скальные крабы грапсусы (*Grapsus*), шевеля щупальцами ползали черные моллюски нериты (*Nerita*), распустились, как цветки, зеленые и розовые актинии, торчали из щелей иглы морских ежей. Почти все те животные, которых ранее удалось добыть при помощи водолазной техники, были собраны без всякого труда за несколько минут. Не обнаружили здесь только желтых рыб, и их название осталось для нас загадкой.

Широкая, посыпанная гравием дорога ведет на другую сторону острова. По обочинам на деревянных ши-

тах вывешены правила для туристов. Остров заповедный, на нем растут эндемичные растения, в море у берегов встречаются редкие рыбы. Некоторые щиты предупреждают, какие растения нельзя рвать, каких рыб запрещено ловить. Во избежание недоразумений охраняемые объекты тут же изображены в красках.

Дорога привела в бухту с широким песчаным пляжем, на котором во множестве голубели прозрачные пузырьки. Это были выброшенные волнами молодые сифонофоры, более известные под названием «португальский кораблик» (*Physalia*). Сифонофора плавает по поверхности моря, ее пузырь, достигающий в длину 20—30 см, ярко окрашен в синие и красные тона. Вниз свешиваются темно-синие длинные щупальца, которыми животное ловит добычу. Случайное прикосновение к ним вызывают сильнейшие «ожоги» и общее отравление. Таким образом, «португальский кораблик» неплохо вооружен. На песке подсыхали еще совсем маленькие животные, с пузырями, достигающими всего лишь 5—6 см, но и они уже ядовиты, даже у мертвых «корабликов» щупальца некоторое время продолжают «обжигать». На этом же песчаном пляже в наши руки попала очень интересная и редкая добыча — роющийся краб (*Ranina*). Концевые членики всех его лап уплощены и заострены, напоминая по форме мастерок штукатуров. Спереди у краба расположены твердые гребни и зубцы. При помощи этих приспособлений он быстро зарывается в грунт и сидит в нем вертикально, подстерегая добычу. Наружу из песка выступают только органы чувств — короткие усики и пара глаз на стебельках.

Начался отлив, и мы поспешили вернуться к боту, чтобы вовремя попасть на риф.

Уже давно хорошо известно, что коралловые рифы не выходят за пределы изотермы 20,5°C. Из этого правила имеется лишь считанное число исключений. Одно из них — риф острова Лорд-Хау. Расположен этот маленький островок в трехстах милях к востоку от Австралии на 31°31' ю. ш., то есть значительно южнее тропика Козерога. Температура воды здесь в холодные месяцы падает до 18—19°C. В это время мы и посетили остров Лорд-Хау, на рейде которого «Дмитрий Менделеев» стоял 21 и 22 августа. Термо-

Зимой даже в тихую погоду берега острова Лорд-Хау кажутся угрюмыми

метр, опущенный в воду, показывал 18°, а у нас перед глазами был коралловый риф, широко обнажающийся во время отлива. Прохладная вода вовсе не располагала к глубокому погружению, поэтому мы ограничились небольшими глубинами — метр-полтора от поверхности. Впрочем, глубже и делать было нечего — риф дальше не шел. На плоской обширной отмели виднелись многочисленные побуревшие мертвые кораллы, между которыми попадались живые колонии. Весь риф густо порос водорослями, в изобилии попадались губки, встречалось много мягких кораллов. По общему характеру риф у острова Лорд-Хау очень походил на первые стадии образования типичного тропического рифа. Однако он как бы застыл на этой ступени развития. Упорные поиски среди водорослей и отмершего полипняка дали очень интересные результаты. Мы собрали около двадцати видов мадрепоровых кораллов и большое количество сопутствующей фауны. Население рифа даже на первый взгляд четко распалось на две группы.

С одной стороны, здесь попадались типичные для тропических рифов моллюски тридакны (*Tridacna*), маленькие зеленоватые морские ежи эхинометра (*Echinometra*), живущие внутри колоний и способные высверливать себе пещерки в твердом известняке, и большие, с кулак взрослого человека, морские ежи трипнейстесы (*Tripneustes*) с коротенькими белыми иголками и оранжево-красным рисунком на панцире. На осушке лежали даже ярко-синие тропические морские звезды линкии (*Linckia*), а на мелководье среди кораллов и водорослей развилась маленькие, но самые настоящие пестрые коралловые рыбки.

С другой стороны, здесь встречаются и жители умеренного пояса. Самые многочисленные из них — крупные морские ежи (*Heliocidaris*) с острыми красноватыми иглами. Они сидят по всему краю рифа (и в воде и в осушающейся части) настолько густо, что последний кажется окаймленным темно-красной полосой. В тропиках эти морские ежи не живут — им требуется более низкая температура. Питаются они водорослями, растущими здесь в изобилии. Водная растительность привлекает к рифу и морских черепах. Когда мы вдвоем с Рудяковым пробирались на лодке по узкому протоку в рифе, мой спутник увидел на дне логгерхеда (*Caretta caretta*). Животное оказалось мертвым; погибло оно совсем недавно, во время бури, разбившись о кораллы. В проливе между рифом и берегом мы видели и живых черепах, поймать которых, к сожалению, не удалось.

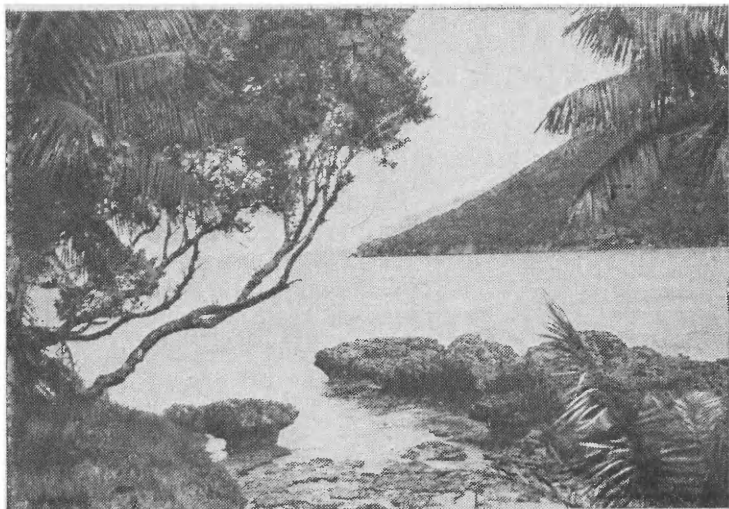
Таким образом, на рифе острова Лорд-Хау уживаются вместе представители и тропической и умеренной фауны, при этом тропических животных здесь даже несколько больше, чем на рифе более северного острова Норфолк. На первый взгляд это кажется противоестественным. Однако объясняется парадокс довольно просто. К острову Лорд-Хау подходит струя теплого поверхностного течения, несущая с собой миллионы плавающих личинок кораллов и животных кораллового биоценоза. Достигнув острова, личинки оседают и начинается их превращение в кораллы, в тропических моллюсков, крабов, морских звезд, морских ежей и других животных. Даже если низкая температура не позволяет некоторым из них достичь половозрелости и дать потомство, риф от этого не беднеет, так как на нем постоянно

оседают всё новые и новые личинки, зародившиеся далеко от Лорд-Хау на процветающих рифах тропической Океании.

Впрочем, не одни только обитатели рифа переселились на Лорд-Хау издалека. Отчасти это относится и к тому немногочисленному постоянному населению острова, которое теперь занимается здесь исключительно обслуживанием туристов. Сейчас на острове проживает несколько семей — потомки мятежных моряков знаменитого корабля «Баунти»*, недавно переехавшие сюда со своей маленькой родины — острова Питкэрн, лежащего далеко на восток от Лорд-Хау. Глава одной из семей держит магазин сувениров, в котором можно также посидеть за стаканом кока-колы или виски с содовой. Конечно, остров теперь гораздо ближе к центрам цивилизации — Австралия рядом, и оттуда регулярно прилетают самолеты, да и жизнь более обеспеченная — можно даже неплохо заработать за теплый сезон. Однако хозяин сказал нам, что он все же подумывает о возвращении на свой Питкэрн, еще более одинокий, чем эта скала Лорд-Хау.

Ярким солнечным утром среди голубизны тропического океана перед нами открылась картина новокаледонского барьерного рифа. Второй по величине после Большого барьера, он протянулся вдоль юго-западного берега Новой Каледонии на 1800 км. Еще задолго до того, как вдали показались берега острова, на «Дмитрий Менделеев» прибыл лоцман и повел корабль через систему узких проходов в рифе. О том, насколько опасен этот путь, можно судить лишь по длинным грядам белых бурунов: большая часть рифа скрыта водой, из которой кое-где выступают небольшие отмели и островки без всякой растительности. По обеим сторонам от прохода видны заржавленные корпуса небольших судов, наскочивших на рифы. Вдалеке по левому борту, прямо среди бурунов, высится огромное грузовое судно, выброшенное на кораллы. В бинокль можно разглядеть даже руль и винты. Несчастье произошло, ви-

* О мятеже на «Баунти» см.: Б. Даниельссон, На «Баунти» в Южные моря, М., 1966.

На рифах у Лорд-Хау много отмерших кораллов

димо, совсем недавно — на корпусе хорошо сохранилась краска, не заметно внешних повреждений или следов демонтажа. Впрочем, как сказал подошедший капитан, снять его с мели или разобрать на месте будет стоить дороже, чем построить новое. Для такой работы нужны большие спасательные суда, а кто станет рисковать ими в непосредственной близости от рифа.

Новая Каледония, ныне заморская территория Франции, была открыта в 1774 г. Джеймсом Куком. Ни Кук, ни экспедиция Д'Антркасто (1792—1793 гг.) не смогли тщательно исследовать остров — подойти к юго-западному берегу мешал коралловый риф. Более доступное северо-восточное побережье с его красными, лишенными растительности горами не привлекало внимания колонизаторов. Только в 1853 г. на Новой Каледонии был поднят французский флаг, но еще долго Франция не могла найти подходящего применения новой колонии. Наконец, в 1864 г. Новую Каледонию превратили в место каторги и ссылки, доставив туда первую партию уголовников. После разгрома Парижской коммуны сюда сослали четыре тысячи коммунаров.

Когда остров был освоен и более детально исследован, оказалось, что здесь есть и плодородные земли и полезные ископаемые, в частности никель. Очень самобытна фауна и флора архипелага*. Изучение природных богатств и вообще всякая научно-исследовательская работа осуществляется Службой научных и технических исследований заморских территорий (ОРСТОМ**).

Едва «Дмитрий Менделеев» подошел к причалу города Нумеа — административного центра архипелага, на борт поднялись представители ОРСТОМа во главе с директором службы — профессором ботаники М. Шмидтом. Среди гостей выделялся высокий красивый негр — доктор Ж. А. Квередра, занимающийся изучением морского планктона. Он сразу же направился ко мне, очевидно узнав по приметной рыжей бороде. О моем прибытии на Новую Каледонию Ж. А. Квередра был извещен сотрудницей нашей лаборатории С. Степанянц, которая была здесь три года назад.

Доктор Квередра предложил нам интереснейшую программу: сегодня же посетить морской аквариум, осмотреть город и пригороды, познакомиться с работой ОРСТОМа, а все последующие дни работать на рифах. Сразу же были извлечены карты, и мы занялись выбором мест работы. Профессор Шмидт предоставил в распоряжение научных сотрудников экспедиции несколько автомашин, и сам собирался принять участие в экскурсиях. Узнав о моем желании собрать коллекции наземной фауны, мне предложили в один из дней примкнуть к этой группе. Обсуждение было проведено оперативно, и сразу после обеда всех желающих повезли в аквариум, разместившийся на берегу Лимонной бухты, километрах в шести-семи от причала.

В Нумеа живет пятьдесят одна тысяча человек, то есть половина всего населения архипелага. Чистый городок со светлыми невысокими домами, прямыми улицами разбросан очень широко: окраины его утопают в зелени. Центральная часть Нумеа населена почти исключительно европейцами, которые и составляют основ-

* Кроме главного острова в состав Новой Каледонии входят небольшие острова Маре, Лифу, Увеа, Сосновый и масса мелких островков и скал.

** Office de la Recherche Scientifique et Technique d'Outre-Mer.

ное население города. Здесь много автомобилей. Квередра сказал, что их в Нумеа почти тридцать тысяч. Однако улицы не забиты автотранспортом. Новокаледонцы используют машины главным образом для загородных поездок. Несколько тысяч человек держат также моторные катера, которые каждое воскресенье мчатся к рифам. Жители Нумеа увлекаются сбором раковин для коллекций и для украшений, а также любят полакомиться вкусным мясом моллюсков.

Нумейский морской аквариум не велик. И знаменит он не огромными бассейнами, не обилием крупных рыб и полутораметровых черепах, не богатством отделки салонов. Зато это единственное место в мире, где в искусственных условиях годами живут (и растут!) рифообразующие кораллы. Конечно, необходимые для этого условия созданы здесь самой природой: не нужно привозить издалека морскую воду или устанавливать специальные приборы для регулирования температуры. Вода поступает в бассейны прямо из моря, волны которого плещутся в 50 м от здания аквариума. Поэтому, казалось бы, достаточно установить фильтры да провести систему аэрирования, чтобы содержать любых морских животных, в том числе и кораллы. Однако до сих пор это никому больше не удается: слишком уж капризны каменные «цветы» моря.

Аквариум создан и возглавляется двумя энтузиастами — супругами Катала. Они несколько лет вместе с небольшой группой помощников изучали условия жизни на рифе и подбирали наиболее удачное место для постройки аквариума. Теперь Катала владеют многими секретами содержания живых обитателей моря. Так, создателям аквариума удалось научиться содержать в специальных вместилищах живой корм для своих питомцев — морской планктон.

Описать весь тот богатый мир морских организмов, которые живут в нумейском аквариуме, невозможно. Простое перечисление видов читателю ничего не даст, а для того чтобы составить представление о красках, нужен по крайней мере цветной кинофильм. Кстати, все, кто имел с собой фотоаппараты и кинокамеры, усердно снимали обитателей аквариума. Здесь применено не обычное в таких случаях искусственное освещение люминесцентными лампами, а естественное: через стек-

ляющую крышу падает прямой свет тропического солнца, и аквариумы освещены так же ярко, как рифы в море. Только в одном отделении царит полутьма. В ультрафиолетовых лучах мерцают венчики морских червей и щупальца кораллов — супруги Катала заняты изучением люминесценции морских организмов.

Каждое окно аквариума дает представление о разнообразии подводных пейзажей на рифах, окружающих Новую Каледонию. Все экспозиции созданы с таким знанием биологии и таким художественным вкусом и изяществом, что эстетическое значение не уступает научному.

Супруги Катала находились в отъезде, и мы получили некоторую интересующую нас информацию у молодой сотрудницы. В частности, она сообщила нам данные о скорости роста кораллов в условиях аквариума.

Из аквариума Квередра повез нас в город. По дороге он остановился у одного из пляжей и посигналил. Надевая на ходу халатик, к нам вышла стройная молодая женщина, жена Квередра, и пригласила всех провести вечер в их доме. Мы приняли приглашение, и машина помчалась дальше. Прекрасный вид на город, на море с маленькими островками и на белеющие от бурунов рифы открывается с одной из ближайших гор. Квередра показал нам сверху все места предстоящих работ и подробно охарактеризовал особенности каждого из рифов. До наступления темноты успели осмотреть еще и этнографический музей.

После колонизации Новой Каледонии ее коренных жителей — меланезийцев — начали оттеснять в глубь острова и даже переселять в резервации. Лишенные хороших земель и высланные в непривычные для них места, они начали вымирать. За четырнадцать лет (1887—1901) коренное население Новой Каледонии уменьшилось на одну треть. За последние сорок лет меланезийское население снова стало расти и превысило сорок тысяч человек, почти достигнув уровня 1875 года. Длительное бесправное положение коренных жителей Новой Каледонии привело к значительной утрате ими самобытной культуры. Сейчас положение изменилось, и только что созданный этнографический музей говорит о том интересе, который проявляется к культуре и искусству меланезийцев. Да и сами они пы-

таются спасти свою древнюю культуру. По инициативе местных органов власти (часть депутатов — меланезийцы) и при содействии энтузиастов-французов восстанавливаются национальные ремесла, собираются предметы материальной культуры.

Едваходишь в просторное, высокое и очень светлое помещение музея, как оказываешься в окружении целой серии деревянных культовых антропоморфных скульптур. По стенам в застекленных витринах размещена экспозиция, содержащая интереснейшие этнографические и археологические коллекции. Во дворике музея установлена перевезенная сюда хижина вождя одного из маленьких племен. Соломенная или травяная, она имеет цилиндрическую форму и высокую коническую крышу. Окна отсутствуют, через невысокую дверь посетители могут зайти во внутреннее помещение. Здесь нет никакой мебели и предметов, которые говорили бы о высоком общественном положении хозяина. Над крышей, на высоком шесте, укреплена дюжина раковин тритонов. Тех самых, которые уничтожают «терновых венцов», истребляющих коралловые рифы. Вождь подобрал для своей «коллекции» раковины всех возрастов, начиная с самых маленьких и кончая огромными — до 40 см высотой.

При музее создана большая мастерская, в которой работает несколько молодых меланезийцев, владеющих различными народными ремеслами. Таким способом музеем пытаются возродить народное прикладное искусство.

Рабочие помещения и жилые дома сотрудников ОРСТОМа расположены на окраине Нумеа в чудесном парке. Небольшие домики внешне малопривлекательны, скорее похожи на бараки. Однако здесь созданы все удобства. Семья Квередра занимает один из таких домиков. Эта милая пара переселилась в Новую Каледонию с острова Мартиника. Здесь они живут уже несколько лет; жена нашего хозяина работает учительницей. Пока мы угощали шоколадом маленькую дочку хозяев, стали собираться гости — сотрудники ОРСТОМа и их жены. Ужин прошел оживленно. Он состоял из блюд классической французской кухни и различных местных фруктов. Конечно, людей, которые побывали во многих тропических странах, экзотическими фруктами не удивишь, и все же мы впервые попробовали так на-

зываемый новозеландский крыжовник, или фрукт киви. Эти плоды размером и формой похожи на небольшой лимон, но у них буро-коричневая гладкая кожица. Плод разрезают пополам и едят ложечкой зеленоватую мякоть, напоминающую клубнику, только очень острую и чуть кисловатую.

Новозеландский крыжовник, как говорит само название, не местного происхождения. Большинство других культурных растений Новой Каледонии также привозные или очень широко распространены по всей Океании. Но дикорастущие деревья, кусты и травы архипелага больше нигде не встречаются: флора Новой Каледонии насчитывает 98% эндемиков!

Академик А. Л. Тахтаджян все дни проводил за сборами гербария в различных частях острова. Однажды к нему присоединился и я.

Выехали утром на двух машинах в сопровождении Шмидта и молодого этнографа — жены известного зоолога профессора Дорста. Вначале дорога шла по равнине среди обработанных полей, затем местность постепенно стала все более изрезанной. На фоне сухих красных холмов лишь местами зеленели группы деревьев. Только по руслам маленьких речек густо росли панданусы и высоченные прибрежные камыши. На расположенной высоко в горах лесной станции нас уже ожидали. Навстречу вышел высокий худощавый человек с биноклем на шее. Это был профессор Жан Дорст, по специальности орнитолог. Он широко известен во всем мире благодаря своим трудам об охране природы. Книга Дорста «До того как умрет природа» (М., 1968) переведена и на русский язык. В этом большом и очень серьезном труде обобщен огромный фактический материал о влиянии человека на природу на всех этапах развития общества. Особенно большое внимание уделено современному состоянию почв, водоемов, животного и растительного мира. Научный трактат Дорста, снабженный картами, схемами, графиками и цифрами, читается с захватывающим интересом. Особым пафосом проникнуты строки о будущем нашей прекрасной планеты, о том, что только любовь к природе может спасти ее от гибели.

Лесная станция — несколько небольших строений, раскинувшихся среди огромного питомника различных

тропических растений. Здесь выращивают как саженцы местных редких и ценных пород, так и привозные деревья, чтобы выяснить, какие из них было бы желательно культивировать в Новой Каледонии.

На станции асфальтовая дорога заканчивается, дальше ехать на обычных автомашинах нельзя, поэтому в наше распоряжение были предоставлены три маленьких вездехода. Перевалив через крутой холм, мы проехали небольшую долину, снова поднялись в гору, и перед нами раскрылась картина тропического леса. Узкая и очень неровная дорога, с массой выбоин, ям, валунов, вьется по склонам крутых гор. Временами лес вплотную подступает к проезжей части, и кроны деревьев смыкаются над головой — едешь как в туннеле. Мостов почти нигде нет, через ручьи приходится переезжать по мелким перекатам, усыпанным галькой. Часто останавливаемся для сбора гербария. К сожалению, животных почти не видно.

Фауна Новой Каледонии вообще не очень богата. На архипелаге встречается лишь несколько видов мелких грызунов, летучие мыши, ящерицы. Змей нет совершенно, так же как и земноводных. И все же в одном из водоемов мы нашли головастика. В дальнейшем они прожили несколько дней на судне и даже превратились в маленьких лягушек. К сожалению, лягушки погибли и определить их видовую принадлежность не удалось.

Вряд ли нам посчастливилось открыть новый вид в фауне архипелага, скорее всего кто-нибудь привез лягушек из других частей света и выпустил несколько штук в водоем, где они и отложили икру.

На Новой Каледонии обитает множество птиц, очень разнообразен мир насекомых, но мы были на архипелаге в конце зимы и ни тех, ни других почти не видели. Все же мне удалось поймать нескольких красивых дневных бабочек и увидеть еще трех или четырех.

Моя коллекция насекомых неожиданно пополнилась благодаря одному растению, которое ими питается. На солнечном откосе скалы у самой дороги краснели похожие на крупные цветки листья нипентеса (*Nipentes*), напоминающие формой кувшинчики. На дне этих листовососудов находится немного жидкости. Насекомые, привлеченные яркой окраской и сладким соком, проникают

через горлышко кувшина внутрь, где начинают сосать сок, но увязают в нем и сваливаются на дно.

Жидкое содержимое ловушки имеет в своем составе ферменты, разрушающие белки. Вскоре насекомые распадаются на части, перевариваются и усваиваются растением. Очень многие насекомые и их личинки питаются растительной пищей — здесь же мы видим редкий случай обратной зависимости, когда в пищу растениям идут насекомые. В кувшинчиках я нашел много мелких насекомых, которые еще не успели перевариться. Они-то и попали в мою коллекцию.

Конечной целью нашей экскурсии была высокая гора, забраться на которую не смогли даже вездеходы. Мы долго пробирались среди густого переплетения ветвей по крутому склону, пока не остановились у небольшого хвойного растения, которое профессор Шмидт очень быстро разыскал в зарослях. Само растение (*Falcatifolium taxoides*) довольно обычно для горных лесов Новой Каледонии, но на нем поселился растительный паразит (*Parasitactus ustus*), также относящийся к хвойным. Бледные, лишенные иголок веточки паразита ничем не походили на сосну или ель. Только по строению соцветий и плодов можно установить его систематическое положение. Паразит этот — большая редкость. Профессору Шмидту известно всего несколько экземпляров, которые находятся под строгой охраной. А. Л. Тахтаджян получил разрешение взять для гербария ленинградского Ботанического института образец, и оба ботаника после фотографирования и измерения хвойного паразита несколько минут оживленно обсуждали, какую именно часть растения следует отрезать.

Экскурсия закончилась легким завтраком на берегу горного ручья. Мы сидели на больших камнях и разводили консервированный апельсиновый сок совершенно прозрачной, но несколько тепловатой водой, струившейся у нас под ногами.

Невдалеке от Нумеа зеленеет низкими кустарниками небольшой песчаный островок Мэтр — одно из любимых мест воскресного отдыха горожан. Вокруг много естественных пляжей, воды изобилуют различными морскими животными. На мелководье у острова кораллов нет: они не выносят близости песка, который взму-

чивают волны. Поэтому мотобот поставили в некотором отдалении, и аквалангисты принялись собирать материал с контрольных площадок. Я вплавь добрался до отмели, заметив по пути немало крупных морских звезд, хорошо различимых благодаря их яркой окраске. Как выяснилось, на рифе и вблизи от него на белом коралловом песке можно собрать крупных моллюсков — крылорогов (*Lambis*) и мурексов (*Murex*). На берегу около потухших костров кучами лежат раковины этих моллюсков, а также тридакны. Отдыхающие пекут их прямо на месте добычи. Таким образом, риф в течение круглого года снабжает жителей Нумеа питательными и вкусными дарами моря. И это вблизи города; откуда за час можно добраться на небольшой моторной или парусной лодке.

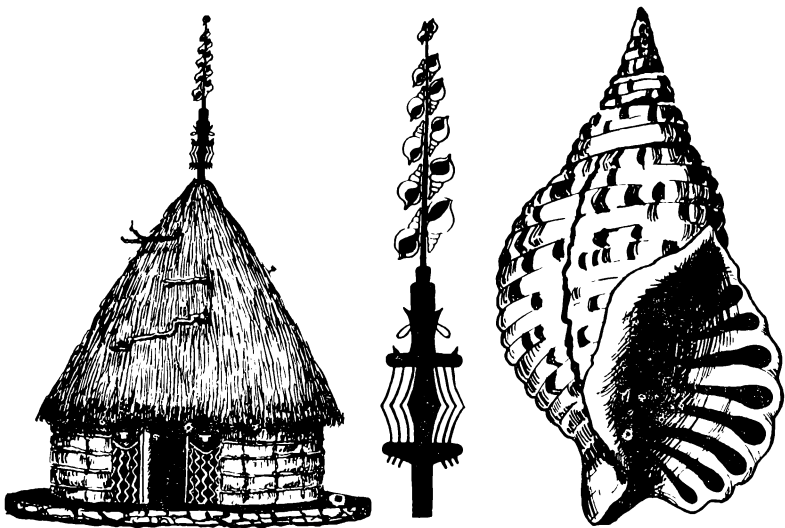
Труднодоступный барьерный риф, как и следовало ожидать, оказался еще богаче. Участок, выбранный для обследования, почти на метр погружен в воду и защищен от прибою мощной грядой кораллов, о которую и разбиваются волны. По всей отмели буйно разрослись буроватые и зеленые ветвистые акропоры (*Acropora*) — наиболее обычный род мадрепоровых кораллов, внешний вид которых можно сравнить с густой порослью молодых елочек. Плавать над ними интересно, можно хорошо все разглядеть, но зато ходить почти невозможно. Стоит встать, как тонкие веточки обламываются и вы по колено проваливаетесь в колючий куст, расцарапав икры, если ноги не защищены брезентовыми брюками. Работать можно только в хороших перчатках. Все подвижное население рифа прекрасно просматривается сквозь ажурную сетку ветвей, но оно легко ускользает от преследования, ловко пролезая или проплывая в глубину колонии. осьминоги, крабы, рыбы, пестрые лангусты находят здесь свое спасение. Особенно осторожны лангусты. Этих крупных ракообразных ловят ради вкусного мяса. В отличие от своего холодноводного сородича — омара — лангуст лишен мощных клешней, которыми мог бы защищаться. Поэтому в случае малейшей опасности он забирается в какую-нибудь расщелину или нишу, в самую гущу сплетения кораллов и там отсиживается. Пестрая окраска хорошо маскирует рака среди кораллов. Говорят, лангуста можно заставить покинуть свое убежище, показав осьминога — его смер-

Этого крупного моллюска муррекса с красивой белой раковиной ловят, чтобы полакомиться его вкусным мясом

тельного врага, которого можно поймать, опустив на дно веревку с привязанными глиняными горшками и большими консервными банками. Осьминоги на день прячутся в них и только крепче присасываются к стенкам сосудов, когда снасть начинают вынимать из воды.

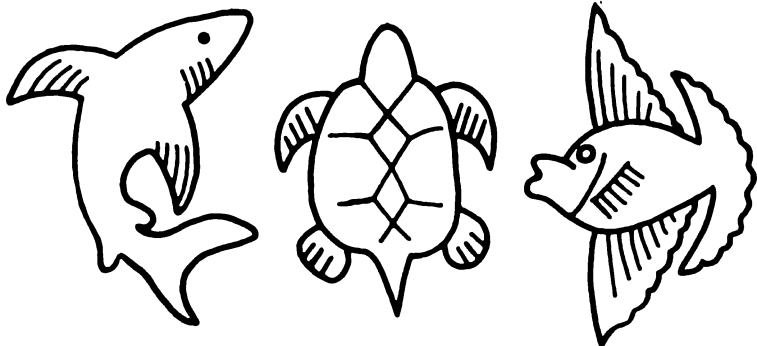
Но для такой охоты на обитателей рифа требуется много времени, а у нас его как раз и не было. Пришлось идти напролом, выламывать ветви кораллов, чтобы добраться до прятавшихся животных. Один лангуст все же попался и был вытащен из коралловой чаши за длинные усы. Я долго возился, выковыривая огромного морского ежа. Он прочно упирался полсотней толстых терракотово-красных игл, скорее похожих на сигары. Подплывший Москалев топориком разбил вокруг кораллы, и ежа водворили в ведро. Надувная лодка постепенно наполнялась кораллами, большими раковинами тридакн, морскими звездами. Начальник отряда биологически активных веществ Н. В. Молодцов нашел сорокасантиметрового тритона (*Charonia tritonis*), того самого моллюска, который истребляет «терновых венцов».

Крышу дома новокаледонского вождя украшает шест с дюжиной крупных раковин тритонов

Кстати, этих звезд на рифе нам не попало вовсе. Заметим, что и вода вокруг не носила никаких следов загрязнения. Работой на барьерном рифе было завершено наше пребывание на Новой Каледонии. Предстоял переход к островам Фиджи.

Когда судно ложится в дрейф днем, океан кажется безжизненным. Сколько ни смотри за борт, кроме синей воды ничего не увидишь. Но вот «Дмитрий Менделеев» подошел к поставленному полтора месяца назад огромному бую с приборами. И тут оказалось, что море полно жизни. Что-то заставляет его обитателей собираться вокруг плавающих предметов. Может быть, морские обрастания — гидроиды, моллюски, морские уточки — привлекают внимание мелких рыбок, а за ними сюда подходят и более крупные. Во всяком случае, каждый раз около буя оказываются какие-нибудь рыбы, и чем дальше он стоит, тем больше скапливается рыб. На этот раз их оказалось особенно много. У буя крутились темные спинороги, вокруг корабля ходили стаи метровых

На Фиджи моделями для перламутровых брошек служат сами обитатели моря

корифен. Описать окраску живой корифены почти невозможно. Иногда она кажется ярко-желтой, и только хвост и плавники темно-синие. Но стоит рыбе чуть углубиться, как она становится голубой. Если же корифена повернется к наблюдателю боком, то ее чешуя блестит на солнце, как ярко начищенная бронза. Недаром (хоть и неправильно) корифену называют золотой макрелью. Наши рыболовы имели полный успех — трех огромных крутолобых корифен потащили на камбуз. На мою удочку попался сорокасантиметровый пятнистый спинорог (*Canthidermis maculatus*). В разгар ловли под килем прошла гигантская тень, и у самого борта судна всплыл небольшой усатый кит. Через широко раскрывшиеся ноздри с шумом вырвалась струя воздуха, и кит снова погрузился в воду. Тем временем с нижней кормовой палубы поймали акулу.

Столица Фиджи — Сува встретила нас весенним праздником, символом которого служит любимый цветок океанийцев — гибискус. На праздник в Суву съехались певцы, танцоры и музыканты со многих архипелагов. Здесь они в течение нескольких дней демонстрировали свое искусство. Наиболее красивые девушки состязались на звание «мисс Гибискус». Портреты претенденток можно было видеть в витринах почти каждого магазина.

На улицах города — празднично одетая толпа; у прилавков базара идет бойкая торговля фруктами, цветами, перламутровыми брошками, раковинами, бусами, резными деревянными фигурками, плетениями, моделями парусных лодок. Воздух напоен густым сладковатым запахом копры — сушеной мякоти кокосовых орехов. Краснов, Голиков и я под предводительством декана Южнотихоокеанского университета Питера Бевериджа пробираемся к автостоянке, чтобы ехать в зоологическую лабораторию. Всего час назад «Дмитрий Менделеев» встал у причала, а мы уже начали выполнять ту сложную программу, которую успели за это время выработать с Бевериджем. На минуту останавливаемся, чтобы приобрести план города, и еще некоторое время любуемся весьма оригинальной рекламой спортивного магазина. На фоне ровной голубоватой стены дома, изгибая чешуйчатый хвост, плывет русалка, преследуемая аквалангистом. Он энергично работает ластами и не замечает, что сам находится в опасности: за ним гонится акула, хищно щелкая зубастыми челюстями.

Беверидж приглашает всех в маленькое кафе. Обслуживают здесь молодые девушки в необычных костюмах — пестрых нейлоновых кофточках и травяных юбочках. На низком столике в большой широкой деревянной чаше налита кава — напиток, который готовится из корней одного из видов перца (*Piper methysticum*). Прежде каву пили лишь в особых случаях. Ее употребление непременно сопровождалось рядом церемоний. Готовили напиток женщины, разжевывая корни и сплевывая в чашку. Под влиянием слюны настой начинал бродить, образовывался горьковатый, слегка пьянящий напиток. Теперь корни измельчают на терке и сбраживают ферментами. Все ингредиенты для приготовления кавы можно купить в любой продовольственной лавке. Конечно же, ею угощают туристов.

Девушка зачерпнула из чаши деревянным ковшом с полстакана желтоватой, слегка мутной жидкости, вылила ее в полированную скорлупу кокосового ореха и с улыбкой протянула мне. Я не знал о современном рецепте приготовления кавы и, собравшись с духом, выпил тепловатую, слегка вязущую жидкость. Она мне даже понравилась. Голиков и Краснов, вообще не знакомые с традиционным рецептом, опорожнили кокосовые скорлуп-

ки, не поморщившись. Тем временем другая девушка в таком же точно наряде бойко застучала на пишущей машинке, и нам вручили красочные именные дипломы о только что состоявшемся торжественном акте фиджийского гостеприимства.

Южнотихоокеанский университет находится на окраине Сувы. Он открыт совсем недавно (в 1968 г.) и предназначен для подготовки национальных кадров англоязычных стран Океании. Помещения университета — бывшие бараки одной из новозеландских воинских частей, расквартированных на Фиджи во время второй мировой войны. Структура университета несколько необычна. В его составе три основных факультета: общеобразовательный, национальных ресурсов, социального и экономического развития; кроме того, имеется четвертый факультет — подготовительный, которым и руководит Питер Беверидж. Обучение на нем длится от года до четырех, что связано с различным уровнем первоначальной подготовки студентов. Обучение платное. На подготовительном факультете — 60 фиджийских долларов в год. Далее плата удваивается при переходе на каждый последующий курс. Кроме того, более 300 долларов ежегодно вносится за питание, за лабораторные занятия и в студенческую ассоциацию. Естественно, что обучаться в университете могут только дети из очень богатых семей или же студенты, целиком находящиеся на обеспечении государства.

Несмотря на материальную поддержку, которую университету оказывают страны Океании, посылающие студентов, а также Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Индия* и Канада, средств не хватает. Поэтому Питер Беверидж все свободное время отдает созданию учебного Зоологического музея при университете. Он отпер дверь одного из небольших домиков и показал, что ему удалось собрать и своими руками (лаборанта нет) отпрепарировать и смонтировать. Коллекция оказалась очень богатой, наиболее хорошо в ней представлены морские животные. Беверидж побывал на всех ближайших рифах и прекрасно знает местную фауну. Ему удалось собрать как типичных, так и очень редких животных. Однако музею не хватает специальной

* Около половины современного населения Фиджи — индийцы.

посуды, хорошей мебели — пока все приходится хранить в обычных банках на стеллажах.

Ближе к вечеру в одном из учебных помещений для научного состава нашей экспедиции состоялся прием, на котором присутствовали профессора и преподаватели университета. Беверидж познакомил нас со своим другом ихтиологом Грэмом, и мы еще раз, уже в деталях, обсудили предстоящую на завтра работу на рифах. Уже стемнело, когда Беверидж довез нас до места, где проходили народные гулянья и должен был состояться концерт под романтическим названием «Тихоокеанская ночь».

Мы прибыли как раз в тот момент, когда на высокой эстраде генерал-губернатор Фиджи сэр Роберт Фостер * возложил корону на темноволосую головку стройной девушки, провозгласив ее «мисс Гибискус 1971». Вновь избранная королева в сопровождении двух других граций, занявших в состязании второе и третье места, спустилась на поле и объехала его в открытом автомобиле. Новая «мисс Гибискус» — метиска; несмотря на типично меланезийскую внешность, она носит вполне европейское имя — Верна Томас. Незадолго до праздника ей исполнилось 22 года, но этот триумф был для Верны не первым. В 19 лет она уже получила звание «мисс Фиджи», а год спустя поехала в Австралию в качестве претендентки на звание «мисс Тихий Океан». Но здесь ей не повезло, и она вернулась на родину, чтобы продолжать работу в одном из банков. В интервью, данном ею на следующий день, «мисс Гибискус» заявила, что намерена использовать свою премию (авиа-экскурсию в Канаду) для повышения престижа Фиджи, что она теперь чувствует себя действительно великой и способной сделать много хорошего и доброго людям, но не расстанется со своей главной мечтой — стать манекенщицей.

Начался концерт. Зрители заполнили большое зеленое поле, окружив ярко освещенную эстраду. Первые ряды заняли гости — ансамбли с островов Тонга, Эллис, Гилберта, Самоа и других архипелагов Океании. Певцы

* 10 октября 1970 г. колония Великобритании Фиджи получила независимость, но осталась в Британском содружестве наций. В связи с этим номинальным главой государства — представителем английской королевы является генерал-губернатор.

и музыканты сидели прямо на траве, а очередная группа танцоров поднималась на эстраду. Под мелодичный аккомпанемент юноши и девушки в национальных костюмах, украшенные ожерельями из раковин каури, с красными цветками гибискуса в волосах, исполняли танцы своих островов. В концерте приняли также участие английские школьники с Фиджи и группа совсем маленьких девочек и мальчиков — воспитанников балетной школы. Манера танца в Океании очень своеобразна, ноги в нем почти не участвуют, танцоры лишь слегка переступают ими, обычно не сходя с места. Главная прелесть — в изящных, плавных и выразительных движениях рук. Теплый морской ветерок, приносящий едва заметный сладковатый запах копры, черное небо с массой ярких звезд и прекрасно сложенные смуглые тела танцоров в легких одеждах, движущиеся в освещенном кругу под чарующую музыку, невольно создают у зрителей праздничное, лирическое настроение. Хотя на концерте присутствовало несколько тысяч человек (в самой Суве проживает около 60 тысяч), все тихо стояли в темноте ночи и только в период коротких антрактов вполголоса переговаривались между собой. Многие пришли семьями с маленькими детьми, которых держали на руках. Детишки постарше, пользуясь привилегиями своего возраста, тихонько пробирались поближе к эстраде и вскоре кольцом окружили артистов. Все зрители держались с достоинством, но совершенно непринужденно: ни толкотни, ни суеты. Молодая девушка в коротком белом платье, с венком на голове, заметив на шее у Голикова бинокль (мы стояли довольно далеко от эстрады), захотела посмотреть в него на танцоров. Вскоре вокруг нас собралась целая группа желающих воспользоваться оптикой. Бинокль переходил из рук в руки.

По краям поля в многочисленных павильонах и ларьках, на расставленных столах и вразнос продавались сладости, кока-кола, фруктовые соки. Рядом помещались и различные аттракционы. Здесь можно проверить свою ловкость, меткость руки и верность глаза, метая в цель цветные стрелы, набрасывая кольца на головы кукол или попадая шариком в раскрашенные ячейки. Ставка двадцать — тридцать центов, при удаче можно выиграть фарфоровую чашку, куклу в национальном

костюме фиджийки, сумочку из травы, украшенную каури, красивую раковину. На столах со знаками, изображающими цветок, корону и все четыре карточные масти, шла азартная игра. Крупье бросал на стол два кубика с теми же рисунками и в зависимости от того, как они выпали, сгребал со стола все ставки или же расплачивался с некоторыми игроками. Ставки достигали 50 фиджийских долларов (более крупных я не видел). В 9 часов 15 минут прозвучал гонг, и все столы, где шли азартные игры, несмотря на отчаянные протесты игроков, были свернуты и убраны, а веселье вокруг продолжалось. С середины поля звучала музыка, раздавались песни, все новые группы танцоров поднимались на эстраду.

Наутро погода резко изменилась, пошел дождь, временами налетали шквалы. Питер Беверидж на своем маленьком моторном катере «Зоеа»* в сопровождении Грэма прибыл, как и обещал, к девяти утра. Он усадил меня и Краснова на крыше рубки, чтобы загрузить поильнее носовую часть катера, а сам встал у штурвала. Грэм внизу в каюте готовил акваланги. Бесшумно заработал мощный подвесной мотор, и маленькое судно стало набирать ход. Когда мы вышли за пределы порта, Питер прибавил газ и «Зоеа», приподняв нос, понеслась с бешеной скоростью. Несмотря на довольно сильное волнение, качки вовсе не ощущалось, ее заменили тяжелые удары волн. Казалось, катер несется по камням и вот-вот его дно будет разбито. Каскады брызг, смешиваясь с налетающим дождем, промочили нас до нитки, правда наши костюмы и предназначались для работы на рифе. Мы ухватились за леера и надели маски, иначе пришлось бы закрыть глаза. Через полчаса Сува скрылась из виду. Питер остановился около одного из островков. Здесь на борт были подняты кораллы полифиллия (*Polyphillia*), напоминающие тонкостенную округлую чашу. Этот коралл не прирастает к грунту, а лежит на песке выпуклой стороной наружу. Его поверхность покрыта тончайшим рельефным рисунком из коротких гребней и борозд между ними. Полифиллия не колониальный, а одиночный организм — случай довольно редкий для мадрепорового коралла. Если он разви-

* Зоеа (*Zoea*) — так называется плавающая личинка краба.

вался нормально, то через всю поверхность проходит одна более глубокая борозда — первичный рот полипа. По мере роста на поверхности чаши возникают многочисленные маленькие бороздки, окруженные (конечно, только у живых особей) венчиками щупалец — это дополнительные рты. Случается, что такой тонкостенный коралл разбивается, тогда каждый осколок начинает самостоятельную жизнь. Он продолжает расти и постепенно приобретает характерную чашевидную форму, но следов первичного рта на нем уже нет. Несколько десятков красивых кораллов величиной от розетки для варенья до половинки небольшого арбуза сложили в полиэтиленовый таз. Мы очень волновались, как бы они не побились от тряски. Пришлось переложить кораллы водорослями; впоследствии эту упаковку забрал себе Петров, так как обнаружил среди нее какие-то любопытные виды.

Еще несколько минут бешеной тряски по мелкой волне, и мы у цели. Обширный риф обнажался на глазах — кончался отлив. Катер поставили на якорь в укрытой от прибоя бухточке и вплавь переправились на берег. Сразу же обнаружили скопления «терновых венцов». Большие серые звезды с оранжевыми иглами лежали в ваннах, оставшихся после ухода воды, на мелководье и даже на осушке. Поврежденных ими кораллов было немного. Мы предусмотрительно захватили для «терновых венцов» формалин и большие металлические баки из-под белой краски, которой постоянно подновляют корпус «Дмитрия Менделеева». Это на рифах Океании «терновые венцы» — обычное дело, а в коллекциях советских биологических учреждений их нет. В университетах и педагогических институтах студентов знакомят с ними только по картинкам. Вскоре два бака были доверху заполнены звездами, и мы пошли по обсохшему рифу в сторону моря.

Обычно в осушной полосе риф зеленовато-бурый — такого цвета здесь и живые кораллы, и покрытые пленками водорослей мертвые колонии. Этот риф был темно-красного цвета благодаря обильному разрастанию кораллов, которые называются органчиками (*Tubipora*). Колония состоит из темно-красных известковых скелетных трубок толщиной в стержень шариковой ручки. Пучки трубок соединены между собой поперечными пла-

стинками того же цвета. Но вот начинается прилив, и органчики из красных становятся ярко-зелеными. Стоит колонии оказаться под водой, как из трубочек высовываются маленькие зеленые полипчики и широко распускают все восемь своих щупалец. Волны колышут их, и весь риф становится похожим на луг, поросший низкой, густой и мягкой травой.

К сожалению, восхищаться красотой рифов у берегов Фиджи помешала нам плохая погода. И в этот и в последующие дни приходилось работать на сильном ветру и периодически мокнуть под дождем. Но, конечно, непогода эта была пустяком по сравнению с ураганом по имени «Биби», который обрушился на Фиджи в октябре 1972 г. Об этом бедствии писали газеты всего мира, а некоторые подробности сообщила мне сотрудница гидрографической службы Фиджи Нова Бьюкенен:

«Я не в состоянии описать Вам хаос, смерть и разрушение, которые испытали островитяне. Особенно пострадало северо-западное побережье острова Вити-Леву, в том числе город Лаутока, где тысячи жителей лишились крова. Погибло много рыбаков в море, но и на берегу находиться было небезопасно. Восемнадцать человек оказались погребенными под упавшими деревьями и развалинами собственных домов. Были разрушены мосты и дороги почти по всему архипелагу. Наш дом не пострадал, так как центр циклона прошел в 30 милях от Сувы, но три ночи я не спала. Дом качался, и я все время боялась, что он не устоит. Ветер гулял от стены к стене, и многие, даже тяжелые предметы сдувало со своих мест. Ураган нанес страшный ущерб посевам. В некоторых районах население совершенно лишилось пропитания. Правительство было вынуждено выделить средства, на которые шестьдесят тысяч человек получили возможность существовать в течение шести месяцев, пока не вырастет новый урожай. Сумма урона достигла двух миллионов долларов, и последствия урагана будут ощущаться еще в течение десяти лет, так как погибло много кокосовых пальм — одной из главнейших сельскохозяйственных культур Фиджи».

С Новой Бьюкенен мы познакомились сразу же, как только «Дмитрий Менделеев» встал у причала Сувы. Эта молодая высокая брюнетка с ярким румянцем и серьгами в виде якорьков, в белой форме морского

офицера, оказалась страстной поклонницей русского искусства и литературы.

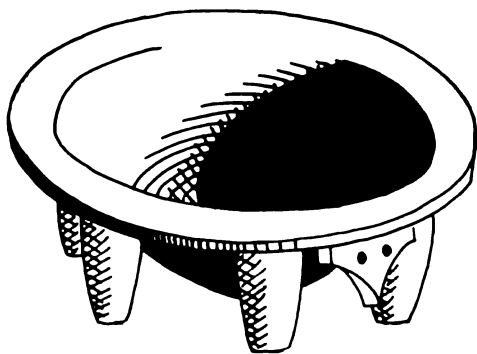
Она пригласила А. А. Аксенова, геолога А. В. Живаго и меня провести последний вечер нашего пребывания на Фиджи в ее доме. Там оказалась масса детей и собак — все они тоже были гостями. Дети приходили поиграть или взять книжку. Вскоре они ушли, а собаки остались. Неожиданно появлялись новые псы, всех их хозяйка знала поименно.

На полке я увидел книги Толстого, Горького, Паустовского. Нова изучает русский язык, но говорить на нем еще не решается. Много лет она выписывает русские книги и журналы. Когда «Moscow News» объявляет конкурсы на лучшее знание России, Нова отвечает на большинство вопросов по русской истории, искусству, архитектуре и литературе. Дважды она получала призы этой газеты.

Весь вечер в уютной гостиной в компании Новы Бьюкенен и ее матери мы слушали русскую музыку.

Архипелаги Фиджи и Самоа расположены довольно близко друг от друга, но между ними проходит 180-й меридиан, отделяющий Восточное полушарие от Западного. Мы покидали Суву вечером 6 сентября. В это самое время в столице Западного Самоа, городе Апия, куда мы теперь направлялись, тоже наступил вечер, но не 6-го, а 5-го сентября. Чтобы привести судовой календарь в соответствие с местоположением судна, весь следующий день тоже считался понедельником 6-го сентября. Это нарушило планы нашей хозяйственной комиссии. Стараясь разнообразить стол, она составляла меню на десять дней вперед и вывешивала его на видном месте. Теперь же два дня подряд приходилось готовить одно и то же.

Апия совсем маленький городок, вместе с пригородами насчитывает всего двадцать пять тысяч человек, но кажется еще меньше из-за своей разбросанности, массы зелени, среди которой скрываются домики жителей, и особенностей архитектуры и планировки. Почти все дома одноэтажные или двухэтажные, как правило деревянные. При входе в бухту видны лишь маяк да белый собор с двумя башнями, а весь город скрывается

В такой чаше на Фиджи подают кофю

в зелени густой тропической растительности. Самая оживленная магистраль Апия — ее набережная. Здесь находятся крупные магазины и крытый базар.

«Дмитрий Менделеев» встал у причала в сумерки, и первое знакомство с городом состоялось в темноте. По слабоосвещенной набережной небольшими группами прогуливалась молодежь. Улицы были почти безлюдны, только в двух или трех кафе горел свет, и оттуда раздавались пение и музыка.

День начался, как обычно, с работы на рифе. На этот раз нам не очень повезло. Через проход из бухты вышли легко, так как он достаточно широк, но в море нашу дори стало сильно качать. Попытались найти проход в лагуну, которую заранее отметили на карте. Наш постоянный моторист — матрос Витя Нечаев делал отчаянные попытки пробраться между рифами, но всякий раз безуспешно. Невдалеке в маленькой лодке с противовесом сидел плотный полинезиец средних лет и ловил острой рыбу. По временам он слезал на риф и стоял там по пояс в воде. Хотя рыболов и был защищен внешним барьером, через который мы тщетно искали проход, волны били его нещадно. Наконец это ему надоело, и он, ловко работая веслом, пошел на своем суденышке к берегу.

Решив, что в лагуну проникнуть не удастся, мы бросили якорь с внешней стороны рифа, и аквалангисты попрыгали за борт. Вскоре один из них вернулся, сообщив о сильном придонном течении в сторону моря. Пос-

ле короткого совещания решили перейти на другое место, но и там подводное течение сносило дори и сбивало с ног аквалангистов, когда они начинали сборы у дна. Пришлось возвращаться в бухту. При входе в нее неожиданно заметили обнажившийся в отлив риф и стали около него на якорь. Хотя и в этом месте волны били очень сильно, все же удалось высадиться и провести подводные работы. Нырняя под нависшие кораллы, в полутьме подводных гротов Москалев обнаружил нежные фиолетово-красные колонии гидрокораллов (*Distichopora*), представителей еще одной группы кишечно-полостных с твердым известковым скелетом, которые участвуют в образовании рифов. В отличие от других кораллов они всегда поселяются в затененных местах.

Несмотря на значительный опыт работы на рифах, многие из нас поранили себе ноги и руки. Все очень устали. В мокрых штормовках и комбинезонах, с тяжелыми ведрами и питонзами в руках мы поднялись по трапу и направились к своей лаборатории па корме. Здесь, перед запертой дверью, нас ожидал невысокий худощавый человек в шортах и рубашке с короткими рукавами. Он назвал себя Карлом Маршаллом и попросил разрешения познакомиться с нашей работой. Сам Маршалл тоже биолог, но работает в области далекой от морских исследований. Его специальность — разработка методов борьбы с вредными насекомыми. На Самоа он воевал с вредителями кокосовых пальм.

Маршалл побыл в лаборатории недолго. Увидев, что все мы заняты срочной работой, он деликатно удалился, но предварительно пригласил Голикова, Беккера и меня побывать на кокосовой станции. Маршалл обещал также быть нашим гидом во время экскурсии по острову.

Он появился у нас утром и сразу же повез на базар за кокосовыми орехами. Затем мы поехали к дому Стивенсона. На нынешней окраине Апия протекли четыре последних года жизни Роберта Льюиса Стивенсона.

Тяжело больной писатель после длительного путешествия по островам Океании выбрал себе наконец место постоянного жительства и поселился с семьей в маленьком имении Ваилиме, в нескольких километрах от крошечной тогда Апия. Благотворный климат Самоа.

придал ему новые силы. Устами героя одного из своих романов Р. Стивенсон говорит: «Вид этих лесов, гор и необыкновенный аромат обновили мою кровь». В своем доме у подножия горы Ваза писатель много работал. Здесь написаны путевые очерки «В Южных морях», сборник повестей и рассказов под общим названием «Вечерние беседы на островах», роман «Катриона».

В гостях у Стивенсона постоянно бывали местные жители, которые вскоре стали его друзьями. В этот период на Самоа шла острая политическая борьба между Соединенными Штатами, Англией и Германией за обладание архипелагом. В Апиа находились консулы всех трех стран, вовлекавшие в интриги и самоанских вождей.

Беззастенчивое изъятие земель колонизаторами, нещадная эксплуатация полинезийцев, введение принудительного труда и, наконец, назначение на «престол» Самоа марионеточного короля Лаупепы, не пользовавшегося популярностью у народа, привели к восстанию самоанцев, во главе которого встал вождь Матаафа. Это был решительный и независимый человек, пытавшийся защитить островитян от чужеземных угнетателей. Назревала гражданская война, исход которой решило вмешательство английского крейсера «Катумба». Войска Матаафы были разбиты, он сам и сорок других вождей разных рангов брошены в тюрьму. Стивенсон всеми силами старался облегчить судьбу своего друга Матаафы и других заключенных. Еще до восстания он писал гневные письма в лондонскую газету «Таймс», разоблачая в них действия колонизаторов. Стивенсон издал книгу «Примечания к истории: восемь лет волнений на Самоа»*. В первые годы жизни на Самоа он особенно резко высказывался о действиях германского консула. Наилучший выход писатель видел в переходе островов под протекторат Великобритании. После поражения Матаафы взгляды Стивенсона изменились. В беседе с американским корреспондентом он заявил: «Три державы должны полностью уйти, оставив туземцев в покое, и позволить им управлять островами по своему усмотрению».

* Подробнее об этом можно прочесть в книге Ф. и Р. Л. Стивенсон, Жизнь на Самоа, М., 1969.

Пожелание Стивенсона осуществилось лишь через 70 лет. 1 января 1962 г. появилось первое в Океании независимое государство — Западное Самоа. Восточные острова архипелага и по сей день принадлежат Соединенным Штатам Америки.

Сейчас к дому Стивенсона ведет широкое асфальтированное шоссе. Оно проходит там, где в 1894 г., после освобождения вождей из тюрьмы, островитяне проложили «Дорогу благодарности». На дереве у начала дороги была прибита доска с текстом, подписанным вождями: «Мы храним в памяти исключительную доброту мистера Р. Стивенсона и его полную любви заботу о нас во время наших горестных испытаний. Поэтому мы приготовили ему такой подарок, который сохранится навсегда, — построили эту дорогу».

Эти слова и сейчас можно прочесть при въезде на территорию усадьбы. Большой дом с тенистой галереей стоит посреди ровной зеленой лужайки. Часть помещений в нем сохраняется в том же виде, как и при жизни писателя.

Посидев под цветущим кустом гибискуса, мы выпили кокосовое молоко из орехов и пошли по узкой петляющей дорожке на гору Ваа. Она проложена в том же 1894 г. и названа самоанцами «Дорогой скорби», так как ведет к могиле писателя.

С вершины Ваа открывается великолепный вид на море, на зеленые долины и горы, покрытые сплошным лесом. У основания горы виднеется площадка и окруженный цветущими кустами дом Стивенсона. «Дорога скорби» с ее каменными ступеньками и крутыми подъемами на всем протяжении укрыта тенью от крон мощных деревьев. В сухой листве под ними с шуршанием носятся большие зеленые ящерицы.

Сверху Маршалл показал нам питомник кокосовых пальм и других тропических культур, где он работает уже несколько лет.

Главная его задача: борьба с жуком-носорогом (*Oryctes rhinoceros*) — серьезным вредителем кокосовых пальм. Внешне этот большой коричневый жук очень похож на тех жуков-носорогов, которые встречаются в лесах средней и южной полосы европейской части нашей страны. Многие знают этих темно-коричневых жуков с большим рогом на голове у самца. Наш жук безвреден,

Дом Р. Стивенсона сейчас служит официальной резиденцией главы государства Западного Самоа

зато его тропический собрат приносит значительный ущерб. Личинки питаются гниющей древесиной, но взрослые насекомые забираются в крону кокосовой пальмы и перегрызают основания молодых листьев. При массовом размножении жука-носорога пальмы стоят голые, как телеграфные столбы, и многие гибнут. Но и небольшое количество жуков может сильно понизить урожай кокосовых орехов. В районах, где кокосовые пальмы — основная культура, жук-носорог — серьезное бедствие, не менее страшное, чем саранча для зерновых культур Африки, Азии и Европы.

Мне приходилось видеть, как борются с этим вредителем в штате Керала в Индии. Целыми днями молодые люди, вооружившись миниатюрным копьем, лазят с пальмы на пальму и запускают свое оружие в листовое влагалище, пронизывая жуков острием. Способ этот очень трудоемкий и малоэффективный, так как место

уничтоженного жука вскоре может занять другой. По дороге в лабораторию Маршалл рассказал, что им применяется биологический метод борьбы с пальмовыми жуками-носорогами. Он нашел бактерии, уничтожающие личинок. Размножая их на искусственных средах в лабораторных условиях, Маршалл затем обрабатывает гниющие стволы и пни, а также почву под пальмами. Заболевшие личинки почти всегда погибают, а если и остаются живыми, то развившиеся из них взрослые особи, разлетаясь вокруг, заражают других жуков и передают болезнь потомству, которое от нее и гибнет. Для других насекомых и для человека эти бактерии совершенно не опасны.

В лаборатории мы увидели фотографии безлиственных пальмовых рощ, какими они были три года назад, а из окна могли любоваться прекрасным состоянием той же плантации.

Большая и сложная работа, которая ведется в лаборатории, имеет важное значение для экономики тропических стран, в первую очередь для Океании, благополучие народов которой в значительной степени зависит от урожая кокосовых орехов.

Маршалл находит время и для своего хобби — изучения рифов и наблюдения различных морских животных, содержащихся в аквариуме. Этому прекрасному натуралисту, который в одинаковой мере владеет и энтомологическими и микробиологическими методами исследования, удалось в изолированном от моря аквариуме с помощью им самим сконструированной аппаратуры содержать не только капризных коралловых рыбок, моллюсков, актиний и других обитателей рифов, но и несколько видов самих кораллов. Демонстрируя нам свое аквариумное хозяйство, Маршалл подцепил стеклянной трубочкой небольшую рыбку и поднес ее к щели в колонии коралла. Тотчас показался малюсенький осьминог, схватил рыбку и стремглав укрылся в той же щели. В отдельном аквариуме, тоже в небольшой колонии кораллов, живут морские черви палоло.

Палоло особенно многочисленны у берегов Самоа. Они достигают в длину до 40 см, но в течение почти всего года палоло никто не видит, так как черви прячутся глубоко в полипнике. К октябрю (то есть в разгар весны) задние концы червей наполняются яйцами

или спермиями. Затем они отделяются от передней части тела и всплывают на поверхность моря. Это происходит среди ночи, на шестой — восьмой день после полнолуния, сперва в октябре, а потом еще раз в ноябре. Они всплывают в таком невероятном количестве, что вода становится густой, как суп с вермишелью. Палоло и лакомство, и национальное блюдо, и повседневная пища самоанцев. Они ловят этих червей и едят их тут же на рифе, запекают, завернув в листья, на кострах и в земляных печках, а также сушат впрок. Потом в течение всего года они едят сушеных палоло, разводя их кокосовым молоком и делая из этого теста своеобразную запеканку, похожую по цвету на шпинат (отсюда и латинское название червя — *Eunice viridis*, означающее в переводе «зеленый»). Палоло обладают специфическим вкусом и очень питательны. Они содержат много белков, кальций, фосфор, витамины «А» и «В₂».

Самоанцы заранее знают, в какую ночь палоло покинут риф, и готовят к этому времени лодки и снасти. Все население деревни с вечера собирается на берегу напротив рифа. Начинаются танцы и песни, все веселы и возбуждены. С наступлением темноты на риф посылают наблюдателей, которые держат в руках факелы из сухих листьев кокосовой пальмы (а теперь также и электрические фонари). Вот один из таких разведчиков, быстро перебегая с места на место, черпает воду руками и кричит:

— Палоло пришел!

Немедленно все певцы и танцоры хватают свои сети, корзины, черпаки, ведра и, толкаясь, с криками и смехом мчатся на риф. Всего два часа палоло будут плавать на поверхности моря, а затем их оболочки лопнут и все содержимое бесследно размочет вода. За это время надо успеть собрать как можно больше вкусных червей. Лов продолжается три ночи подряд.

К нашему огорчению, ночь палоло должна была наступить только через месяц после ухода «Дмитрия Менделеева» на север, и мы не смогли увидеть этого удивительного явления. Маршалл посочувствовал нам: он тут же извлек из аквариума нескольких червей и подарил их мне. Он не смог угостить нас этим блюдом, но взамен предложил попробовать другие самоанские кушанья в одном из загородных ресторанов.

В рационе островитян продукты, добываемые в море, играют весьма существенную роль. Не только палоло, но и многие другие съедобные животные обитают на коралловых рифах.

В меню, предложенном нашему вниманию полной полинезийкой — хозяйкой ресторанчика, стоящего на самом берегу океана, входило большое число даров моря. На закуску подали сырую кефаль, нарезанную маленькими кубиками и вымоченную в смеси лимонного сока и мякоти молодого кокосового ореха. Затем появились трепанги. У местного вида стенка тела и кожа ядовиты, поэтому едят только внутренности. Их употребляют в свежем виде либо без всяких приправ, либо с острым соусом. Хотя мы и съели полную чашку, но особенного удовольствия не получили (внутренние органы трепангов покрыты очень липкой слизью и потому прочно приклеиваются к нёбу и языку). Гораздо больше понравился всем тушеный в коричневом соусе осьминог. Наконец подали коронное блюдо — свинину, запеченную в земляной печи. Гарниром служили капуста, салат и клубни сладкого картофеля — батата. Хлеба на столе не было, вместо него в корзиночке лежали желтоватые ломтики вареных плодов хлебного дерева и серо-коричневые кусочки таро.

По дороге на причал я спросил у Маршалла, нельзя ли раздобыть для коллекции экземпляр характерного наземного ракообразного Океании — пальмового вора (*Birgus latro*). До сих пор мне ни разу не удавалось поймать этого крупного рака или хотя бы увидеть его в природных условиях. Оказалось, что у Маршалла в лаборатории был заспиртованный экземпляр, и он тут же отправился за ним.

Пальмовый вор становится теперь все более редким, так как его преследуют ради вкусного мяса. По своему систематическому положению он близок к ракам-отшельникам: молодые животные тоже прячут мягкое брюшко в пустой раковине моллюска. Сведения об этом раке, которые можно почерпнуть и в научной и популярной литературе, во многом весьма противоречивы.

«Пальмовый вор, — сообщает, одна из книг, — называется так потому, что по ночам залезает на кокосовые пальмы, отстригает орехи и затем спускается вниз, чтобы

В самоанском доме нет стен — так его лучше продувает свежий морской ветерок

полакомиться ими. Своей большой клешней рак вскрывает орех и выедаёт жирную копру». Описывают такой способ ловли пальмовых воров. В роще, где замечены эти животные, нужно ночью прибить на стволах пальм дощечки. Когда рак, спускаясь вниз, коснется такой дощечки концом брюшка (сигнал, что спуск окончен), он отпускает лапы и, падая на землю, разбивается. Тому, кто хоть раз пытался вскрыть кокосовый орех, должно быть ясно, что никакой рак с такой работой не справится. Чтобы добраться до содержимого ореха, сперва нужно удалить толстый слой волокнистой койры. Человек делает это при помощи топора или большого тяжелого тесака. Но и это еще не все. Копра одета снаружи прочной скорлупой, которую вскрыть рачьей клешней невозможно. Некоторые авторы утверждают, будто оторванные пальмовым вором орехи разбиваются при падении, что также совершенно исключено: толстая волокнистая оболочка надежно защищает орехи от повреждений. Но тогда неясно, для чего вообще рак лазает на пальмы, ведь орехи и сами в изобилии падают вниз во время сильного ветра или при созревании. Исходя из этих соображений можно предположить, что все рассказы о пальмовых ворах, лазающих на деревья, — чистейший вымысел и что они вообще не едят кокосовых орехов. Но я сам видел в кино, как этот рак проворно поднимается по стволу. В книге О. Б. Мокиевского «Ну-

сантара» помещена оригинальная фотография — пальмовый вор на стволе пальмы *. В общем, как это часто бывает, образ жизни обычного животного остается неизвестным, и непроверенные сведения о нем переходят из книги в книгу.

Маршалл где-то задержался и привез свой подарок уже перед самым отходом «Дмитрия Менделеева». Я не успел спросить его мнения о поведении пальмового вора и проверить сведения о том, что крупный рак, защищаясь, способен перекусить клешней кисть человеческой руки.

Раздались прощальные гудки, и в наступающей темноте мы стали быстро уходить в открытое море. Работы на рифах у высоких островов закончились, нас ждали атоллы.

* О. Б. Мокиевский, Нусантара, 1966.

АТОЛЛЫ

Кольцо или ожерелье? Три теории происхождения атоллов. Здесь не живут ни хищники, ни ядовитые твари. Сухопутные раки-отшельники меняются квартирами. Атоллы «сухие» и «влажные». Универсальная кокосовая пальма. Голубые кораллы. День в лагуне

Каждый знает, что атоллы имеют форму кольца. На рисунках в учебниках их так и изображают — среди океанских волн желтеет правильное колечко суши с редкими пальмами, окаймляющее тихую лагуну. Атолл и на самом деле имеет более или менее округлые очертания, но часто его кольцо разорвано или же состоит из множества отдельных островков, образующих скорее ожерелье. Именно так выглядит атолл Фунафути из архипелага Эллис, в лагуне которого «Дмитрий Менделеев» простоял целых пять дней. Главная часть Фунафути, там, где расположен единственный поселок Фонгафали с его 900 жителями, имеет вид длинной вытянутой косы, поросшей густой растительностью. По обеим ее сторонам из моря выступают маленькие островки. Они-то и создают кольцо. Лагуна Фунафути очень широкая, до 20 км в поперечнике. В ветреную погоду по ней гуляют солидные волны. Недаром известный специалист по географии моря К. Валло приравнивает лагуны таких больших атоллов к внутренним морям. Маленькие островки атолла Фунафути не населены. Точнее, на них нет никаких построек, но жители деревни посещают их время от времени для сбора кокосовых орехов и ловят здесь рыбу. Кстати, нас сразу же предупредили, что вблизи маленьких островков в лагуне можно встретиться с акулами. Уже при первом погружении наших аквалангистов акулы ими заинтересовались. Одна из них близко плавала около Москалева, другая подплыла к Голикову, когда он увлекся подсчетом и сбором донного населения на контрольной метровой площадке. Хищницу вовремя заметил рабо-

На внешнюю сторону атолла постоянно накатываются волны...

тавший в паре с Голиковым Алик Киселев. Акулу отпугнули, но пришлось усилить страховку аквалангистов под водой и наблюдение за ними с лодки. Впрочем, акулы не проявляли агрессивности.

Атоллы недаром называют низменными островами; их самая высокая часть обычно поднимается над уровнем моря всего на несколько метров. Глубина лагуны не превышает 10—15 м, а сразу за внешним краем атолла начинается крутой свал, идущий до океанского ложа, то есть на глубину 3—5 км.

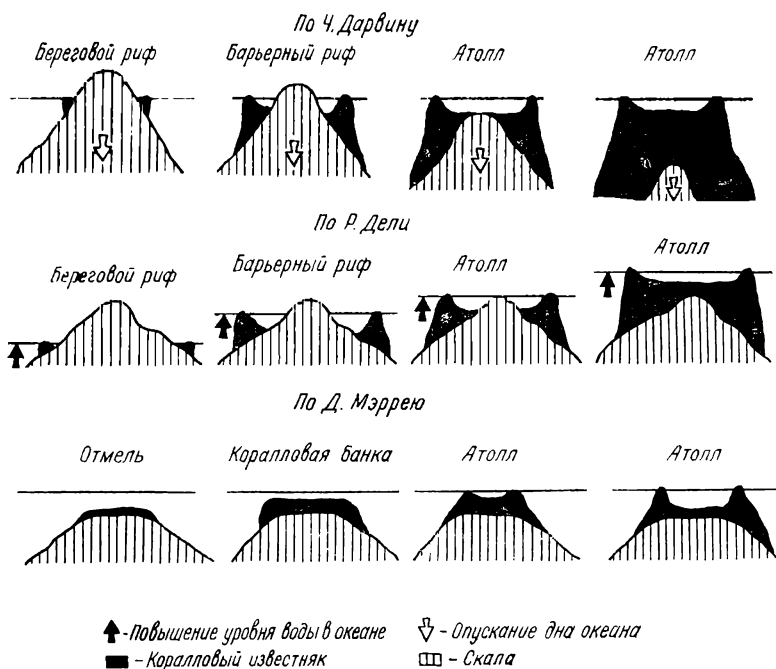
Происхождение атоллов долгое время казалось загадочным, да и сейчас эта проблема не решена окончательно. Ч. Дарвин предположил, что атоллы возникают на месте «затонувших» островов. Рифообразующие кораллы растут лишь на небольших глубинах, они создают по берегам высоких тропических островов окаймляющие рифы. Если дно океана начнет опускаться, остров будет уходить под воду, а кораллы станут тянуться,

вверх. Тогда окаймляющий береговой риф превратится в барьерный, между ним и остатком острова возникнет водное пространство — лагуна. Если же и вершина острова скроется под водой, барьерный риф превратится в атолл. На примере различных островов Океании можно проследить за всеми стадиями этого процесса. Ч. Дарвин высказал свою теорию в книге «Строение и распространение коралловых рифов» еще в 1842 г. Вначале она казалась неопровержимой, но позднее возникли некоторые сомнения. Если следовать теории Дарвина, дно всей центральной части Тихого океана должно было только опускаться, тогда как известны вполне достоверные случаи обратного процесса.

В 1880 г. Мэррей предложил совершенно новую теорию. По его мнению, атоллы возникают по краям широких отмелей, остающихся после разрушения скалистых островов или вулканов. Вначале риф образуется по всей отмели, но впоследствии его центральная часть, испытывая недостаток в кислороде и питательных веществах, отмирает и превращается в лагуну. Однако эта гипотеза не в состоянии объяснить происхождения барьерных рифов и лишена той стройности, которой так выгодно отличается теория Дарвина. Американец Дели в 1915 г. вполне справедливо предположил, что совершенно безразлично, будет ли опускаться дно моря или подниматься уровень его поверхности. И в том и в другом случаях острова «утонут», а рифы из окаймляющих превратятся сперва в барьерные, а затем и в атоллы. По мнению Дели, все атоллы появились в результате таяния льда и повышения уровня океана после окончания последнего ледникового периода.

Проверить эти теории можно путем бурения на атоллах. Согласно Дарвину, скальная основа атолла может опуститься на любую глубину. По теории Дели, слой коралловой извести под всеми атоллами должен быть равен примерно 70 м (именно на такую величину повысился уровень Мирового океана при таянии льдов). По Мэррею, коренные породы должны подстилать коралловый известняк на глубине не свыше 50 м.

Хотя сейчас считается, что дарвиновская теория в некоторых деталях уязвима, но бурения, проводившиеся в разных местах Океании, опровергли идеи и Мэррея, и Дели. На атолле Фунафути на глубине 367 м все еще

Схемы происхождения атоллов

находится коралловый известняк, на Бикини (Маршалловы острова) он обнаружен даже на 820-метровой глубине. Вулканической основы достигли лишь на атолле Эниветок из того же архипелага. Для этого пришлось пробурить почти полторакилометровую скважину. Вот на какую глубину погрузилось древнее основание атолла! Значит, именно на эту величину кораллы надстроили над древним вулканом гигантский усеченный конус из своих скелетов. Только самый край вершины коралловой постройки выступает из океана. Как же выглядит он вблизи?

Подплыв к берегу со стороны лагуны, я вытащил резиновую надувную лодку на пологий пляж из спящего глаза белого кораллового песка и направился в тень зарослей. Сразу же лицо облепили маленькие песчаные мухи, в изобилии водящиеся на атоллах и заменяющие здесь гнус тайги и тундры. Отмахиваясь от докучливых насекомых и путаясь ногами в переплетении стеблей и

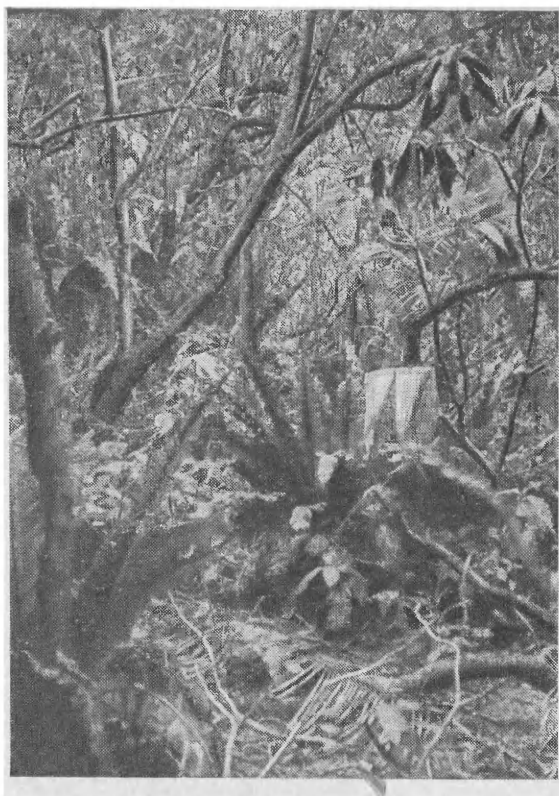
Вдоль берега прямо из обломков кораллового полипняка поднимаются густые заросли пандануса

выступающих сухих корешков жесткой травы, я все время следил, чтобы не напороться на опунцию. Этот представитель семейства кактусовых — выходец из тропической Америки — растет теперь во многих засушливых районах Африки, Азии и Австралии. Завезли его и на некоторые атоллы Океании. Острые длинные колючки опунции больно впиваются в тело и способны проколоть даже толстую подошву кед. Опунцию используют в качестве живой изгороди, но что и от кого нужно ограживать на атоллах — непонятно. Некоторые ее виды,

например *Opuntia ficus indica*, дают съедобные кисло-сладкие плоды величиной со сливу. Благодаря растущим прямо на песке опунциям, сухим серебристо-зеленым злакам лепидиумам (*Lepidium*) и безлистным побегам касситы (*Cassytha*) неширокая полоса между пляжем и зарослями кажется перенесенной на атолл из пустыни. Далее стеной стоят высокие кусты или небольшие деревья мессершмидтии (*Messerschmidtia*) и панданусов (*Pandanus*). Особенно характерны панданусы. Они поднимаются вверх на многочисленных дополнительных стволах; длинные узкие листья с острыми зазубренными краями целыми пучками свисают вниз с концов ветвей. Благодаря этому растение отдаленно напоминает наши плакучие ивы. Кое-где на ветках висят плоды, похожие по форме, величине и цвету на ананас, но далеко не такие вкусные. Тем не менее они все же съедобны. Зрелый плод легко разделяется на небольшие дольки с сочной серединной частью. Их жуют, сплевывая жесткие чешуйки наружного покрова плода.

Преодолев плотную преграду из панданусов и цветущих в это время года мессершмидтий, я очутился в полутьме влажного тропического леса. Над головой сомкнулись кроны кокосовых пальм и высоченных пинсоний (*Pinsonia grandis*). Все пространство между их стволами почти в человеческий рост заполнили папоротники и кусты моринды (*Morinda*), кордии (*Cordia*) и евфорбии (*Euphorbia*). Кое-где из-под них выбиваются листья молодой кокосовой пальмы. Под ногами повсюду разбросаны и недавно упавшие, и едва начавшие прорастать, и погибшие орехи. В жарком и влажном воздухе стоит запах гниющей древесины и прелых листьев. Стоит наступить на поваленный ствол пальмы — и нога уходит в мягкую труху. Из-под ствола с шуршанием разбегаются маленькие сухопутные крабы и вперевалку ползут наземные раки-отшельники ценобиты (*Coenobita*). На атоллах мне попалось два вида этих забавных ракообразных: один — с бледно-сиреновой большой клешней, другой — красный в мелкую крапинку.

Ценобиты, как и родственные им пальмовые воры, размножаются в море. Здесь выклеваются из яйца их плавающие личинки. После превращения личинки в маленького рачка ценобиты выбираются на сушу и

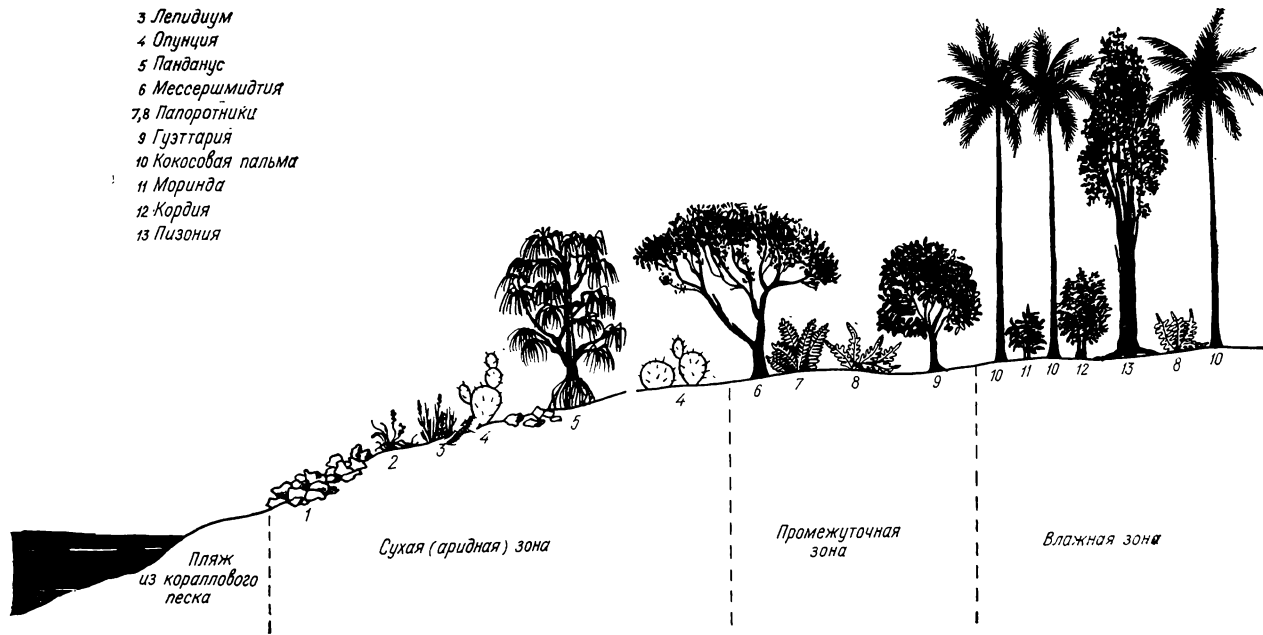
Тропический лес «влажного» атолла

только в период размножения ненадолго спускаются в море. Подобно водным ракам-отшельникам, ценобита прячет мягкое брюшко в пустой раковине моллюска. Рачки находят себе домики среди морских выбросов, обычно это обкатанные волнами раковины моллюска кубаря (*Turbo*). По мере роста рака жилище становится ему тесным, и он начинает искать себе новое. Обычно все доступные раковины из выбросов бывают уже заняты, и тогда между ценобитами начинается борьба за «жилплощадь». Несколько ценобит, пойманных на атоллах, мы долго содержали в лаборатории на судне, а потом они попали в Ленинград. Здесь в просторном тер-

тариуме под лучами электрической лампочки ценобиты жили очень мирно, пока я не заметил, что для одного из них раковина стала мала. Она к тому же была повреждена на вершине, и из отверстия постоянно вылезал мягкий кончик рачьего брюшка. Я положил в террариум пустую раковину подходящего размера и стал наблюдать за происходящим. Обычно флегматичный ценобита пришел в сильное возбуждение. Сперва он забегал вокруг раковины, ощупывая ее со всех сторон усиками. Затем запустил внутрь клешню и проверил, все ли там в порядке, нет ли другого жильца. Потом поднял раковину над собой устьем вниз и начал крутить, чтобы из последних завитков высыпался песок. Только после этого он осторожно вытянул брюшко из старой раковины и молниеносно скрылся в новом помещении. Старую раковину тем не менее не отпустил, а продолжал крепко держать клешней. Ведь новая могла оказаться неподходящей, тогда можно было вернуться на старое место. Как станет видно из дальнейшего, старая раковина действительно пригодилась новоселу. Заметив манипуляции по переселению, к месту события бочком подобрался другой ценобита. Он был покрупнее размером и без всякого стеснения запустил свою клешню в только что занятую раковину. Там он ухватил жильца за мягкое брюшко и выволок его наружу, а в раковину залез сам. Я положил ценобитам вторую раковину, но мир в террариуме был нарушен, и начался период насильственных переселений. Новые раковины были немного великоваты, и рачки передвигались с трудом. Поэтому им приходилось на всякий случай таскать за собой еще и старое жилище, вид которого побуждал других ценобит начать драку за его обладание. В течение нескольких дней ценобиты ничего не ели, а только менялись раковинами.

Кроме наземных крабов, ценобит и пальмовых воров, то есть животных морского происхождения, на атоллах почти нет сухопутных животных. Здесь водятся лишь несколько видов ящериц, в том числе проворная лигосома (*Lygosoma cyanurum*) с зеленоватым телом и ярко-голубым хвостом и маленький серый геккон (*Gecco*), поселяющийся обычно в хижинах аборигенов. Из млекопитающих животных только на некоторых атоллах попадают крысы, завезенные кораблями.

- 1 Обломки отмерших кораллов
- 2 Кассита
- 3 Лепидиум
- 4 Опуния
- 5 Панданус
- 6 Мессершмидтия
- 7,8 Папоротники
- 9 Гуэттария
- 10 Кокосовая пальма
- 11 Моринда
- 12 Кордия
- 13 Пизония

Распределение растительности на «влажном» атолле

Здесь нет ни змей, ни хищников, и потому бродить по густым зарослям совершенно безопасно.

Ближе к океанской стороне рощи на нескольких рядом стоящих деревьях расположилась гнездовая колония белых крачек. Вообще крачки — птицы открытого пространства, они гнездятся прямо на прибрежном песке или гальке, вырывая там неглубокую ямку и скудно устилая ее сухими травинками. Белая крачка атоллов (*Gygis alba*) — лесная птица. Она свободно летает между деревьями, садится на их ветки и на скользкие пальмовые листья и даже строит здесь гнезда. Повсюду среди густой зелени мессершмидтий виднелись сидящие на единственном яйце белые птицы с тонким голубым клювом.

На атоллах птиц очень много. Почти все они, так же как и белая крачка, питаются в море, а на суше появляются только для отдыха и в период гнездования. Это различные буревестники, фрегаты, олуши, один вид аистообразных (*Demiegretta sacra*), кулики. Лишь на некоторых атоллах встречаются представители отряда голубей, жизнь которых не связана с морем.

Сразу после колонии птиц опять пошли панданусы, потом опунции, наконец я вышел на океанскую сторону острова. Здесь волны набросали на берег крупные обломки кораллов, между которыми сновали крабы, а на меня опять набросились песчаные мухи. Всего каких-нибудь 100—200 м от лагуны до океана — и столь непохожие друг на друга ландшафты! Но так обстоит дело только на «влажных» атоллах, расположенных в зоне частых дождей. Несколькими днями позднее мы посетили атоллы Гарднер (архипелаг Феникс), Маракеи и Бутаритари (архипелаг Гилберта). Здесь осадков выпадает значительно меньше и потому растительность гораздо скуднее. Особенно мало ее на атолле Гарднер, где за последние восемь лет не выпало ни капли дождя.

Вначале предполагалось, что группа биологов сможет проработать на Гарднере несколько дней. Для нас это было бы очень интересно, так как остров уже несколько лет безлюден и на численность прибрежных морских животных влияния человека не сказывается. Однако высадиться на остров оказалось трудно. Единственный проход в лагуну позволяет в полную воду проташить только небольшие лодки. О том, чтобы прой-

ти туда на мотоботе, не могло быть и речи. Высадка на берег с океанской стороны с оборудованием и запасами продовольствия и воды довольно рискованна. Поэтому наш капитан М. В. Соболевский, перед тем как разрешить перевозку на берег членов экспедиции, решил познакомиться с условиями высадки лично. С ним отправилось семь человек, в том числе Ю. А. Рудяков, от которого я и узнал некоторые подробности. Кокосовые пальмы, способные расти даже в сильно засоленном грунте, на Гарднере оказались близкими к вымиранию. Молодых растений вовсе нет, старые — очень сухие, почти лишенные листьев, орехи отсутствуют. Не растут ни панданусы, ни папоротники, только вдоль береговой полосы еще сохранились растения засушливого пояса. Жителей Гарднера пришлось перевезти на другие острова. Рудяков побродил по заброшенному поселку, вокруг которого видел несколько одичавших кур. Пока он находился в поселке, оставшийся у катера матрос полез в воду за каури и здесь его укусила мурена. Капитан стал осматривать лагуну. Едва он вошел в ее зеленоватую воду, как к нему со всех сторон бросились акулы. Высадку на Гарднер решили отменить. Атоллы Маракети и Бутаритари оказались не такими «сухими», как Гарднер, но и на них не было того буйства растительности, которое так характерно для «влажного» Фунафути.

Очень остро стоит на всех атоллах проблема пресной воды. Здесь нет никаких естественных водоемов и сток осуществляется прямо в океан и в лагуну. Жители атоллов во время дождя пытаются запасти пресную воду, но для создания больших запасов их технические средства и емкости (скорлупы кокосовых орехов) явно недостаточны*. Население низменных островов, по-видимому, шьет очень мало. Жажду утоляют кокосовым молоком, его же используют для приготовления некоторых блюд. И все же на атоллах (кроме самых «сухих») всегда можно достать некоторое количество пресной воды. Во время дождя часть ее просачивается через тонкий слой почвы и задерживается в порах и щелях подстилающего плодородную землю кораллового известняка. Вода

* Теперь жители атоллов стали запасать воду в железных бочках из-под бензина.

скапливается и между обломками кораллов — грунт атоллов очень хорошо дренирован самой природой. Естественно, что через эти же полости в почву атолла легко проникает и соленая океанская вода, но она не поднимается выше уровня океана и почти не смешивается с пресной дождевой водой из-за разницы в удельном весе. Более легкая пресная вода располагается поверх морской, и чем ближе к поверхности, тем меньше в ней соли. Конечно, далеко не по всему атоллу имеются такие грунтовые воды, для этого нужен пористый грунт. Обычно пресная вода скапливается в виде линз, и в таких местах островитяне роют ямы-колодцы глубиной до 1—3 м. Воду из них нужно брать очень осторожно, чтобы не перемешать, и понемногу, так как ограниченная небольшим объемом пресная вода поступает в колодец с его боков значительно медленнее, чем морская, которую подпирает снизу весь океан.

Воду из колодцев используют для приготовления пищи и полива огородов. Жители атоллов выращивают папайю, таро, бананы и другие растения, но главной сельскохозяйственной культурой им служит кокосовая пальма (*Cocos nucifera*).

Пальма эта растет повсюду на островах Океании. Не будь ее, они никогда не были бы заселены. Растение требует много тепла, много света, минимум обработанной почвы и пресной воды. Оно хорошо растет на коралловом известняке, покрытом лишь тонким гумусовым слоем, и не боится близости океана. Жителям атоллов кокосовая пальма дает все (или почти все) необходимое для жизни. Во всяком случае, то, что нельзя получить на рифе, они берут у кокосовой пальмы.

Начнем с того, что кокосовая роща дает тень, в которой так приятно скрыться от палящего солнца. Пальмы составляют основу всего зеленого массива атолла. При неблагоприятных условиях большинство растений атолла погибает, и только кокосовые пальмы часто переживают период даже длительной засухи. Поэтому они растут на всех островах Океании. Там, где есть пальмы и тень от их рощ, лучше сохраняется и пресная вода. Стволы кокосовой пальмы — главный источник древесины на атоллах. Их используют для различных строительных конструкций: опор хижин, стропил и т. п., а

также на столярные изделия. Из обрубков ствола вырезают фигуры предков и божков, прежде имевших культовое значение, а теперь изготавливающихся для продажи (жители атоллов — христиане). Наколотая древесина как непосредственно, так и пережженная на уголь служит топливом для приготовления пищи. Очень разнообразно применение листьев. Форма листа кокосовой пальмы перистая — от срединного черешка в обе стороны отходят под острым углом многочисленные боковые доли рассеченной листовой пластинки. Если свежесрубленные листья положить на землю параллельно друг другу, то дольки каждого двух соседних листов можно переплести между собой в виде рогожки. Затем черешки втыкают в землю, и получается очень хороший плетень. Сухими листьями кроют хижины, ими же прикрывают от солнца молодые посевы таро. Из расщепленных черешков плетут циновки, корзины, шляпы и другие изделия. Волокна черешка настолько прочны, что ими привязывают к рыболовным сетям грузила из кусков коралла и тяжелых раковин. Жители атоллов любят украшать себя по праздникам венками из цветов. Основу венка тоже делают из расщепленных на волокна листовых черешков. Сухой лист прекрасно горит. Он служит населению вместо факела при ночной ловле рыбы. Из корней получают краску и готовят лекарство от расстройства желудка.

Больше всего используются, конечно, плоды пальмы — кокосовые орехи. В среднем орех достигает размеров человеческой головы. Он покрыт снаружи тонкой блестящей кожицей, под которой находится мощный слой коричневых волокон — койра. Она плотно облегает твердую сферическую скорлупу ореха. У молодых, еще зеленых плодов койра беловатого цвета, а в полости скорлупы содержится чуть мутноватая жидкость — кокосовое молоко. Оно имеет специфический привкус, содержит немного соли, сладковато на вкус, но прекрасно утоляет жажду. По мере созревания ореха койра темнеет, а на стенках внутренней стороны скорлупы образуется белая копра. Вначале она очень нежная, как желе, затем становится все более твердой и жирной.

У вполне созревшего ореха слой копры под твердой скорлупой — толщиной в палец. Он имеет консистенцию

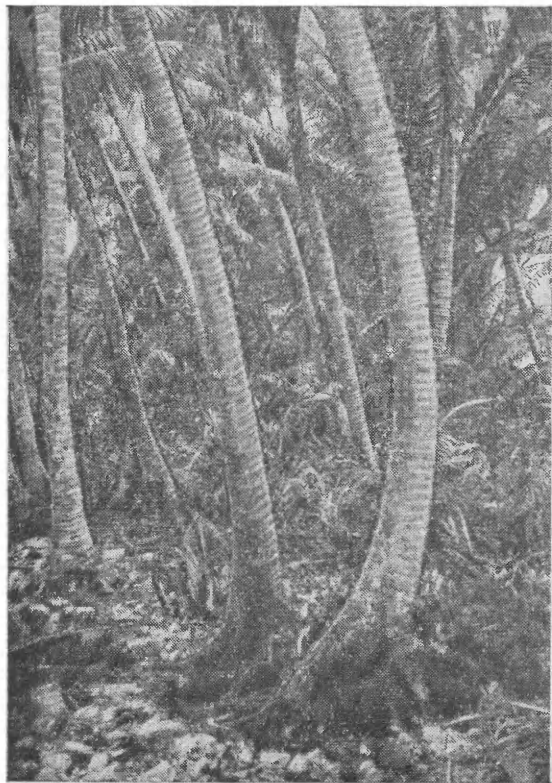
хряща. Молоко в таком орехе занимает только часть пространства и теряет свои вкусовые качества.

И молоко и копру орехов различной степени зрелости используют для приготовления повседневных блюд. Молодую копру соскабливают и смешивают с молоком — получается нечто вроде каши. Зрелую копру едят сырой, и она хрустит на зубах. Ее также сушат, а затем продают как сырье для кондитерской и парфюмерной промышленности. Сушеная копра — главный предмет внешней торговли населения атоллов. Но и сами жители изготавливают из жирной копры масло для питания и для заправки светильников, а жмыхами откармливают свиней, если они есть у жителей острова *. Волокна койры — прекрасный материал для плетения веревок, матов, сандалий и изготовления щеток. Твердые скорлупки служат удобными сосудами для питья, еды и хранения различных жидкостей. Налив в скорлупку кокосовое масло и опустив в него фитиль, получают светильники. Сожженная скорлупа дает высококачественный уголь для приготовления пищи.

Я закончил экскурсию по суше атолла сбором насекомых. Их здесь немного. Кроме мух и комаров на атоллах обитает несколько видов муравьев и ос, а также огромные тараканы (*Periplaneta australasiae*). В зарослях влажного тропического леса срединной полосы атолла летает масса мелких бабочек, величиной с моль. Вообще бабочки, особенно дневные, на атоллах редки, зато там довольно обычны совки и крупные бражники. Видел я и стрекоз. Так как их личинки живут в пресноводных водоемах, остается предположить, что они сумели приспособиться к условиям атолла и довольствуются солоноватыми колодцами аборигенов. Предположение, что стрекозы попадают на атоллы с высоких островов, мало вероятно из-за больших расстояний, которые им пришлось бы преодолеть.

Дно лагуны Фунафути у берега островка устлано обломками старого кораллового полипняка. Часть их имеет плоскую форму и лежит в беспорядочном нагромождении между участками дна с живыми кораллами.

* Копра имеет и стратегическое значение — из нее получают пальметиновую кислоту, которую используют при производстве напалма.

Кокосовая пальма — важнейшая сельскохозяйственная культура атоллов. Когда «Дмитрий Менделеев» снова посетил атолл Фунафути в 1973 г., пальмовые рощи были погублены ураганом по имени «Биб»

Фото А. А. Аксенова

Перевертывая такие плиты, всегда можно найти что-нибудь интересное. Под ними прячутся раки-отшельники, осьминоги, различные другие моллюски. Под маленькими обломками, которые шевелятся во время волнения, мало что найдешь; очень большие плиты усилиями одного-двух человек сдвинуть с места не удастся, поэтому выгоднее всего перевертывать обломочный материал средней величины. Зайдя в воду на глубину около полутора метров, я увидел перед собой нагромождение плит подходящего размера и, надев матерчатые перчатки, чтобы не поцарапать руки, приподнял и поставил вертикально первую глыбу. На гладкой, поросшей налетом водорослей нижней стороне плиты, как два огромных карих глаза, блестели прекрасные мавританские ципреи (*Mauritia mauritiana*), каждая величиной с половинку небольшой груши. Когда ципрея спокойно сидит на своем месте, ее раковина прикрыта снаружи двумя темными складками нежной кожи — мантией. Потревоженные моллюски медленно втягивали мантию, обнажая блестящую поверхность раковины. Казалось, что это лениво раскрываются веки двух больших томных глаз неведомого морского существа.

Мавританская ципрея — один из красивейших моллюсков Океании. До сих пор они нам нигде не попадались, и это была необыкновенная удача. Засунув добычу в карман штормовки, я нагнулся над следующей плитой и нашел под ней еще одного такого же моллюска. Через полчаса все мои карманы оттопырились: в них сидело два десятка крупных моллюсков, один прекраснее другого. Цвет раковины мавританской ципреи темно-коричневый, почти черный; на срединном поле выпуклой стороны разбросаны крупные светло-кофейные и палевые пятна. Теперь в нашем распоряжении была серия раковин, различающихся величиной и цветом пятен.

Около другого островка на песчаном дне, вблизи выхода из лагуны, наши аквалангисты обнаружили целое поле огромных моллюсков крылорогов, или лямбисов (*Lambis lambis*). Вес живого моллюска достигает 1,5 кг, причем две трети этой величины приходится на раковину. Первым заметил их Валерий Левин. Он нырнул на глубину около 5 м, сразу же вернулся, тяжело отдуваясь, и одного за другим вытащил на мотобот

штуку пять тяжелых моллюсков. Раковина крылорога сверху обрастает водорослями, покрывается буроватым налетом и делает моллюска малозаметным на фоне грунта. Только выпуклая форма и семь толстых, торчащих в стороны отростков, похожих на рога, выдают животное зорким глазам подводного охотника. Нижняя сторона раковины глянцевая, нежного розового цвета, иногда светло-желтая. Местные жители собирают этих моллюсков главным образом ради вкусного мяса.

Появление Левиа с раковинами вызвало на боте сильнейшее оживление — все немедленно поплыли в указанном направлении и только хотели начать сборы, как были остановлены отчаянным криком Голикова. Прежде чем трогать моллюсков, он должен был произвести их подсчет на месте и осмотреть, насколько велико все поселение. По дну протянули мерный шнур и стали считать плотность популяции. Только после окончания всех промеров и выбора моллюсков с нескольких контрольных площадок было разрешено собирать раковины. Их оказалось так много, что шесть человек за несколько минут подняли на борт более двухсот животных. Охотничьи страсти были удовлетворены до предела. Но не нужно забывать, что все ныряльщики были биологи, любящие и ценящие природу и бережно относящиеся к животным. Вдоволь налюбовавшись трофеями и отобрав по нескольку приглянувшихся экземпляров, моллюсков вернули на дно лагуны.

Теперь все усилия были направлены на поиски голубых кораллов. Всем, конечно, хорошо известны красные кораллы (*Corallum*), из которых делают красивые бусы, броши и другие ювелирные изделия. Красный коралл промышляют в Средиземном море, вдоль побережья Атлантического океана — от Ирландии до Бискайского залива, на Мадейре, Канарских островах и у берегов Японии. В тропиках он не встречается. На коралловых рифах главную роль играют мадрепоровые кораллы с сахарно-белым скелетом, а в приэкваториальной зоне к ним присоединяются еще и голубые, или солнечные, кораллы (*Heliopora*).

Скелет голубых кораллов имеет красивый кобальтовый цвет, снаружи живая колония буровато-серая и не бросается в глаза. В коллекциях Зоологического института было лишь несколько небольших обломков голу-

бого коралла, и мне уже давно хотелось получить целые колонии для научного фонда и демонстрации в музее. Мы долго работали на коралловых островах Океании, но такие необыкновенные кораллы нам пока еще не попадались. Лишь один раз мы могли бы собрать их в нужном количестве, но узнали об этом слишком поздно. Два месяца назад, когда «Дмитрий Менделеев» кончил работы на рифах маленького экваториального острова Науру и находился в открытом океане на пути к архипелагу Новые Гебриды, мы разбирали ночью в лаборатории последние науруанские сборы. Голиков вывернул в эмалированный таз содержимое тяжелой питонзы, которую несколько часов назад набил на глубине 10 12 м всем тем, что помещалось в метровую рамку для количественного учета данных животных. Как всегда, он принялся записывать в журнал латинские названия. Потом подошел ко мне с каким-то буроватым предметом.

— Никак не могу определить, что это такое. До сих пор нам такие не попадались, — сказал он и положил передо мной вожделенный голубой коралл.

В первую минуту я потерял дар речи. Вместо ответа взял зубную щетку и стер с поверхности тонкий слой живых тканей, под ними показался синий скелет. Все объяснения были излишни. Весть о необычной находке быстро облетела весь корабль; в лабораторию, не обращая внимания на грозные взгляды Москалева, набились любопытные. Даже капитан и начальник экспедиции пришли посмотреть на это чудо. Оказалось, что никто еще не видел голубых кораллов, а большинство даже не подозревало о их существовании. Обломок переходил из рук в руки, а у меня в голове бродила безумная мысль попросить начальника экспедиции вернуться на Науру. Ночью в каюте Голиков сокрушенно заметил, что видел целые заросли солнечных кораллов, но его обманул их невзрачный цвет.

Я был уверен, что на Фунафути, расположенном вблизи экватора, голубые кораллы должны быть, сам усиленно искал их и просил о том же всех аквалангистов. Освободив дори от груды лямбисов, мы подошли поближе к берегу и разбрелись в разные стороны, тщательно осматривая дно. Меня позвали сразу трое, каждый нашел по большой колонии. Оказалось, что голу-

бых кораллов много, форма колоний очень разнообразна, но некоторые из них невозможно отколоть от грунта. Тогда мы начали спокойно и планомерно обследовать отмель. Сперва подсчитали количество голубых кораллов на контрольных площадках, потом выбрали лучшие экземпляры и стали подносить их к надувной лодке, чтобы переправить на дори. Огромные колонии, по несколько десятков килограммов каждая, после долгого выколачивания их при помощи ломиков, длинных зубил и молотков отделили от коралловой платформы и втащили на бот. Одну из них теперь может видеть каждый посетитель ленинградского Зоологического музея; она привезена с далекого атолла Фунафути, где много лет росла в прозрачной горячей и соленой воде лагуны.

Прибытие в лагуну океанского корабля — событие огромной важности для обитателей атолла. Все население поселка перебивало у нас в гостях. Их угощали щами, котлетами и компотом, а потом показывали киножурналы. Обед всем понравился, а в кино зрители сидели молча и довольно равнодушно смотрели, как сползают с конвейера грузовики, мчатся электропоезда, огромные краны собирают крупноблочный дом, как ложатся за трактором борозды в бескрайней целинной степи. Но вот на экране появилась Москва, и зал оживился. Послышались восторженные возгласы, все начали переговариваться между собой, сидевшие в последних рядах повскакали с мест, стали пробираться поближе. В нашей столице жителей атолла заинтересовали не архитектурные особенности, не мосты и не метро — их поразили обилие и красота цветов в парках и на газонах. Восторг достиг предела, когда замелькали кадры с цветниками Главного ботанического сада и ВДНХ. Достижения современной техники чужды жителям атоллов, зато они высоко ценят все прекрасное, очень любят цветы, музыку, танцы. В этом мы убедились в один из вечеров, когда были приглашены в деревню на праздник, устроенный в нашу честь, но не меньшее удовольствие доставивший и самим организаторам.

В этот вечер шел сильный дождь, я заложил свой портативный магнитофон в двойной полиэтиленовый мешок, а кинокамеру и фотоаппараты оставил в каюте, о чем впоследствии горько пожалел. Пожилой человек,

встречавший гостей у причала, предложил женщинам крытый джип. Мужчины при свете карманных фонариков отправились следом по плотно утрамбованной дороге. Прием происходил в большом павильоне. Стен в здании не было, крыша опиралась на цементные опоры, на полу — циновки. Зрители, то есть члены экспедиции, расположились по краям, а центр заняли артисты — почти все взрослое население атолла. Они образовали две группы, в каждой из которых были музыканты (только мужчины), певцы обоего пола и несколько молодых девушек — танцовщиц. Все, кроме танцовщиц, сидели на циновках. Костюм мужчин был предельно лаконичен и ограничивался шортами. Женщины надели открытые белые блузки с короткими рукавами и юбочки. Юбки танцовщиц, несколько более пышные, были изготовлены из свисающих полосок какого-то плохонущего материала (может быть, широких листьев пандануса). Нижние полоски — желтые, верхние — светло-зеленые. Щиколотки и запястья оплетены ожерельями зеленых листьев, на головах — яркие венки из белых и красных цветов. Танцы и пение под аккомпанемент гитар и больших барабанов исполнялись поочередно то одной группой, то другой. Очевидно, репетиции и спевки устраиваются регулярно, а артисты обладают несомненно хорошим слухом и очень приятными голосами. Все песни и танцы исполнялись совершенно свободно, я бы даже сказал — профессионально, хотя выступали перед нами рядовые жители атолла. И мелодии, и наряды, и фигуры танцев остались такими же, как в глубокую старину, когда население не знало здесь еще белого человека и искусство развивалось в духе старых традиций. Только одно новшество было привнесено на праздник из современности — яркое электрическое освещение (оказалось, что в поселке есть маленькая электростанция). По временам включали даже юпитеры для кино- и фотосъемки. В середине вечера был сделан перерыв, во время которого староста деревни и капитан Соболевский обменялись речами, после чего концерт продолжался. Наша молодежь по просьбе хозяев тоже спела несколько русских песен. Запевала и исполняла сольные номера буфетчица Марина, обладающая очень приятным и довольно сильным голосом, но она была одна, а на Фунафути все жители деревни поют так же хорошо, как

наша Марина. Когда шли домой, дождь уже кончился, ярко светили звезды. Молодой месяц плавал рогами вверх на дальнем краю лагуны.

На атолле Маракеи в архипелаге Гилберта мы были всего два дня, но видели здесь так много интересного и запаслись таким количеством впечатлений, что потом казалось, будто мы пробыли на нем очень долго. Особенно запомнился день, проведенный в лагуне. Маракеи — маленький, почти сплошь замкнутый атолл, всего 2—3 км в поперечнике. Лагуна соединяется с океаном двумя узкими проходами. С утра, захватив все необходимое оборудование, запас продовольствия и пресной воды, мы высадились с дори на песчаный берег вблизи одного из проходов. Здесь же раскинулась и маленькая деревенька, состоящая из десятка пальмовых хижин. Нас встречали дети. Совершенно голые или едва одетые ребятишки обступили место выгрузки и с любопытством наблюдали за происходящим, но ничего не трогали. Взрослые мужчины были вежливы и сдержанны. Они разлеглись невдалеке, и их темные тела резко выделялись на фоне белого кораллового песка.

Особенный восторг детей вызвали надувные резиновые лодки, когда они стали наполняться воздухом. Сразу же нашлись желающие помогать накачивать их мехами и подтаскивать поближе различные вещи. Островитяне построили через пролив деревянный мост, соединяющий разорванную подкову атолла. Тесно стоящие мостовые быки не позволили провести под ними металлическую лодку «казанку». Пришлось нести ее в обход моста. Теперь мужское население перешло на мост и с его высоты наблюдало за происходящим. Предводительствовал сын вождя. Это был красивый, прекрасно сложенный юноша с розовым цветком в волосах. Женщины с любопытством выглядывали из дальних углов хижин, но ближе подойти не решались. Краснов спустил в пролив резиновую лодку, нагрузил ее вещами и взялся за буксирный конец. Один из малышей, вставших рядом, оказался очень инициативным. Он забрался на упругий борт и взял в руки кормовое весло. Остальная компания подталкивала лодку сзади. Через минуту Краснов уже шел по берегу, а буксировали лодку мальчишки лет от шести до десяти. Другая группа детей тащила вторую лодку. Проток в атолле Маракеи

имеет вид узенькой извилистой речушки. Во время прилива и отлива в нем возникают течения то в сторону лагуны, то обратно. Вода прибывала, и дети быстро дотащили надувную лодку до лагуны. Мы намеревались удалиться от берега максимально дальше, чтобы обследовать более глубокие места. Вскоре самым маленьким из наших помощников вода дошла до шеи. Тогда они поплыли. Пришлось остановиться и попросить детей вернуться в деревню. В это время Москалев заметил отсутствие своего рюкзака, который, очевидно, забыли на пляже в месте выгрузки на атолл. Решили разделиться и возвращаться с одной из лодок обратно. Взяли с собой и всех мальчишек. По проливу, против течения, лодку не тащили. Москалев побежал по берегу протока к поселку, а я вытащил лодку на отмель и достал из полевой сумки плитку шоколада. Каждый получил по кусочку, и вся компания расселась на стволе упавшей пальмы. В разгар пира подошли девочки, а с ними два или три совершенно крошечных, едва ходивших ребенка. Мальчишки оказались настоящими рыцарями — всем вновь прибывшим отломали от своих порций по кусочку шоколада.

Когда молчание стало тягостным, я попытался завести разговор. Обнаружив, что некоторые мальчишки понимают английский язык, я предложил им ловить крабов. Вмиг вся команда сорвалась с места и помчалась к ближайшим кустам мангров. Лучших сборщиков я никогда бы не нашел. Наверное, дети неоднократно ловили крабов и полагали, что я собираюсь их съесть. Во всяком случае, они наглядно демонстрировали, как нужно отрывать крабам лапки и жевать их.

Сперва ловец внимательно обследует вокруг большой норки следы и по степени их свежести определяет, находится ли в ней обитатель. Затем пяткой прослеживает по поверхности направление хода и, сильно придавив ногой землю, перекрывает крабу путь к глубокой части норы. Маленькая рука бесстрашно тащит оттуда упирающегося и отчаянно щиплющегося краба. Каждый ловец принес по крабу. Все терпеливо ждали, пока я рассажу добычу по полиэтиленовым мешкам. Одного малыша краб больно схватил за палец. Показалась кровь, но ребенок пренебрежительно улыбался и только крепче держал пойманное животное. Когда вернулся

Москалев, мы уже свободно понимали друг друга и дети потребовали, чтобы их сфотографировали. Выстроившись в шеренгу, они застыли перед объективом. Я достал кинокамеру и сказал, что они могут двигаться. Тогда начались уморительные пляски. Вся компания дружно и весело смеялась.

Один из мальчиков, лет семи, поинтересовался, не хотим ли мы пить. Не дожидаясь ответа, он с деловым видом осмотрел ближайšie пальмы, выбрал подходящую и стал взбираться по стволу. Жители Океании не лазают на пальмы, а ходят по ним ступнями, обнимая ствол только ладонями рук. Мы с Москалевым не на шутку испугались. Дерево было высотой с 4—5-этажный дом и сильно раскачивалось на ветру. Даже со стороны было страшно смотреть, как ребенок, перебирая руками и ногами, идет на четвереньках по стволу. Казалось, вот-вот он сорвется. К нашему ужасу, за первым верхолазом таким же образом последовал другой. Этот полез только за тем, чтобы продемонстрировать свое искусство. Между тем первый мальчуган забрался в крону и ногой сбил несколько зеленых орехов. Затем оба эквилибриста с невероятной быстротой скатились вниз. У нас отлегло от сердца, так как мы всерьез опасались, что дети упадут и насмерть разобьются, но они только весело хохотали.

Ни топора, ни большого ножа, чтобы вскрыть орехи, под руками не оказалось, но мальчишек это не смутило. Крепко держа орехи обеими руками, они вмиг очистили их зубами до твердой скорлупы. Полоски беловатой мохнатой койры так и летели в стороны! Затем тонкий, но сильный палец нащупывал тот из трех одинаковых на вид «глазков», через который из ореха при его прорастании пробивается первый лист. Мальчики продавливали его и передали нам скорлупу, наполненную прохладным сладковатым молоком. Когда мы напились, мальчишки сильным ударом по стволу пальмы разбили орехи и вернули их нам вместе с осколком, которым скабливают молодую копру.

В лагуне нас давно ждали. Мы попрощались с нашими маленькими друзьями. Они выстроились в шеренгу, тоже сказали «до свидания» и гуськом пошли в деревню, а мы потащили надувную лодку к островку, видневшемуся в лагуне.

Этот маленький вихрастый мальчуган (справа) «ходил» на вершину пальмы, чтобы угостить нас кокосовым молоком. У основания ствола ближайшей пальмы хорошо видно се имя, вырезанное на коре

Недалеко от группы мангровых деревьев, поднимавшихся прямо из воды, в лодке-однодеревке сидел полный пожилой островитянин. Долбленая лодка плясала на мелкой волне около целого лабиринта насыпей из кораллового известняка. В узких проходах стояли плетеные верши для ловли рыбы. Нам захотелось посмотреть на улов. Рыбак, свесив ноги за борт, жевал плод пандануса и сплевывал в воду кожуру, через его плечо

была перекинута сеть. Узнав, что мы интересуемся пойманной рыбой, он весело засмеялся, поднял указательный палец и, подмигнув, сказал:

— Только одна!

Рыбка была сантиметров двадцать-двадцать пять длиной. Чтобы она не испортилась на жару, рыбак уже успел ее очистить и положил под ворох мокрых водорослей. Я достал пачку сигарет и стал искать в сумке спички. Их не оказалось. Рыбак пошарил в долбленке. Сперва на свет появилась плетеная корзина с крышкой, а из нее извлечена жестянка из-под кофе, в которой и лежали совершенно сухие спички. Все закурили. Потом мы прошлись по лабиринту и стали загонять рыбок в верши, но безуспешно. Их проворные стайки проскакивали мимо нас и уходили в мутную воду между насыпями из мертвого коралла. Отдав рыболову остатки сигарет, мы стали прощаться. Тут он протянул нам коробку спичек. Правильно истолковав мой недоуменный взгляд, толстяк весело засмеялся и, подняв два пальца, пояснил:

— У меня две!

Пока мы ходили за рюкзаком, ловили крабов, пили кокосовое молоко и курили с рыбаком, наши товарищи уже закончили первый этап обследования лагуны и теперь сидели на берегу в тени пальмовой рощи. Рудяков открыл консервы, нарезал хлеб и достал бутылку «тропического довольствия» — кислое сухое вино. Едва мы сели обедать, как показался рослый островитянин в красной юбке. Он приехал на велосипеде и вел его за руль, направляясь в нашу сторону. Его привело в эту часть атолла важное дело. Оказывается, мы разбили свой лагерь как раз под той пальмой, на которой Ет (так звали прибывшего) недавно сделал насечку. Высоко в кроне была привязана скорлупа кокосового ореха, куда из пореза стекал сок и где он должен был, перебродив, превратиться в пальмовое вино (еще один продукт, который дает кокосовая пальма!). Ет охотно принял приглашение закусить вместе с нами. Наш новый знакомый оказался бывалым человеком. Он несколько лет работал на фосфатном комбинате острова Науру шофером, хорошо там заработал и вернулся на свой атолл состоятельным человеком. Оттуда он привез и велосипед, но шины теперь сильно износились, а новых

наш гость никак не может достать. Ет охотно рассказал о себе. Он владеет кокосовой рощей, у него жена, три сына и дочка. Родители живут в той же деревне (на Маракеи две деревушки). Брат Ета — глухонемой. Вообще на маленьких атоллах довольно много глухонемых*.

От Ета мы узнали, что в лагуне акул нет, а в океане их очень много. Три года назад его односельчанина акула укусила в плечо, и он вскоре умер. Для нас проблема акул тоже довольно актуальна. Накануне Голиков и Киселев, работая на грунте с внешней стороны атолла, были атакованы большой акулой. Киселев бросился на нее с лыжной палкой, которую таскал с собой вместо копья; хищница отступила. Сведения о том, что акул нет в лагуне, всех успокоили, так как нам предстояло еще провести обследование ее более глубокой центральной части.

Ет с удовольствием ел все, что ему предлагали, особенно ему понравился свежий хлеб. Он сказал, что островитяне в обмен на копру получают различные товары, в том числе и муку, из которой пекут лепешки, а дрожжевой хлеб он давно не пробовал. Есть в деревне и огороды, на которых выращивают таро, дынное дерево и бананы, но главная культура, как и повсюду в Океании, — кокосовая пальма. Оказалось, что Ет не знает, сколько у него пальм, никогда их не считал, зато помнит все по именам. Мы уже и раньше заметили, что на стволах кокосовых пальм вырезаны какие-то слова, но не понимали их значения. Теперь все стало ясно. Для жителя атолла кокосовая пальма то же, что корова для крестьянина Старого Света. Вот пальмы и получают собственные имена: сегодня «Тека» дала три ореха, завтра «Рона» даст полную скорлупу вкусного вина!

Солнце уже приближалось к горизонту, когда мы дотащили тяжело груженные резиновые лодки до протока. Дальше они поплыли «своим ходом». Шел отлив, и вода из лагуны устремилась в океан. В деревне нас приветствовали знакомые ребяташки. Днем они налови-

* По-видимому, эти глухонемые на атолле — следствие браков между лицами близкими по крови, что неизбежно при очень ограниченном населении.

ли нам множество крабов, морских звезд, моллюсков. Позади всех стояла маленькая девочка, она что-то зажала в кулачке, но подойти к лодкам ей мешала застенчивость. Свой дар девочка передала Краснову через того самого верхолаза, который так напугал нас утром. Это оказалась прекрасная блестящая раковина ципреи (*Cyprea cameleopardus*), охристого цвета с голубыми точками. От себя мальчик поднес мне большого рака-богомола (*Squilla*).

Мужское население поселка все еще сидело на песчаном бугре около моста. На многих были надеты майки и рубашки — подарки с «Дмитрия Менделеева». Все усиленно дымили «Беломорканалом», неловко держа в пальцах непривычные мундштуки.

Подошел катер, началась погрузка имущества. На берег накатывались волны зыби. Самым трудным оказалось перетащить тяжелые жестяные баки с лагунными кораллами. От этих тяжелых колоний мы ждали решения одной из загадок высокой продуктивности рифов.

Закрытая со всех сторон, мелководная лагуна маленького атолла Маракеи похожа на тихое озеро. Пологое дно усыпано белым коралловым песком, который кажется совершенно безжизненным. Только вблизи от берега на песке чернеют небольшие голотурии.

Отдельные колонии кораллов начинают попадаться лишь на полуметровой глубине. Здесь встречаются светло-желтые миллепора (*Millepora*), темно-коричневые пориты (*Porites*), розоватые поциллопора (*Pocillopora*) и коричневые с синим основанием ветвей голубые кораллы. Между колониями по дну шныряют большие белые хищные крабы калаппа (*Calappa*). Заметив опасность, такой краб быстро несется по подводной песчаной пустыне, оставляя за собой неясный след, и неожиданно исчезает с глаз. Если приглядеться, то в конце следа можно увидеть небольшой песчаный холмик, скрывающий беглеца: калаппа способны с молниеносной быстротой зарываться в рыхлый грунт.

Я довольно долго провозился, разыскивая других обитателей песка, но так никого и не нашел. Зато колонии кораллов были густо заселены, в каждой из них сидели маленькие крабики-трапеции (*Trapezia*) и другие ракообразные, в том числе кораллокарисы (*Coralloca-*

ris), черви, моллюски, змеехвостки. Около колоний постоянно вертелись крошечные коралловые рыбки, скрывающиеся среди ветвей в момент тревоги. На песчаном грунте кораллы не прирастают ко дну. Поэтому колонию легко вынуть из воды вместе со всеми ее обитателями. Мы выбрали несколько примерно одинаковых по величине колоний разных видов кораллов и поместили каждую из них в отдельный таз или большой жестяной бак. В лаборатории все они были обмерены и взвешены на больших весах, а потом каждую колонию разбили на мелкие кусочки и собрали всех животных (кораллобионтов), которые в ней скрывались.

Для каждого вида кораллов характерен свой набор видов поселенцев, которые уже с первого взгляда хорошо различаются по цвету. Так, в розовых колониях живут красноватые и розовые ракообразные, в бурых — население коричневатое или черное. В старых колониях голубого коралла, в развилках веточек сквозь бурые мягкие ткани просвечивает голубой скелет. Все рачки, обитающие здесь, имеют отчетливый синеватый налет на общем темном фоне. Такая покровительственная окраска хорошо маскирует животных на фоне колонии. Все кораллобионты прочно прирастают к веточкам или же держатся за них выростами тела, крючками и клешнями.

Чем гуще разветвлен коралл, тем больше в нем поселяется различных обитателей. Из одной колонии голубого коралла размером $60 \times 60 \times 35$ см и массой около 45 кг было извлечено 450 экземпляров различных животных общим весом почти 500 г! Ни один из обитателей колонии никогда ее не покидает. Появившись здесь из яйца или попав сюда на личиночной стадии, они проводят в колонии всю жизнь. Многие кораллобионты не могут даже перебежать с одного места на другое, так как колонии разделены значительными пространствами белого песка, на фоне которого темные рачки будут заметны для хищников (рыб, крабов). Да и передвигаться по песку они не могут, так же как и зарываться в него.

Если сами атоллы можно рассматривать как оазисы в малопродуктивных, бедных органикой тропических водах, то колония — тоже крошечный оазис среди однообразного белого песка лагуны. Она дает приют и пищу

множеству других организмов. Можно понять, какое большое значение в биопродуктивности Мирового океана играют коралловые рифы, общая площадь которых измеряется миллионами квадратных километров.

27 сентября, после кратковременного захода на атолл Бутаритари, «Дмитрий Менделеев» покинул Океанию и взял курс на север. Целых десять дней мы не видели никаких берегов и были заняты составлением отчетов и упаковкой коллекций. Потом был осенний Токио с его серыми улицами, метрополитеном, музеями, парками, универсальными магазинами, невероятно пестрыми световыми рекламами. Здесь мы встретились со многими японскими зоологами, побывали в нескольких институтах, в университете.

Ночью 14 октября из судовых репродукторов раздался знакомый голос капитана: «Внимание всех участников экспедиции! Наш шестой рейс, во время которого «Дмитрий Менделеев» прошел двадцать четыре тысячи миль, заканчивается. Поздравляю всех участников экспедиции!» Мы вернулись на родную землю.

Рейс окончился, но те огромные коллекции, которые мы в течение нескольких месяцев собирали на коралловых островах Океании, требовали скорейшей обработки. Большие контейнеры с багажом ушли в Москву и Ленинград. Участники экспедиции улетели вслед за ними.

Холодным осенним вечером, когда я вышел на мокрую площадь перед ленинградским аэропортом, голубой «Москвич» вновь стоял на том же месте, где я оставил его в начале лета, и верный друг Евгений прогрел мотор.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Еще во время рейса, когда «Дмитрий Менделеев», покинув Океанию, возвращался на север, началось предварительное обсуждение результатов экспедиции. Ежедневно в кают-компании под председательством А. А. Аксенова собирался Научный совет. Теперь, вспоминая краткие сообщения членов экспедиции о проделанной ими работе, я затрудняюсь сказать, какое же из них было самым интересным.

Географический отряд в день своего отчета развесил на всех переборках кают-компании прекрасно выполненные карты природных ландшафтов. Профессор О. К. Леонтьев сделал интереснейший обзорный доклад о геологической структуре исследованного района. А. Л. Тахтаджян рассказал о сделанных им ботанических открытиях и продемонстрировал гербарий собранных растений. Во время отчета этнографов кают-компания превратилась в настоящий музей — столько здесь было выставлено предметов материальной культуры жителей Океании. Заседание в этот день закончилось совершенно необычно: Б. Н. Путилов воспроизвел некоторые записи песен и звучания музыкальных инструментов народов Океании. Зоологические коллекции к моменту отчета были уже тщательно упакованы, и потому наш отряд мог продемонстрировать только таблицы — более двадцати профилей разрезов различных рифов, сводные графики распределения организмов и плотности их поселений.

В период работ каждый отряд был поглощен выполнением своих частных задач. Во время отчета все больше вырисовывалось то общее, что объединяло нас в комплексную экспедицию. Поэтому сводный отчет о шестом рейсе научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев», который в день прихода во Владивосток лежал на столе начальника экспедиции, не был лишь

собранными вместе сведениями по разным проблемам, а представлял собой единый труд большого коллектива авторов.

Именно во время отчетных заседаний у членов Научного совета создалось вполне определенное мнение о необходимости повторения экспедиции. Одни не получили достаточно полной информации или же нуждались в дальнейшем пополнении коллекций; другим недоставало материала из более восточных или более южных районов, куда «Дмитрий Менделеев» на этот раз не заходил; третьи стремились побывать именно в тех же местах, но в другой сезон. Для биологов было крайне важно еще раз собрать кораллы в бухте Маданга на рифе, разрушенном землетрясением. Может быть, многолетнее изучение этого рифа поможет наконец точно установить темпы роста кораллов?

Заседания Научного совета экспедиции оказались лишь началом научных отчетов. Рейс закончился в октябре, а уже в следующем, 1972 г. в печати стали появляться статьи, написанные по материалам экспедиции в Океанию. В конце этой книги читатель найдет список тех статей и книг, которые уже увидели свет. Но обработка всех материалов еще не закончена, и несомненно будет опубликовано немало трудов, фактический материал для которых был собран во время шестого рейса «Дмитрия Менделеева».

Когда участники этой незабываемой экспедиции встречаются, они непременно желают друг другу нового совместного рейса в Океанию на «Дмитрий Менделеев». И непременно в том же составе. Чтобы Аксенов руководил экспедицией, чтобы Тахтаджян нашел еще много неизвестных растений, чтобы Путилов записал на свой магнитофон самые интересные песни, чтобы Рыклин и Попов сняли такие же красочные фильмы. Конечно, это до известной степени несбыточные мечты. Мы уже не можем собраться снова все вместе. Год спустя после описываемых в этой книге событий ушел из жизни И. М. Белоусов, энергии и организаторским способностям которого все мы обязаны очень многим. Тем не менее мы верим, что такая экспедиция состоится. Она должна состояться потому, что всестороннее изучение Мирового океана необходимо для жизни нашего и будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов А. А., Исследования в юго-западной части Тихого океана. VI рейс «Дмитрия Менделеева»,— «Вестник Академии наук СССР», 1972, № 3.
- Аксенов А. А., Белоусов И. М., Загадки Океании, М., 1975.
- Басилов В. Н., Деревня Бонгу сто лет спустя,— «Вокруг света», 1973, № 12.
- Басилов В. Н., Через сто лет после Маклая,— «Советская этнография», 1972, № 4.
- Басилов В. Н. и Марова Н. А., Экспедиция в Океанию,— «Земля и вселенная», 1972, № 6.
- Бельская Г., К берегам далекой Океании (рецензия на кинофильм «К берегам далекой Океании»),— «Знание — сила», 1973, № 5.
- Бутинов Н. А., Путь к берегу Маклая,— «Дальневосточные путешествия и приключения», 1972, № 3.
- Бутинов Н. А., Черные острова — Меланезия,— «Дальневосточные путешествия и приключения», 1973, № 4.
- «География атоллов юго-западной части Тихого океана», М., 1973.
- Голиков А. Н. и др., Некоторые закономерности распределения и структуры биоценозов верхних отделов островных шельфов тропических широт западной части Тихого океана,— «Тезисы докладов. Отчетная сессия Зоологического института АН СССР по итогам работ 1971 г.», Л., 1972.
- Голиков А. Н. и др., Сравнительно-экологический анализ некоторых биоценозов верхних отделов островных шельфов в тропических водах западной части Тихого океана,— «Океанология», 1972, № 13(1).
- Игнатьев Г. М., Природные ландшафты и сельскохозяйственная деятельность папуасов на северо-востоке Новой Гвинеи,— «Вестник Московского университета». Серия 5. «Географическая», 1973, № 6.
- Игнатьев Г. М., Фосфоритный остров Науру,— «Природа», 1972, № 5.
- Игнатьев Г. М. и Суетова И. А., На берегу Маклая,— «Природа», 1973, № 10.
- Крюков М. В., А остров свой они называют Эроманга,— «Советская этнография», 1974, № 2.
- Медведев Г. С. и Тер-Минасян М. Е., Новый вид жука блестянки рода *Haptoncus Murray (Coleoptera Nitidulidae)* с острова Фиджи,— «Этномологическое обозрение», 1973, № 52(1).

- Муцетони В. М., «За экспонатам в Океанию»,— «Музейное дело в СССР», 1974, стр. 102—119.
- «На Берегу Маклая (этнографические очерки)», М., 1975.
- Наумов Д. В., Коралловые рифы Океании,— «Природа», 1972, № 10.
- Наумов Д. В., Типы коралловых рифов Океании,— «Тезисы докладов». «Отчетная сессия Зоологического института АН СССР по итогам работ 1971 г.», Л., 1972.
- Павловский О. М., Личное знакомство с Океанией,— «Вопросы антропологии», 1972, № 42.
- Павловский О. М., Сто лет спустя,— «Наука и жизнь», 1973, № 8.
- Путилов Б. Н., В Бонгу звучат окамы,— «Советская этнография», 1972, № 3.
- Путилов Б. Н., Два дня на атолле Маракей,— «Сибирь», 1972, № 5.
- Путилов Б. Н., Остров песен (на атолле Фунафути),— «Советская этнография», 1974, № 3.
- Путилов Б. Н., Через сто лет после Миклухо-Маклая,— «Дальний Восток», 1973, № 3.
- Путилов Б. Н., Шесть дней на Новых Гебридах,— «Нева», 1973, № 6.
- Тумаркин Д. Д., На Берегу Маклая сто лет спустя,— «Проблемы этнографии Востока», М., 1973.
- Тумаркин Д., Бельская Г., О тамо, кайе,— «Знание — сила», 1972, № 6.
- Тумаркин Д. Д., По островам Океании,— «Советская этнография», 1972, № 2.
- Aksjénov A. A., An den Ufern Ozeaniens,— «Urania Universum», Bd. 19, Leipzig, 1973.
- Eliakov G. V. a. o., Glicosidas of Marine Invertebrate. 1. A Comparative Study of the Glicoside Fractions of Pacific Sea Cucumbers. *Comparat. Biochem. Physiol.* 44 (B) pp. 325—336, 1973.
- Muzetoni V., En Océanie,— «La femme soviétique», 1972, № 12, pp. 32—33. In *Oceania*,— «Soviet Woman», 1973, № 1, pp. 17—19. In *Ozeanien*,— «Sowjetfrau», 1973, № 2, pp. 9, 28, 29, 36.
- Orviku K., Neli Kuud Vaiksel ookeanil,— «Horisont», 1972, № 2, pp. 11—13.
- Tumarkin D., Soviet Ethnographers in New Guinea,— «Social Sciences», 1973, № 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ОТ ЛЕНИНГРАДА ДО НОВОЙ ГВИНЕИ	10
НА БЕРЕГУ МАКЛЯЯ	35
ОСТРОВ НАУРУ И НОВЫЕ ГЕБРИДЫ	57
ПЯТЬ ДНЕЙ В АВСТРАЛИИ	80
ВЫСОКИЕ ОСТРОВА	98
АТОЛЛЫ	134
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	163
ЛИТЕРАТУРА	165

Цена 29 коп.